

A c t a Universitatis Lodz i e n s i s

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

21
2022

Sprawy Języka:
dyskurs – semantyka – onomastyka
przekład – dydaktyka

Tom Jubileuszowy dedykowany
Profesorowi Jarosławowi Wierzbieńskiemu

pod redakcją
Agaty Piaseckiej i Ivana Smirnova



WYDAWNICTWO
UNIwersytetu
ŁÓDZKIEGO



A c t a
Universitatis
Lodziensis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

21
2022



WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

A c t a Universitatis Lodzensis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

21
2022

Sprawy Języka:
dyskurs – semantyka – onomastyka
przekład – dydaktyka

Tom Jubileuszowy dedykowany
Profesorowi Jarosławowi Wierzbickiemu

pod redakcją
Agaty Piaseckiej i Ivana Smirnova

 WYDAWNICTWO
UNIwersytetu
ŁÓDZKIEGO
ŁÓDŹ 2022

 C O P E
Member since 2019
281477

REDAKCJA NAUKOWO-DYDAKTYCZNA
Agata Piasecka, Ija Tulina-Blumental, Zoja Kuca

RADA NAUKOWA

Irina Barclay (Boone, USA), *Andrzej Charciarek* (Polska, Katowice), *Thomas Daiber* (Niemcy, Giessen), *Jelena Iwanian*, *Wiera Kartawienko*, *Julia Krawcowa* (Ukraina, Kijów)
Walerij Mokijenko, *Jelena Romaniczewa*, *Andrzej Sitarski* (Polska, Poznań)
Jelena Stojanowa (Bułgaria, Szumen), *Damira Szajbakowa* (Kazachstan, Ałmaty)

RECENZENCI

Irina Barclay (Boone, USA), *Irina Czepikowa*, *Olga Desjukiewicz*, *Agnieszka Gasz* (Sosnowiec, Polska), *Agnieszka Krzanowska* (Szczecin, Polska), *Aleksy Kucy* (Łódź, Polska), *Irina Lappo* (Lublin, Polska), *Eleonora Lassan* (Wilno, Litwa)
Julia Lukojanowa, *Julia Mazurkiewicz-Sułkowska* (Łódź, Polska), *Larysa Nakoneczna* (Ukraina, Iwano-Frankiwnsk), *Olga Parszyna*, *Elena Pedigo-Clark* (Durham, Karolina Północna, USA), *Barbara Rodziejewicz* (Szczecin, Polska), *Kristiana Simeonowa* (Sofia, Bułgaria), *Radostina Stojanova* (Sofia, Bułgaria), *Valentina Tarasenko* (Kijów, Ukraina), *Irina Tarasowa*, *Jarosław Wierzbński* (Łódź, Polska)

REDAKCJA TOMU

Agata Piasecka, Ivan Smirnov

REDAKTORZY JĘZYKOWI

Agata Piasecka (język polski, język rosyjski), *Ivan Smirnov* (język rosyjski)
Anna Iacovou (język angielski), *Konrad Szulga* (język angielski),

REDAKTOR INICJUJĄCY

Sylwia Mosińska

SKŁAD I ŁAMANIE

Munda – Maciej Torz

KOREKTA TECHNICZNA

Elżbieta Rzymkowska

PROJEKT OKŁADKI

Agencja Komunikacji Marketingowej efectoro.pl

Publikacja bez opracowania redakcyjnego w Wydawnictwie UŁ

© Copyright by Authors, Lodz 2022

© Copyright for this edition by University of Lodz, Lodz 2022

Wydane przez Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

Wydanie I. W.10890.22.0.Z

Ark. wyd. 11,0; ark. druk. 11,5

ISSN 1731-8025

e-ISSN 2353-9623

Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

90-237 Łódź, ul. Jana Matejki 34A

www.wydawnictwo.uni.lodz.pl

e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

tel. (42) 635 55 77



Professor Jarosław Wierzbński

Содержание

От Редакции	11
Irina Y. Barclay – Особенности формирования первых женских биографических формуляров в русской официально-деловой письменности XVII века	17
Irina Y. Barclay – The Specifics of the First Female Biographies in the 17 th -century Russian Official Discourse	18
Thomas Daiber – Глагольные причастия в <i>Учительном Евангелии</i> Мелетия Смотрицкого	27
Thomas Daiber – Participles in the <i>Didactic Gospel</i> of Meletij Smotryc'kyj	28
Jale Coşkun – Сходства и различия русских и турецких суеверий в лингвокультуре	37
Jale Coşkun – Similarities and Differences between Russian and Turkish Superstitions in Linguoculture	38
Гочо Гочев – Перевод номинаций русских жестов согласия и несогласия на болгарский язык (на материале жестов головы)	49
Gocho Gochev – Translation of the Nominations of Russian Gestures of Agreement and Disagreement into Bulgarian (Based on Material on Head Gestures)	50
Anna Alekseevna Khokhlova – A Brief Description of Samara Ergonyms ..	63
Людмила Карпенко – Пространственность как семантико-грамматическая особенность русского языка (в сравнении с болгарским языком) ..	69
Lyudmila Karpenko – Spatiality as a Semantic and Grammatical Feature of the Russian Language in Comparison with Bulgarian	70
Сергей Кураш – Метафорика и интертекстуальность: еще раз об изоморфизме и функционировании (на материале русской и белорусской поэзии)	81
Sergei Kurash – Metaphorics and Intertextuality: Once Again about Isomorphism and Functioning (Based on Russian and Belarusian Poetry) ..	82

Елена Невзорова-Кмеч – О некоторых фразеологизмах польского и русского преступного жаргона с компонентом-анимализмом: материалы к словарю	95
Elena Nevzorova-Kmecz – About Some Phraseological Units of the Polish and Russian Criminal Jargon with an Animalism Component: Dictionary Materials	96
Тацияна Старасценка – Рэалізацыя сэнсавых апазіцый у паэтычным дыскурсе Еўдакіі Лось	121
Tatstsyana Starastsenka – Implementation of Semantic Oppositions in the Poetic Discourse of Jeŭdakija Loś	122
Светлана Шаховская – 3 мікратапанімічнага кантынуума Уздзеншчыны	131
Svetlana Shakhovskaya – From the Microtoponymic Continuum of the Uzda Region	131
Толганай Сагыновна Курманбаева, Дамина Дисингалеевна Шайбакова – Научная терминология в технических текстах: лингводидактический аспект	141
Tolganai Sagynovna Kurmanbaeva, Damina Disingaleevna Shaibakova – Scientific Terminology in Technical Texts: Linguodidactic Aspect	142
Оксана Васильева – Креатив или примитив? Анализ текстов публичных выступлений в жанре стендап с точки зрения теории языковой игры	155
Oksana Vasil'eva – Creative or Primitive? Analysis of the Texts of Public Speeches of the Stand-up Genre from the Point of View of the Theory of Language Game	156

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Aleksandra Zięba – Sprawozdanie z Konferencji Naukowej <i>SLAVICA IUVENUM</i>	165
Aleksandra Zięba – Report from the Scientific Conference <i>SLAVICA IUVENUM</i>	166
Zoja Kuca – «Эффективно и интересно» – на примере учебного пособия по русскому языку <i>Просто класс</i>	173
Zoja Kuca – “Effective and Interesting.” An Example of the Russian Language Textbook <i>Просто класс</i>	174

Наталья Кислова, Ольга Шалифова, Алена Ключина – Междуна- родная летняя школа по русскому языку как иностранному в Самар- ском Государственном Социально-Педагогическом Университете (23.06.2021 – 4.08.2021)	181
Natal'ya Kislova, Ol'ga Shalifova, Alena Klyushina – Russian Lan- guage Course at International Summer School of Samara State University of Social Sciences and Education (23.06.2021 – 4.08.2021)	182

От Редакции

Публикации 21 тома журнала *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica* имеют особый характер и посвящены профессору Ярославу Вежбиньскому. Идея посвятить предыдущий выпуск журнала научной деятельности профессора родилась на кафедре языкознания Института русистики довольно давно. После того, как исследователям восточнославянских языков предложили опубликовать свои статьи в очередном выпуске журнала, запланированного на 2021 год, юбилейный для Профессора, порядка 30 ученых изъявили желание представить свои тексты. Из-за количества статей, адресованных Юбиляру, редакция приняла решение разместить тексты в двух отдельных томах. Этот том особенный по двум причинам: 20-летний период существования журнала и юбилей первого главного редактора Ярослава Вежбиньского. В связи с этим мы сознательно решили посвятить выпуск и второго тома журнала профессору Ярославу Вежбиньскому.

Журнал *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica* был основан в 2003 году. За прошедший период на его страницах было напечатано в общей сложности 282 текста. Авторы статей ведут научную деятельность в Болгарии, Украине, России, Казахстане, Белоруссии, Германии, Израиле, Венгрии, Киргизии, Турции, Литве и Латвии. Исследователи из Сосновца, Жешува, Вроцлава, Кракова, Люблина, Варшавы, Быдгоща, Седльца, Щецина, Кельца, Торуня, Серадза, Познани, Бельско-Бялы, Белостока, Лодзи также регулярно публикуют свои статьи в журнале. На его страницах представлены оригинальные, многогранные и творческие исследования в области славянского языкознания. В своих статьях языковеды освещают проблемы, относящиеся к вопросам семантики, стилистики, этнолингвистики и когнитивистики. Отдельные исследования были посвящены этимологии языковых единиц, лингвокультурной компетентности, лингвистической прагматике, а также переводоведению и глоттодидактике. Написанные статьи знакомят читателей с оригинальными, зачастую новаторскими методами исследования.

В данном томе опубликовано 15 научных статей, авторы которых проводят научную деятельность в США, Германии, Турции, Болгарии, Казахстане и Польше. И как всегда в данном выпуске международными исследователями представлен ряд интересных интерпретационных решений, связанных с вопросами славянского языкознания в контексте дискурсологии, ономастики, фразеологии и дидактики. Традиционно свои научные достижения пред-

ставили не только опытные ученые, но и молодые лингвисты, чьи научные интересы перекликаются с профессиональной деятельностью профессора Вежбиньского.

В сборнике в целом представлены статьи, отражающие основные направления в области языкознания, иллюстрирующие богатство и сложность процессов, происходящих в славянских языках. Кроме того в текстах прослеживается тесная связь языка с культурой и ментальностью различных народов.

Редакция журнала, коллектив кафедры языкознания Института русистики и авторы публикаций 21-го тома поздравляют Профессора со славным юбилеем и с удовольствием посвящают ему данный выпуск.

Agata Piasecka

Перевод: *Иван Смирнов*

A Word from the Editors

Volume 21 of *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica* has a special character and, as the previous one, is dedicated to Professor Jarosław Wierzbński. The idea to commemorate the Professor in Volume 20 of our journal came from the Linguistics Department of the Institute of Russian Studies some time ago. Experts in East Slavic languages invited to contribute to the jubilee volume, originally planned to be issued in 2021, that is in the year of Professor's 70th birthday, submitted as many as thirty research papers. Given this remarkable number of articles penned in recognition of the Jubilarian, our editing board decided to distribute the texts between two separate volumes. This volume is a special one for another reason. It marks the 20th anniversary of the first edition of our journal. For this reason, we have decided to celebrate this momentous occasion by dedicating this volume to the first and many years' editor-in-chief, Professor Jarosław Wierzbński.

Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica was created in 2003. It has featured 282 scientific papers to date. The authors come a number of countries, just to mention Ukraine, Bulgaria, Russia, Kazakhstan, Belarus, Germany, Israel, Hungary, Kirghizia, Turkey, Lithuania, or Latvia. Also, many domestic authors have been invited to contribute. They represent various research centres, among them, Sosnowiec, Rzeszów, Wrocław, Kraków, Lublin, Warszawa, Bydgoszcz, Siedlce, Szczecin, Kielce, Toruń, Sieradz, Poznań, Bielsko-Biała, Białystok, and Łódź. The journal features original, multi-layered, and creative studies on the Slavic languages and cultures. The contributing authors of various origins and backgrounds, expert philologists, explore various scientific domains, such as semantics, stylistics, ethno-linguistics, and cognitive approaches. Besides, the journal is open to papers covering the problems of etymology of selected linguistic units, linguistic and cultural competence, language pragmatics, translation studies, and foreign language teaching. The authors study a variety of texts and employ diverse and innovative research methods.

Volume 21 contains fifteen papers. The contributing researchers represent research centres scattered across several continents. There are papers from the United States, Germany, Turkey, Kazakhstan, Poland, and many other countries. This time a number of interesting interpretative approaches are showcased. The international group of experts explore Slavic linguistics in the context of discourseology, onomastics, phraseology, and didactics. There are comparative works, reports, and reviews. Traditionally, not only experienced scholars but also young academics associated with the Professor were invited to submit their texts.

The entire body of published works represents linguistic studies in the broad sense. The volume shows the wealth and complexity of process is occurring in Slavic languages. On top of that, it reveals close links between language, culture, and how different nations perceive reality.

The editorial board and the team of the Department of Linguistics of the Institute of Russian Studies hope that this volume will kindle the Jubilarian's scientific interests and will encourage him to reach for his immeasurable pool of ideas for further research and creative initiatives.

Agata Piasecka

Translation: *Konrad Szulga*

Słowo od Redakcji

21. tom *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica* ma charakter szczególny i – podobnie jak tom poprzedni – dedykowany jest Panu Profesorowi Jarosławowi Wierzbickiemu. Pomysł dedykowania Panu Profesorowi tomu 20. zrodził się w Zakładzie Językoznawstwa Instytutu Rusycystyki już dość dawno. Po zaproszeniu badaczy języków wschodniosłowiańskich do publikacji w Tomie Jubileuszowym, zaplanowanym na rok 2021, czyli rok okrągłych urodzin Pana Profesora, okazało się, że napłynęło bardzo wiele tekstów, blisko 30. Z uwagi na liczebność artykułów napisanych w dowód uznania dla Jubilata, redakcja podjęła decyzję o umieszczeniu tekstów w dwóch odrębnych tomach. Niniejszy tom jest szczególny w dwójnasób. Wińczy on bowiem 20. lat istnienia naszego periodyku. Postanowiliśmy zatem tę doniosłą dla Zakładu Językoznawstwa Instytutu Rusycystyki okoliczność podkreślić specjalną dedykacją – dedykacją pierwszemu i wieloletniemu redaktorowi naczelnemu niniejszego czasopisma Panu Profesorowi Jarosławowi Wierzbickiemu.

Pismo *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica* powstało w 2003 roku. Do chwili obecnej na jego łamach ukazały się 282 teksty. Ich Autorzy pochodzą z takich krajów, jak Ukraina, Bułgaria, Rosja, Kazachstan, Białoruś, Niemcy, Izrael, Węgry, Kirgizja, Turcja, Litwa czy Łotwa. Swoje badania naukowe zaprezentowali również specjaliści z wielu polskich ośrodków akademickich: z Sosnowca, Rzeszowa, Wrocławia, Krakowa, Lublina, Warszawy, Bydgoszczy, Siedlec, Szczecina, Kielc, Torunia, Sieradza, Poznania, Bielska-Białej, Białegostoku i oczywiście z Łodzi. Czasopismo prezentuje oryginalne, wielopłaszczyznowe i twórcze studia z zakresu słowiańszczyzny. W dotychczasowych artykułach międzynarodowi specjaliści-filolodzy podejmowali różnorodne kwestie dotyczące semantyki, stylistyki, etnolingwistyki i kognitywistyki. Pojawiały się również studia obejmujące zagadnienia etymologii wybranych jednostek językowych, problemów kompetencji lingwokulturowej, pragmatyki językowej, a także przekładoznawstwa czy glottodydaktyki. Badania prowadzono na materiale różnego rodzaju tekstów i przy wykorzystaniu różnorodnych, bardzo często nowatorskich, metod badawczych.

Niniejszy tom zawiera 15. tekstów. Ich Autorami są badacze reprezentujący ośrodki z różnych kontynentów. Znajdziemy w nim zatem prace lingwistów ze Stanów Zjednoczonych, Niemiec, Turcji, Bułgarii, Kazachstanu, Polski i in. Tym razem przedstawiono szereg ciekawych rozwiązań interpretacyjnych, w których międzynarodowe grono specjalistów zajęło się sprawami językoznawstwa

słowiańskiego w kontekście dyskursologii, onomastyki, frazeologii, dydaktyki. Nie zabrakło prac porównawczych, sprawozdań i recenzji. Tradycyjnie już swoje teksty nadesłali nie tylko doświadczeni naukowcy, ale też młodzi pracownicy naukowi, którzy w pewien sposób związani są z osobą Pana Profesora.

Zbiór prac jako całość wpisuje się w szeroko pojęte studia nad językiem. Ukazuje bogactwo i złożoność procesów zachodzących w językach słowiańskich. Odsłania ponadto ścisłe zależności między językiem, kulturą narodów i sposobem postrzegania rzeczywistości przez różne nacje.

Redakcja oraz Zespół Zakładu Językoznawstwa Instytutu Rusycystyki ma nadzieję, że lektura 21. tomu sprawi naszemu Jubilatowi przyjemność oraz zrodzi w Nim niezmiernie pokłady pomysłów zachęcających do dalszej działalności naukowej i twórczej.

Agata Piasecka



Irina Y. Barclay

 <https://orcid.org/0000-0002-5511-7025>

*Appalachian State University
Languages, Literatures & Cultures
L.S. Dougherty Hall-Room 202 B
261 Locust Street
28608-2063 Boone, USA
barclayiy@appstate.edu*

Особенности формирования первых женских биографических формуляров в русской официально-деловой письменности XVII века

The Specifics of the First Female Biographies in the 17th-century Russian Official Discourse

Резюме

Актуальность настоящей статьи заключается в отсутствии филологических исследований, посвященных подробному изучению и описанию первых женских биографических формуляров, которые появились в русской официально-деловой письменности в XVII веке. Именно в них отразились такие важные эпизоды из жизни средневековых женщин, как их семейные связи и сословные принадлежности, фискальные сведения и юридические права наследования на землю другое имущество, лимитированный выбор профессий и условия выживаемости в трагические периоды развития России, места проживания и даже внешние черты. Эти перечисленные экстралингвистические факторы воплотились в лексическом наполнении писцовых документов, в которых главную роль играли собственные женские имена и такие гендерные термины, как девка, жена, мать, сестра, сноха, вдова и повивальная бабка. Перечисленная гендерная терминология выполняла роль своеобразного маркера, который компенсировал возможные пропуски женских имен в писцовой документации в исследуемый промежуток времени.

Для выполнения поставленных целей и задач автором использовались оригинальные рукописи, хранящиеся в российских и шведских государственных архивах, а также уже опубликованные писцовые источники по истории Вологды, Новгорода, Твери и Ярославля. Этот широкий исторический контекст и связанный с ним лингвистический материал позволили



Received: 06.01.2022. Verified: 05.02.2022. Accepted: 09.09.2022.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

увидеть и проанализировать письменные процессы формирования первых женских биографических формуляров, отдельные черты из которых до сих пор используются в современном русском языке.

Полученные данные могут быть использованы в курсах по истории русского языка XVII века, а также в смежных дисциплинах по исторической славянской ономастике и средневековым гендерным исследованиям.

Ключевые слова: гендер, русская средневековая документация, гендерные термины, женские имена.

Summary

This article is based upon the surprising deficiency of philological studies dedicated to the examination of the first female biographical descriptions that there in abundance in the Russian official discourse of the 17th century. Indeed, these early works reflect fundamental functions attributed to the lives of mediaeval women and depict family connections, locations, class affiliations, fiscal standings, and the legal rights to inherited property and assets. Likewise, we witness a limited choice of female occupations and their dreadful living conditions throughout tragic historical Russian epochs. These external facts, when combined with the incarnate use of applicable female proper names in the official discourse, give a new life to limited-gender terms such as maid, wife, mother, sister, daughter-in-law, widow, and midwife.

This gender terminology played a specific-marker role in first female biographical descriptions, replacing the use of the women's actual first names with their function as maid, wife, sister, mother, etc.

To complete such tasks, goals, and functions are evident in their use in the original manuscripts found in Russian and Swedish archives and also previously published as official sources from the 17th century in the history of Volgograd, Novgorod, Tver, and Yaroslavl. This broad linguistic context allowed us to see and analyse the written processes in the formation and depiction of the first female biographical descriptions, some traits of which are still seen in modern Russian.

The historical-linguistic materials presented in my article might have been useful in the 17th-century Russian Language Courses as well as interdisciplinary studies examining Slavic onomastic and mediaeval gender theories and studies.

Keywords: gender, Russian mediaeval discourse, gender terms, female names.

Во многих историко-филологических публикациях отмечался и до сих пор отмечается высокий исследовательский интерес к некалендарным и календарным мужским личным именам, которые были зафиксированы в официально-деловой письменности XVII века. Перечисление этих собственных имен было связано с целями и задачами Поместного приказа, занимавшегося описаниями разнообразных типов феодального землевладения, ремесел, государственных налогов, а также семей, в которых мужчины выполняли главенствующие роли. Все эти экстралингвистические факторы способствовали появлению и закреплению письменных биографических сведений о мужчинах (Тупиков, 2005; Макарова, 1997).

Женские имена в отличие от мужских упоминались фрагментарно и всегда сочетались с такими гендерными терминами пола, как *девка*, *дочь*, *сестра*, *жена*, *мать*, *вдова*, *сноха* и *повивальная бабка*, в которых были отражены их существенные семейные признаки и наличие акушерской профессии.

Вышеназванные гендерные термины в своих сочетаниях с календарными и некалендарными женскими именами привели к формированию первых женских биографических формуляров, в содержании которых перечислялись социальные сословия и профессиональные занятия женщин, их фискальные сведения и семейный статус, национальности, места проживания и даже внешние черты (Барклай, 2003, 175–187; Селин, 2010, 32–50). Эти небольшие официально-деловые фрагменты XVII века характеризовались использованием однозначной лексики, словообразовательной вариативностью тех или иных собственных имен и относительно свободным порядком слов в синтаксических конструкциях.

Все эти экстралингвистические и собственно лингвистические факторы были обнаружены мною в *Писцовых и переписных книгах Вологды XVII – начала XVIII века* (Пугач, 2018), *Писцовой и межевой книге Твери 1685–1686 г.* (Матисон, 2014), в *Новгородских писцовых документах Смутного времени* (Löfstrand, Nordquist, 2005), *Ярославских писцовых, дозорных, межевых и переписных книгах XVII в.* (Урусов, 1913) и в *Выписях из тверских писцовых и переписных книг Потапа Нарбекова и подъячего Богдана Фадеева 1626 г.* (Тверская ученая архивная комиссия, 1901), которые легли в основу написания предлагаемой статьи¹.

ДЕВКА

В *Новгородской кабальной книге 1614/1615 гг.* писец Семен Лутохин и площадные подьячие Корнилко Ефимьев и Агейко Офонасьев кратко описали биографический формуляр девки Федосьицы Ивановой дочери Гордеева, которая, заняв два рубля у новгородца Андрея Алисина, согласилась стать его работницей:

ркгт .сентября въ д.д к дъяку семену лутохинѣ / площадные подьячие корнилко ефимьев агейко ово/насев принесли к записке служилѣю кабалу а в ка/бале пишут се яз дѣвка еодосица иванова доч / гордѣева саянла есми ѣ новокрещена ѣ ондрея ѣ алисина денег два рубля московским числом сентяб/ря от д числа да того ж числа на год а са рѣ/сть мне еодосицы ѣ гсдря своего ѣ ондрея слу/жити по вся дни во дворе... (Löfstrand, Nordquist, 2005, 187).

¹ В статье см.: ТУАК.

В вышеприведенном биографическом формуляре Федосьицы гендерный термин *девка* был использован в своих словарных значениях ‘молодая незамужняя девушка, служанка’ (СлРЯ 4, 198). Семейный термин *дочь* занял среднюю позицию между именем и фамилией отца девушки, подчеркнув устройство феодальной семьи, в котором главную роль играл отец, а не мать, имя которой осталось неизвестным.

В исследуемых писцовых документах подобный биографический формуляр использовался в описании княжон.

В *Отдельных книгах 1612–1614 гг.*, созданных на территории Водской пятины, упоминалось именное словосочетание князя дочь Олена Белосельская, отцом которой был князь Богдан Белосельский. Очевидно, что накануне своего замужества она получила землю в селе Мроткине в Городенском погосте. Новгородский дяк Семен Лутохин и губной староста Михаил Неелов зафиксировали имя, фамилию и социальный статус отца Олены, который являлся главным землевладельцем в семье:

Лѣта .#зрка. г сентбря в.г. днь королевског / величества и ноугородцког гсдства бояр и воевод / якова пунтосовичя делегарды да кнзя ивана / никитичя болшог одоевског по грамоте и по вы/писѣ съ книг за приписю діака семена луто/хина вотцкые пятины полу-ские половины / губной староста михила неѣлов ѡтделѣл / кнсе яковлевског помѣстья белоселског богда/ну ивановѣ сну самарину в вотцкои пятине / в городенском погосте в вопчем селѣ в мроткине / храм никола чюдотворец вопчи со кнжею з дѣ/вкою с оленою со кнзе богдановою дочерю белоселског на богданов жеребеи крстьян / в васка прокоѡев снѣ ѡгуров водик да филиппко демидовы (Löfstrand, Nordquist, 2005, 187).

В случае побегов имена девушек не записывались вообще и таким образом они частично утрачивали свою идентификацию:

августа в' л. дн искала по челобитной // вдова степанида ивановская / жена черкасова на посадкомѣ / члѣвки на захарки на хлѣбники под / говору бѣглои дѣвки своєї да сносног / живота денег ш'ти рублей и д'ву / гривен [...] (Löfstrand, Nordquist, 2005, 99).

В приведенном примере полный биографический формуляр был представлен только в имени Степаниды Ивановской, жены Черкасова, которая занималась поисками своей беглой девки.

ДОЧЬ

В анализируемых писцовых документах XVII века активно использовался гендерный и семейный термин *дочь*, указывавший на тесное родство наследницы с ее отцом (СлРЯ 4, 347).

В *Отдельных книгах 1611 г.* упоминалась девка Марфа, дочь Матфея Кушелева, который отдал ей два двора в новгородской деревне Васьково в Ильинском погосте на Тигоде:

и отделил матеѣвског помістья кушелева до/чери ево маѣе в ѡльинском погѣсте (!) в тиготцком (дрвня) васково два дворы пуѣсты паѣшни / обжа (дрвня) малои двѡр а в нем двор пуѣсть [...] (Löfstrand, Nordquist, 2005, 123).

В *Тверских Выписях Потана Нарбекова* (ТУАК, 48) термин *дочь* в сочетании с полным женским именем Палагея показал зависимое положение женщины в семье, потому что безымянные внучата мужского пола, ее ближайшие родственники, были записаны первыми в получении дворового места, а Палагея последней:

[...] а ныне то место дворовое за внучаты их за Степановым сыном Ивановым Посевьиным да за Палагею Дмитриевою дочерью Посевьива (ТУАК, 48).

В этом же документе был отмечен пример, в котором дочь сама распоряжалась своим *черным местом* 'земельным, двором, владельцы которого облагались государственными тягловыми повинностями' (СлРЯ 9, 114):

[...] место черное нечайка поступова, умеръ давно, а пашеть то мѣсто троицкой попѣ едоръ, а дала-де ему то мѣсто нечайкова дочь акулинка по дачѣ отца своего (ТУАК, 113).

ЖЕНА – МАТЬ – ВДОВА

В вологодских, новгородских, тверских и ярославских женских биографических формулярах статус замужества воплотился в таких семейных терминах, как *мать – жена – вдова*, которые, как правило, относились к одному и тому же лицу.

Наиболее интересным и заслуживающим большего внимания являлся статус вдов, который в то время был разнообразен, противоречив и амбивалентен. Прежде всего это проявилось в практике их гендерных наименований. Если до смерти своего мужа она называлась его *женой*, то после его смерти она называлась его *вдовой*, *женой* и иногда *бобылкой* 'женщиной, не имеющей собственной земли и не несущей государственного тягла' (СлРЯ 1, 255).

У него ж живет бобылка вдова Саломанидка Ивановская жена Кирилова, у нее сын Ивашка – двенадцати лет, да в том же доме живет Сенькин шурин Офонька Носов (Матисон, 2014, 91).

Вдовство было одним из наиболее важных компонентов супружества, согласно которому вдова сохраняла свои связи с детьми и внуками и передавала им свои права наследования на землю:

А по[д] тем двором земля, по писцовой книге, бывало вдовы Ирины Борисовской жены Вельяминова, а ныне то место дано внуку ее Офонасью иванову сыну Мусину-Пушкину (Матисон, 2014, 47).

Подобный пример был представлен также в *Дачных книгах 1611/1612 гг.* Деревской пятины, в котором Марья была и матерью, и женой, и вдовой; в случае своего ухода в монастырь она должна была передать двадцать пять четей земли сыну.

[...] а ис тѣхъ ѿск. чети приговорено на про/житок матери его василевской же/нѣ вдовѣ маре. ѿке. чети. и не доидет смир/ново в отцовской ѡкладѣ. ѿхн. чети. ѿл. чети. а как мат его вдова марья пострижет/ца или еѣ не станет и та . ѿке. чети / ему ж смирному (Löfstrand, Nordquist, 2005, 118).

Уход вдовы в монастырь значительно менял ее гражданские права, потому что там вдова становилась сестрой и жила в келье. Она могла начать свою новую профессиональную карьеру или провести свои последние годы жизни в постоянных молитвах, каждодневное расписание которых зависело от времени проведения монастырской службы, приема еды, выполняемых работ и последующего сна.

[...] пол-мѣста лавочнаго пусто вдовы огрофенки ивановской жены бубенной палки постриглась (ТУАК 1901, 39).

[...] Отъ Воскресенья Христова идучи, по лѣвую сторону съ высила мѣсто пусто келейное вдовы Анницы посадскаго человѣка Фоминскіе жены умерла... (ТУАК, 61).

Примеры из привлеченных к анализу источников показали, что вдовы после смерти своих мужей наследовали их земельные наделы, дворы и торговые лавки. Несмотря на это, имена, фамилии, прозвища и профессии умерших мужей активно записывались в биографические формуляры вдов, которые, возможно, были знакомы с профессиями своих мужей и могли заниматься уплатой оброков 'податей, налогов (натурой или деньгами) в пользу их феодала или в государственную казну' (СлРЯ 12, 155). Они продавали и покупали землю, меняли место проживания и вновь выходили замуж:

[...] дворъ вдова Парасковица миткина жена Реброва ловчево пути крестьянина (ТУАК, 18).

[...] пол-лавки вдовы Пелагейки Мишкины жены Косарева, а оброкъ дает Государю (ТУАК, 35).

[...] клѣтъ вдовы Ульянки посадскаго человѣка Ивашковы жены, а купила она тое клѣтъ боярина Ивана Никитича Романова у крестьянина у Микитки Иванова” (ТУАК 1901, 32).

[...] четверть мѣста лавочнаго пусто Авдотьицы Трофимовской жены, живетъ въ Москвѣ” ТУАК, 37).

[...] мѣсто вдовы Варварки, а нынѣ она шла замужъ за посадскаго человѣка за Ивашка Шелуханова (ТУАК, 75).

В русских городах XVII века границы между городом и деревней были зыбкими и неустойчивыми; жизнь городских жителей походила на сельскую и, таким образом, привела к появлению двух цепочек слов: *вдова – жена – крестьянка* или *вдова – крестьянка – жена* в значении ‘вдова, занимающаяся хлебопашеством или другими крестьянскими работами и платившая податные налоги’ (СлРЯ 8, 50–51).

Не имея своих фискальных доходов, многие вдовы становились собственностью своего феодала, который полностью распоряжался их трудом:

[...] дворъ вдова Татьяна сорокина жена, боярина Ивана Никитича Романова крестьянка (ТУАК, 17).

[...] въ избенкѣ вдова Афимьица, боярина Ивана Никитича Романова крестьянка жена Коптелова (ТУАК, 22).

ПОВИВАЛЬНАЯ БАБКА

Это гендерное словосочетание стало неотъемлемой частью женского биографического формуляра, потому что в нем отразилось древнейшее медицинское занятие, которое было известно со времен появления Ветхого Завета и рассматривалось как естественное продолжение материнских и женских обязанностей².

Оно значительно расширило женские биографические формуляры, потому что показало профессиональную женскую занятость и средневековые понятия о народном медицинском образовании в русском обществе. В исследуемый промежуток времени повивальная бабка была целителем и психиатром для роженицы и ее ребенка, а в случае смерти его погребальщицей (СлРЯ 15, 157). Скупые сведения, представленные в анализируемой официально-деловой письменности, продемонстрировали новый статус вдовы, которая после смерти мужа могла заниматься родами.

² В *Книге Исход* (1:15) упоминались повивальные бабки и две их главные повитухи Шифра и Пуа. В *Новом Завете* была описана Саломея-повитуха.

Если в *Тверских Выписях* упоминались четыре повивальные бабки, то в *Вологодских* и *Ярославских Писцовых книгах* их было по одной: вдова и повивальная баба Татьяна (Пугач, 2018, 107), а также повивальная бабушка Алена (Урусов, 1913, 279).

[...] двор повивальная бабка Устинья посадского человѣка Павлова жена портнаго мастера, мужъ давно умеръ въ меженину (ТУАК, 25).

Представленная словообразовательная вариативность гендерного термина *баба – бабка – бабушка* проиллюстрировала местное словоупотребление этого слова в его возможной коннотативной окраске в Твери, Вологде и Ярославле.

В случае городских пожаров, войн и неурожаев повивальные бабки испытывали финансовую нужду и нередко нищенствовали:

[...] съ улицы въ соборовскомъ переулкѣ по правой сторонѣ отъ Вознесенской улицы мѣсто пусто повивальной бабки Татьянки да сына ее первушки, а была посадскаго человѣка женишко, скитаецца по міру (ТУАК 1901, 57).

Использование таких языковых выражений, как *жена бродит* или *скитается по миру, пристаает от бедности в городе* или *сошла безвестно* (СлРЯ 1, 336), говорило о маргинальном положении многих женщин после окончания русско-литовской войны и о появлении новых фактов в их биографических формулярах.

Завершая статью, остается добавить, что в исследованных женских биографических формулярах была четко отражена иерархия семейных и социальных взаимоотношений в феодальной России. Лингвистические границы и лексическое наполнение женских биографических сведений зависели от экстралингвистических факторов, местного словоупотребления и особенностей приказного языка XVII века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барклай, И.Е. (2003). *Антропонимика Тверского региона*. В: *Аспекты лингвистических исследований*. Сборник научных трудов (175–187). Тверь: Тверской государственный университет.
- Выписи из Тверских Писцовых и Переписных книг Потапа Нарбекова и подъячего Богдана Фадеева 1626 г. Город Тверь*. (1901). Тверская ученая архивная комиссия. Тверь: Типо-Литография Ф.С. Муравьева.
- Макарова, И.Е. (1997). *Выписи из писцовых, межевых, мерных книг и пожалованных грамот Колязинского, Краснохолмского Антониева монастырей*. Тверь: Тверской государственный университет.
- Матисон, А.В. (2014). *Писцовая и Межевая Книга Твери 1685–1686 г.* Москва: Старая Басманная.

- Пугач, И.В. (сост.). (2018). *Писцовые и Переписные Книги Вологоды XVII – начала XVIII века*. Т. 3. Вологда: Древности Севера.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* – СЛРЯ. Вып. 1, 1975; Вып. 4, 1977; Вып. 8, 1981; Вып. 9, 1982; Вып. 12, 1987; Вып. 15, 1989. Москва: Наука.
- Тупиков, Н.М. (2005). *Словарь древнерусских личных собственных имен*. Москва: Языки славянских культур.
- Урусов П. (сост.). (1913). *Ярославские Писцовые, Дозорные, Межевые и Переписные Книги XVII в. Книга 6*. Вып. 3 и Вып. 4. Ярославская ученая архивная комиссия. Ярославль: Типо-Лит. Николаевой, зд. Спас. Монастыря.
- Löfstrand, E., Nordquist, L. with contributions by A. Turilov. (2005). *Accounts of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617*. Series 1. Stockholm: Riksarkivet.

- Barklai, I.E. (2003). *Antroponimika Tverskogo regiona. V: Aspekty lingvisticheskikh issledovaniy. Chornik nauchnykh trudov (175–187)*. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet.
- Löfstrand, E., Nordquist, L. with contributions by A. Turilov. (2005). *Accounts of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617*. Series 1. Stockholm: Riksarkivet.
- Makarova, I.E. (1997). *Vypisi iz pistsovykh, mezhevykh, mernykh knig i pozhalovannykh gramot Kolyazinskogo, Krasnokholmskogo Antonieva monastyrei*. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet.
- Matison, A.V. (2014). *Pistsovaya i Mezhevaya Kniga Tveri 1685–1686 g.* Moscow: Staraya Basmannaya.
- Pugach, I.V. (сост.). (2018). *Pistsovye i Perepisnye Knigi Vologody XVII – nachala XVIII veka*. Т. 3. Вологда: Древности Севера.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* – SLRYa. Vyp. 1, 1975; Vyp. 4, 1977; Vyp. 8, 1981; Vyp. 9, 1982; Vyp. 12, 1987; Vyp. 15, 1989. Moscow: Nauka.
- Tupikov, N.M. (2005). *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Urusov P. (сост.). (1913). *Yaroslavskie Pistsovye, Dozornye, Mezhevye i Perepisnye Knigi XVII v. Книга 6*. Вyp. 3 и Вyp. 4. Yaroslavskaya uchenaya arkhivnaya komissiya. Yaroslavl: Tipo-Lit. Nikolaevoi, zd. Spas. Monastyrya.
- Vypisi iz Tverskikh Pistsovykh i Perepisnykh knig Potapa Narbekova i pod"yachego Bogdana Fadeeva 1626 g. Gorod Tver*. (1901). Tverskaya uchenaya arkhivnaya komissiya. Tver: Tipo-Litografiya F.S. Murav'eva.

Thomas Daiber

 <https://orcid.org/0000-0003-4185-294X>

Justus-Liebig-Universität

Institut für Slavistik

Otto-Behaghel-Straße 10 D

D - 35394 Gießen

thomas.daiber@slavistik.uni-giessen.de

Глагольные причастия в *Учительном Евангелии* Мелетия Смотрицкого

Participles in the *Didactic Gospel* of Meletij Smotryc'kyj

Резюме

В рамках миссионерской активности Мелетий Смотрицкий захотел в своем *Учительном Евангелии* (УЕ) предложить библейские тексты с толкованием в народном, не-церковнославянском языке, чтобы читатели легче смогли познакомиться со взглядами православных авторов. На материале первых десятих библейских в порядке УЕ статья идентифицирует в исходном греческом тексте все конструкции с глагольными причастиями и сравнивает их переводческие эквиваленты в разных переводах Библии: УЕ, Острожская Библия, украинский перевод Кулиша и русский Синодальный перевод.

В статье поставлен вопрос, можно ли оценить близость языка переводов к более разговорным выражениям при помощи числового сравнения всех случаев где данные переводы показывают полное морфологическое соответствие с Греческим оригиналом? Если соблюдается не только морфологическое соответствие перевода с греческой конструкцией, но и глагольное время употребляемого причастия как второй параметр сравнения, тогда переводы покажут значимые различия. Конечно, глагольное время обязательно сменяется, если в языке переводе уже не найдется эквивалент аориста, но все-таки спрашивается, если Греческий аорист переводится причастием прошедшего времени (прежде всего совершенного вида) или причастием настоящего времени (несовершенного вида).

Статья не занимается лингвистической проблематикой видовой системы в различных языках, но спрашивает какие выводы можно сделать на материале числовых сравнений в области морфологической эквивалентности. Языковой материал показывает, что численные

данные анализа морфологических эквивалентов в различных славянских переводах позволяют обсудить общую дословность данного перевода, но не позволяют обсудить стилистические особенности.

Ключевые слова: Мелетий Смотрицкий, Учительное Евангелие, Острожская Библия, Кулиш, Синодальный перевод, переводческая техника.

Summary

In the course of his missionary activities, in his *Didactic Gospel* (Evanheliје Učytel'noe = UE), Meletij Smotryc'kyj aimed to present Biblical texts and their commentaries in a more vernacular, not so much Church Slavonic language in order that readers could more easily become familiar with the views of Orthodox authors. Based on the material of the first ten Biblical readings in the order of UE, the article identifies all participle constructions in the Greek source text and compares them with their translation equivalents in different Bible translations: UE, Ostrog Bible, Ukrainian Bible translation of Kulyš, and Russian Synodal translation.

The article poses the question of whether it is possible to make conclusions about the closeness of each translation towards a more vernacular way of speaking by showing a numerical comparison of all instances, when the translations are in full morphological equivalence with the Greek source. Considering not only morphological equivalence with the Greek construction but adding grammatical tense of the participle as a second parameter for comparison, then the translations will differ more significantly. Change of tense, of course, is inevitable if the target language does not exhibit an equivalent for aorist, but still, it is a question if the translation of an aorist participle results in a preterit participle (mostly aspectually perfective) or in a present participle (aspectually imperfective).

The article is not concerned with linguistic problems of verbal aspect in different Slavic languages but seeks to find out which conclusions about the translation technique could be drawn from comparing numerical correspondences in the realm of morphological equivalence. The material shows that the numerical comparison of instances of morphological adequacy in different Slavic translations permits conclusions about the literal character of the translation but does not allow the stylistic characteristics to be judged.

Keywords: Meletij Smotryc'kyj, Didactic Gospel, Ostrog Bible, Kuliš, Synodal translation, translation technique.

Язык библейских книг воспринимается в Европе вплоть до конца XVII в. как образец литературного языка, т.е. как язык в виде письменной концептуальности¹. Впрочем, в библейских текстах найдется немало количество элементов, которые сегодня классифицировались бы как элементы устной концептуальности, например, *ѡтѣ* *ѡ*ко *recitativum* или синтаксические конструкции *ad sensum* (Мк 2:10; Daiber, 2013). Перевод *Библии* на древнецерковнославянский язык смог в принципе сохранить такие, на современный

¹ Судя по предисловиям грамматик или по размещению Библейских, прежде всего псалтырных текстов как стилистический образец в грамматиках (Daiber, 2014, 1797).

взгляд, нестандартные элементы. Граница между письменными и устными элементами в средне-византийское время проходила между другими феноменами, чем в нынешней ситуации общераспространенной письменности (см. подробнее: Karvounis, 2016, 86 сл.).

Начиная с XVI в., когда *Библия* переводилась на народные языки, возникла у славянских переводчиков задача или подражать стилю исходящего текста в рамках данных грамматических возможностей, или найти народноязыковые эквиваленты. Однако весь спектр возможных переводческих решений нельзя резюмировать такой бинарной оппозицией, поскольку не раз переводчики независимо от различных переводческих возможностей хотели создать самостоятельный библейский стиль. Это значит, что переводчики не только пытались найти семантические и прагматические эквиваленты для отдельных выражений в исходящем тексте, но также старались с помощью повторений оборотов речи или синтаксических конструкций создать характерную для их перевода особую библейскую эмблематику языка (Daiber, 2019). Такие процессы также происходят в границах перевода библейского текста в *Учительных Евангелиях*. Поскольку *Учительные Евангелии* предназначались для широкого круга читателей, то можно ожидать, что их язык приближается более или менее к народному языку, но с другой стороны видно, что библейский текст *Учительных Евангелий* может сохранять языковые особенности исходящего текста или создавать свою собственную стилистическую эмблематику.

На пути семантического анализа переводческих и стилистических решений можно оценить принципиальные тенденции перевода, но такой подход непременно включает какой-то субъективный момент понимания. Наша статья² ограничивается анализом причастных конструкций с целью, иллюстрации стилистической тенденции перевода посредством числовых отношений. В качестве предмета исследования выбираем морфологический класс *причастие* и сравниваем частоту его употребления в исходящем тексте (греч. *Новый Завет* в издании: Nestle, Aland, 2012) с частотой его грамматических эквивалентов в разных переводах: в *Острожской Библии* (изд. Турконяк, 2006, далее ОБ), в *Учительном Евангелии Смотрицкого* (изд. Frick, 1987, далее УЕ), в украинском переводе Кулиша (далее К) и в русском Синодальном переводе (далее С)³.

² Статья была представлена на конференции три года назад (Коницкая, 2019); данная статья переработана и расширена.

³ К (1912) и С (1876) цитируются сравнения ради; использовались их общедоступные в интернете тексты, например, на сайте <http://bibles.org.uk>, которые тоже включаются в специальные для чтения Библии программы, например, *Eloquent*. Возможно, что в числовых текстах имеется незначительное количество отклонений от разных печатных изданий соответствующего перевода, которые с течением времени перерабатывались. Для анализа греч. текста использовался сайт <http://biblehub.com>.

С исключением одного греческого родительного абсолютного (Лк 15:14), который парафразируется в переводах, греч. образец первых десяти апракосных чтений в УЕ (1 = зачало 89 = Лк 18:10–14; 2 = зач. 79 = Лк 15:11–32; 3 = зач. 106 = Мф 25:31–46; 4 = зач. 17 = Мф 6:14–21; 5 = зач. 7 = Мк 2:1–12; 6 = зач. 37 = Мк 8:34–9, 1 (8:39); 7 = зач. 40 = Мк 9:17–31; 8 = зач. 47 = Мк 10:32–45; 9 = зач. 39 = Иоан 11:1–46; 10 = зач. 41 = Иоан 12:12–18) покажет 118 вхождений глагольного причастия в трех залогах, 51 – в аористном, 50 – в настоящем и 17 – в перфектном временах.

Семь раз греческому причастию не соответствует причастный оборот в ОБ.

В одном случае перевод (Мк 9:24: *κράζας* = причастие аористного времени является нетипичным отклонением в Острожской Библии) от греч. оригинала, поскольку против ее общей тенденции в ОБ представлена финитная форма *възъли* (аорист), как и в Синодальном переводе: *воскликнул*, а в остальных переводах присутствуют причастия в соответствии с греческой морфологией (УЕ: *крикнувши*, К: *заголосивши*, V⁴: *exclamans*). Два раза влияние Вульгаты не исключено. Первый пример, где славянские переводы согласуют с латинским переводом – Мк 2:1 (*εἰσελθὼν* > V: *intravit*, ОБ: *вниде*, УЕ: *пришолъ*, К: *увійшов*, С: *пришел*). Второй пример – Лк 15:32 в сравнении с Лк 15:24. Греческий *ἀπολωλὼς ἦν*⁵ (Лк 15:32) переводится равным образом в латинском переводе (V: *mortuus erat*) и в славянских переводах (ОБ: *мертвъ бѣ*, УЕ: *оумеръ былъ*, К: *мертвий був*, С: *был мертв*). Конструкция греческого причастия перфектного времени + имперфект вспомогательного глагола (*ἦν*) выявляется тоже в Лк 15:24 (*ἀπολωλὼς ἦν*)⁶, но теперь не только латинский (V: *perierat*), запятая но и славянские переводы (ОБ: *изгибѣ бѣ*, УЕ: *згинѣлъ былъ*, К: *згинув був*, С: *пропадал*) выбирают глаголы прошедшего времени. Видно, что латинский и славянские переводы под морфологическим взглядом в обоих случаях (Лк 15:24 и 32) переводят аналогично. Совпадение переводческих решений в латинском и славянских текстах невозможно, по-моему, объяснить семантическими или контекстуальными мотивами.

В остальных четырех случаях, в ОБ отличия от греч. текста в употреблении причастий можно объяснить. В двух местах (Лк 15:12 *ἐπιβάλλον μέρος* > V: *portionem*, ОБ: *достойнѣю часть*, УЕ: *часть*, К: *частьину*, С: *следующую мне часть*; Лк 15:27 *ὑγιαίνοντα* > V: *salvum*, ОБ: *здрава*, УЕ: *здорового*, К: *здорового*, С: *здоровым*) переводы ищут эквивалентные лексические средства. Пример (Мк 10:32 *μέλλοντα συμβαίνειν* > V: *quae essent eventura*,

⁴ V = Вульгата (Clementina); ссылается на издание: Weber, Gryson, 1994.

⁵ С разночтениями (преимущественно в александрийской редакции): *ἦν ἀπολωλὼς*.

⁶ Вспомогательный глагол найдется только в византийской редакции.

ОБ: *яже хотахѹ быти*, УЕ: *што са дѣати мѣло*, К: *що станеть ся*, С: *что будет с ним*) выглядел бы слишком искусственным в буквальном переводе. И еще в одном случае (Jh 12:17 ὧν, V: *quae erat*, ОБ: *иже бѣ*, УЕ: *которыи былъ*, К: *що був*) покажет стремление переводов, что причастие и главный глагол предложения (ἐμαρτύρει, имперфект) выразили одновременность (с исключением С: *бывший* = *пришедшее*). Понимание целого предложения Лк 12:17 сильно зависит от контекста и различных переводов в *Острожской Библии*, *Учительное Евангелие*, *Перевод Библии* Пантелеймоном Кулешом, *Синодальный перевод Священного Писания* можно понимать как экзегетические различия⁷.

Можно сделать вывод, что частота соответствий между греч. образцом и различными славянскими переводами в случае употребления причастных форм свидетельствует о «церковнославянстве» перевода. Под этим взглядом ОБ, как ожидалось, занимает первое место.

Последний пример (Лк 12:17, см. С) показывает, что переводчик может пользоваться причастными оборотами не только в согласованности с традициями, но и в соответствии с его пониманием текста.

Несколько причин могут оказывать влияние на решение переводчика:

1. *Библия* – предмет экзегетики. Переводчик старается не только выразить смысл определенного предложения, но и показать также внутренние связи его аргументов по их логической, временной и реальной упорядоченности. Из-за этого перевод может отклоняться от языковых знаков исходного текста.

2. *Перевод Библии* – перевод с максимальным значением для данного памятника культуры с точки зрения временного и пространственного расширения. Язык Библейского перевода старается отражать достоинства традиции, т.е. склоняет к сохранению уже устаревших в языке переводчика языковых средств.

3. Много оборотов Библейского языка вошло в разговорную речь или повторяется в разных средствах (литургия, искусство и т. д.). В таких случаях перевод склонен сохранять формулировку данной переводческой традиции. В материал исследования вошел Мф 25:34, отрывок которого (иногда вместе с Мф 25:41) часто пишется на иконах *Спаса Вседержителя на престоле*. Все переводы сохраняют глагольные причастия оборота (εὐλογούμενοι> ОБ: *благословенїи*, УЕ: *благословенїи*, К: *благословенніи*, С: *благословенные*; ἡτομασμένην> ОБ: *оуготованное*, УЕ: *зготованное*, К: *приготовлене*, С: *уготованное*). Но в случае Лк 18:14, тоже часто цитировано, переводы различаются (ταπεινῶν ἑαυτὸν> V: *se humiliat*, ОБ: *смирѧи*, УЕ: *которыи себе по-*

⁷ Свидетельствовал (ἐμαρτύρει) народ, что Иисус вызвал Лазаря из гроба, когда народ был (ὧν) с ним (одновременность глаголов быть и свидетельствовать), или свидетельствовал тот народ, который уже был (прошедшее время) с Иисусом, когда он вызвал Лазаря из гроба?

нижаетъ, К: *кто ж принижуетъ ся*, С: *унижающий себя*), что, может быть, показывает на различные (латинская или греческая) переводческие традиции. Обсудить переводческие решения в случае укоренившихся в данной культуре фразеологических оборотов путем сравнения частоты морфологических средств невозможно.

С помощью числового сравнения можно определить, какой принцип (1, 2, или 3) является наиболее доминирующим в языке данного перевода.

Мы уже увидели на примере употребления причастий, что в переводе *Острожской Библии* максимально повторены языковые средства исходного текста. Только в 7 случаях ОБ не соответствует греч. образцу. По тем же критериями получается, что греч. причастному обороту не отвечают языковые средства в УЕ – 29, С – 38, К – 44 и V – 50 раз. Разницы между славянскими переводами не так огромны, что можно по этим числам назвать какой-то перевод особенно «народноязыковым» или «церковнославянским». Но если мы спрашиваем, какой перевод сохраняет не только причастный оборот греч. источника, но также и его глагольное время в смысле временных ступеней, тогда картина меняется. Проблемы могут проявляться, прежде всего, в связи с греч. аористом и перфектом.

а. В греч. языке настоящее время и аорист различаются видовым значением «фактичности» и могут появляться вместе в одном предложении, напр. Мк 2:9 (и Мк 2:11): *Ἐγείρου* (повелительный настоящего) *καὶ ἄρῳ* (повелительный аориста) *τὸν κράββαττόν σου καὶ περιπάτει* (повелительный настоящего) = «встань, возьми свою постель и ходи». Повеления *встать* и *ходить* означают неопределенные действия; больному первый раз в его жизни дается возможность «встать» и «ходить» вообще. Но повеление *взять* означает конкретное действие, которое совершается фактически в определенном времени.

б. Греч. перфект выражает результат прошедшего действия, но славянское причастие прошедшего времени означает предыдущее действие в сравнении со временем главного глагола предложения. Иногда контекст не позволяет думать, что действие, выраженное причастием греч. перфектного или слав. прошедшего времени, на самом деле совершилось раньше, чем действие главного глагола. И снова мы исходим из того, что перевод ОБ максимально приближен к греч. тексту. На самом деле перевод в ОБ отклоняется только 3 раза от греческих глагольных времен (Лк 18:13, Мк 9:1, Иоан 11:42), где везде перфектные причастия слова *стать* (*ἐστὼς, ἐστηκότων, περιεστώτα*) передаются причастиями настоящего времени (*стоя, столящихъ, столящаго*). Переводчик ОБ (и не только он) три раза почувствовал, что настоящий результат действия (кто-то стоит) надо подчеркнуть, а не предыдущее действие (кто-то пришел и останавливался).

УЕ отклоняется от греческого глагольного времени в 6 местах: Лк 18:13, Мк 9:1, Иоан 11:42 (*стоячи, стоячихъ, стоячого*), Иоан 11:28, 11:31 (*мова-чи*), Иоан 11:38 (*затрвожен*). Первые 3 примера – настоящее время вместо греч. перфекта (те же самые примеры, как вышеуказанные в ОБ), следующие 2 места – настоящее время вместо аориста, последний пример – прошедшее страдательного залога вместо настоящего страдательного залога. В общем, формы глаголов в *Учительном Евангелии* отличаются от греч. глагольных времен там, где под совершенностью глагольного действия в славянской системе требуется аспектуальный глагол настоящего времени для выражения несовершенного действия, который позволяет выразить результат страдательным причастием прошедшего времени.

Тем не менее, сохраняя причастный оборот в соответствии с греч. источником примерно с такой частотой как в ОБ и УЕ, в *Синодальном переводе* сменит 16 раз ступень времени в сравнении с греческим текстом: 3 уже знакомых места (как ОБ и УЕ: Лк 18:13, Мк 9:1, Иоан 11:42: *стоя, стоящих, стоящего*), еще 11 раз перейдет греческий аорист в русское настоящее время и, наоборот 2 раза греческое причастие настоящего времени заменяется русским причастием прошедшего времени (между ними Иоан 12:17, см. выше).

В украинском переводе Кулиша время причастий изменяется в 6 примерах, 4 – как в УЕ (Мк 9:1 *стоячими*), Иоан 11:28, 11:31 (*кажучи*), Иоан 11:38 (*зітхнувши*), 2 оставшихся – без видимой причины с лингвистической точки зрения (Мк 9:20с (*запінившись*), Иоан 11:32 (*побачила*)). V – время причастий изменяется в 21 случае, (Мт 25:40, Мк 2:4, Мк 9:1 (2 раза), Мк 9:19, Мк 9:24, Мк 9:26 (2 раза), Мк 9:27, Мк 10:32, Мк 10:41, Мк 10:42, Лк 15:20 (2 раза), Лк 15:29, Лк 18:11, Лк 18:13, Лк 11:4, Лк 11:28, Лк 11:31, Лк 11:32). Во всех случаях различие времен причастных конструкций между греческим образцом и латинским переводом относится к таким выражениям, где в греческом тексте присутствуют причастия либо перфектного времени, или аористного. Поскольку в латинском языке как и в славянских языках не существует причастие аористного времени, в латинском переводе присутствуют, в принципе, те же грамматические несимметричности, как и в славянских переводах: греческий аорист можно понимать как настоящее время как в латинском переводе во всех случаях или как прошедшее время в видении аспектуальной совершенности характера действия. Прежде всего русский текст колеблется при переводе того же самого слова: Лк 15:29 *ἀποκριθεὶς* > *respondens* (V), *отвѣщаѡ* (ОБ), *отповѣдѣвши* (УЕ), *озвавшись* (К), *сказал в ответ* (С), в противополжении к Мт 25:40 *ἀποκριθεὶς* > *respondens* (V), *отвѣщаѡ* (ОБ), *отповѣдѣвши* (УЕ), *озвавшись* (К), *скажет ... в ответ* (С) и к Мк 9:19 *ἀποκριθεὶς* > *respondens* (V), *отвѣщаѡ* (ОБ), *отповѣдѣвши* (УЕ), *озвавшись* (К), *отвѣчая* (С). Спрашивается, колебание в русском переводе действительно связано с различной аспектуальной системой в русском языке или просто с техникой переводчика, который переводит греческий текст более *ad sensum*, чем *ad verbum*?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы спрашивали, можно ли обсудить главные переводческие решения методом числового сравнения?

Исходя из двух параметров (соответствие греческой части речи + соответствие с глагольным временем) предлагаются следующие ответы:

а. ОБ является дословным переводом и, подражая греческим лингвистическим средствам, следует вышеупомянутому второму принципу. Дословный перевод был возможным, поскольку в церковнославянском языке существуют аорист и перфект, а временное состояние причастных оборотов не подчиняется глагольному виду так строго, как в народных славянских языках. Перевод ОБ следует принципам буквального перевода, как фундамент восточнославянских переводов.

б. Русский перевод С показывает стремление сохранить языковые свойства Библейского текста как можно точнее, но делает адаптацию в связи с контекстуальной семантикой. Переводческие решения более соответствуют первому принципу.

в. Числовые данные в переводах УЕ и К наводят на мысль, что переводческие решения в обоих переводах следуют второму принципу как в ОБ. Без анализа грамматических свойств причастия⁸ в отдельных славянских языках в соответствии с аспектуальной системой трудно решить, соответствует, например, множество причастных конструкций в переводе *Библии* Кулишом действительно их частоте в народном (устном или письменном) языке и Кулиш делает перевод согласно третьему принципу (стилизация, архаизация)?

Тот же самый вопрос надо поставить и в случае перевода УЕ. Оценка нормы письменного языка в случае *Учительного Евангелия* и перевода Кулиша сложнее, чем в случае русского перевода. Что касается УЕ, то перевод можно осторожно обсудить с точки зрения принимаемого метода. Перевод остается связан с греческим образцом.

Думая об изложении глагольных времен в грамматике Смотрицкого 1619 г. (Daiber, 1992, 85–97) можно увидеть ту же тенденцию подражания греческому образцу и в его *Учительном Евангелии*. Но в принципе можно сделать вывод, что численные эквиваленты на морфологическом уровне между исходным текстом и его переводом позволяют выявить общие высказывания с тенденцией к дословной близости, а не высказывания о стилистической тенденции перевода.

⁸ Украинское причастие настоящего времени не выступает как самостоятельный глагольный центр подчиненных предложений, и из-за этого форма не появляется у возвратных глаголов (Strumyns'kyj, 1980). Тем больше удивительно, что в К показано такое количество причастий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Коницкая, Е. (2019). *Международная научная конференция: Грамматика Мелетия Смотрицкого в лингвистическом контексте Европы XVI–XVIII вв. Вильнюс 29 сентября – 2 октября 2019 г.*, Slavistica Vilnensis, 64 (2), 155–162.
- Туркочьяк, Р. (2006). *Острозька Біблія*. Львів: Книга.
- Aland, B., Aland, K. et al. (2012). *Testamentum Graece*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
- Daiber, Th. (1992). *Die Darstellung des Zeitworts in ostslavischen Grammatiken von den Anfängen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert*, Freiburg i. Br. Freiburg i Br.: U.W. Weiher.
- Daiber, Th. (2013). *Wisset! Zu einem angeblichen Anakoluth in Mk 2,10 bzw. zum ὅτι recitativum*, Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche, 104 (2), 277–285.
- Daiber, Th. (2014). *Slavische Grammatikschreibung*. In: *Die slavischen Sprachen*. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. Band 2 (1793–1811), Gutschmidt, K., Kempgen, S., Berger, Tilman, K. (ed.). Berlin: De Gruyter.
- Daiber, Th. (2019). *Schriftlichkeitsdiglossie, Bibelsprache und Emblematisierung*, Linguistische Beiträge zur Slavistik, XXV. JungslavistInnen-Treffen Göttingen, Böhnisch, G., Junghanns, U., Pitsch, H. (ed.). Berlin, Bern, Bruxelles: Lang, 71–91.
- Frick, D.A. (1987). *The Jevanhelije učytelnoje of Meletij Smotryc'kyj*. Harvard: Harvard University Press.
- Karvounis, Ch. (2016). *Diglossie, Sprachideologie, Wertekonflikte: Zur Geschichte der neugriechischen Standardsprache (1780 bis 1930)*. Köln: Böhlau.
- Strumyns'kyj, B. (1980). *The Influence of Populists on Ukrainian Grammar: The Plight of Active-Present Adjectival Participles in Ukrainian*, Journal of Ukrainian Studies, 5 (1), 3–14.
- Weber, R., Gryson, R. (1994). *Biblia sacra iuxta vulgatam versionem*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.

- Aland, B., Aland, K. et al. (2012). *Testamentum Graece*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
- Daiber, Th. (1992). *Die Darstellung des Zeitworts in ostslavischen Grammatiken von den Anfängen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert*, Freiburg i. Br. Freiburg i Br.: U.W. Weiher.
- Daiber, Th. (2013). *Wisset! Zu einem angeblichen Anakoluth in Mk 2,10 bzw. zum ὅτι recitativum*, Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche, 104 (2), 277–285, <https://doi.org/10.1515/znw-2013-0015>.
- Daiber, Th. (2014). *Slavische Grammatikschreibung*. In: *Die slavischen Sprachen*. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. Band 2 (1793–1811), Gutschmidt, K., Kempgen, S., Berger, Tilman, K. (ed.). Berlin: De Gruyter.
- Daiber, Th. (2019). *Schriftlichkeitsdiglossie, Bibelsprache und Emblematisierung*, Linguistische Beiträge zur Slavistik, XXV. JungslavistInnen-Treffen Göttingen, Böhnisch, G., Junghanns, U., Pitsch, H. (ed.). Berlin, Bern, Bruxelles: Lang, 71–91.
- Frick, D.A. (1987). *The Jevanhelije učytelnoje of Meletij Smotryc'kyj*. Harvard: Harvard University Press.
- Karvounis, Ch. (2016). *Diglossie, Sprachideologie, Wertekonflikte: Zur Geschichte der neugriechischen Standardsprache (1780 bis 1930)*. Köln: Böhlau, <https://doi.org/10.7788/9783412504984>.

- Konitskaya, E. (2019). *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: Grammatika Meletiya Smotritskogo v lingvisticheskom kontekste Evropy XVI–XVIII vv. Vil'nyus 29 sentyabrya – 2 oktyabrya 2019. g.*, Slavistica Vilnensis, 64 (2), 155–162.
- Strumyns'kyj, B. (1980). *The Influence of Populists on Ukrainian Grammar: The Plight of Active-Present Adjectival Participles in Ukrainian*, Journal of Ukrainian Studies, 5 (1), 3–14.
- Turkonyak, R. (2006). *Ostroz'ka Bibliya*. L'viv: Kniga.
- Weber, R., Gryson, R. (1994). *Biblia sacra iuxta vulgatam versionem*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.

Jale Coşkun

 <https://orcid.org/0000-0003-2013-1190>

Istanbul Aydin University

Russian Translation and Interpreting

Istanbul, Turkey

Besyol Mah. İnönü Cad. No: 38 Küçükçekmece

ISTANBUL P.K.: 34295

jalezaman@aydin.edu.tr

Сходства и различия русских и турецких суеверий в лингвокультуре

Similarities and Differences between Russian and Turkish Superstitions in Linguoculture

Резюме

Данная статья посвящена исследованию сходств и различий между русскими и турецкими суевериями в лингвокультуре. Суеверия – это психосоциальное явление, наблюдаемое в разных странах на протяжении всей истории. Суеверия являются актуальной темой для исследования. Благодаря специфической закономерности сохранения и передачи предрассудков из поколения в поколение, исследование суеверий в русском и турецком языках представляет для нас огромный интерес.

В настоящей статье представлено межкультурное сравнение русских и турецких суеверий, автор надеется, что данные исследования заполнят пробел в изучении поверий и примет. В ходе работы был проведен анализ научной литературы, посвященной приметам и суевериям в России и Турции, осуществлено сравнение предрассудков в русской и турецкой культурах, обоснованы и сделаны выводы о роли примет в жизни людей. Суеверия возникли на основе веры в магическую силу. Большинство из них потеряли свой смысл на протяжении веков, они живы лишь за счет веры людей. Данный факт причисляет приметы и суеверия к фольклору, к культуре той или иной страны.

Изучив некоторые суеверия и приметы России и Турции, можно сделать вывод о том, что они, несомненно, играют большую роль в быту жителей этих стран. Суеверия и приметы представляют собой ценный объект для лингвокультурологического исследования и являются неотъемлемой частью национальной языковой картины мира. Знание культуры,

фольклора, традиций и верований помогает ближе познакомиться с нравами другой страны, ее историей и духовной жизнью, обогащает мировоззрение людей.

Ключевые слова: лингвокультура, суеверие, традиция, русский язык, турецкий язык.

Summary

This article is devoted to the study of similarities and differences between Russian and Turkish superstitions in linguistic culture. Superstition is a psychosocial phenomenon seen in all geographic regions throughout history. Superstitions vary from culture to culture. They have always remained a relevant topic for research. The study of superstitions in the Russian and Turkish languages is of great interest to us due to the specific pattern of their preservation and transmission from generation to generation.

This study presents cross-cultural comparisons of Russian and Turkish superstitions. It is hoped that this will fill in an important way a significant gap on the topic of superstitions in Turkey. The aim of the study is: to study and analyse various literature on signs and superstitions in Russia and Turkey; consider, analyse, and compare superstitions in the two cultures, Russian and Turkish; to explain the role of signs and superstitions in people's lives and the culture of the country. Superstitions arose based on the belief in magical power. Most superstitions have lost their meaning over centuries, and now they are alive only thanks to people's faith. But this is precisely what links signs and superstitions to folklore and culture of a particular country.

Having studied some superstitions and signs of Russia and Turkey, we can conclude that they undoubtedly play a big role in the life of the inhabitants of these countries. Superstitions and signs are a valuable object for linguoculturological research and are an integral part of the national linguistic picture of the world. Knowledge of culture, folklore, traditions, and beliefs helps us become better acquainted with the customs of another country, its history, and spiritual life, and enriches our worldview.

Keywords: linguoculture, superstition, traditions, Russian language, Turkish language.

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе объектом исследования являются сходства и различия между русскими и турецкими суевериями. Первый корень в слове *суеверие* имеет значение 'ложный', то есть буквально получается 'ложная вера'. В остальном оба феномена – русские и турецкие суеверия имеют много общего, их объединяют некритическое усвоение образцов чужого поведения и принадлежность к явлению установки. Их роднит произвольность, свойственная процессу опосредованного формирования образа веры, так как в акте приобщения к образу веры с участием суеверия и доверия отсутствует такой важный компонент как воля человека. Таким образом, суеверие, по мнению В.И. Даля, – это «ошибочное, пустое, вздорное, ложное верование что-либо; вера в чудесное, сверхъестественное, в ворожбу, гадания, в приметы, знаменья; вера в причину и последствие, где никакой причинной связи не видно» (Даль, 2005, 593).

В *Толковом словаре русского языка* под редакцией Д.Н. Ушакова суеверие толкуется таким образом: «Религиозный предрассудок, представляющий явления и события в жизни проявлением чудесных сверхъестественных сил и предзнаменованием будущего» (Ушаков, 1996, 586).

Почти невозможно объяснить, как именно зарождаются суеверия. Может, причина в каких-то явлениях природы, пугающих людей своей таинственностью, или событиях, наступление которых они хотели бы предотвратить.

Необходимость предвидеть возникла у людей еще в глубокой древности, с того времени, как они стали заниматься трудом. Когда люди с затаенным вниманием присматривались к окружающей их природе, они улавливали связь между поведением животных и погодными изменениями. Засевая землю, ухаживая за садом, человек хотел знать, будет ли год плодородным. Отправляясь в далекие путешествия, люди пытались предугадать, какие трудности и опасности ожидают их в пути, чтобы подготовиться к ним.

В суевериях отражена история народа, становление его самосознания и осознание своего места среди других народов на Земле. Суеверия своими корнями уходят в далекую древность, когда явления и события представлялись проявлением чудесных сверхъестественных сил и предзнаменованием будущего, они возникли на почве первобытных, пережиточных представлений о силах природы.

Исторические и культурные особенности народа влияют на суеверия. В последние годы в маркетинговой деятельности компаний стали опираться на суеверия. Компании адаптируют числа, которые они используют в продуктах, цветах, качестве и ценах на товары, в соответствии с числовыми значениями суеверий страны. Суеверия передаются из поколения в поколение.

СУЕВЕРИЯ В РУССКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В Турции суеверия, несмотря на противоречие с основной структурой и принципами религии, считаются религиозной заповедью или запретом, приписываются святости, не соответствуют критериям прав и истин. Некоторые слова, дела, цифры, поведение и объекты могут быть определены как ложные и бессмысленные убеждения, потому что будут желаемые и нежелательные последствия (Seyyar, 2007, 123; перевод выпол. Ж.Д.).

Убеждения людей в Турции о том, что различные камни и предметы приносят им удачу и защищают их от болезней или зла, также стали широко распространены в обществе (Tanu, 1976, 123–143; перевод выпол. Ж.Д.). Суеверия получили широкое распространение в анатолийской культуре

и стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Большинство этих суеверий основаны на турецких традициях и верованиях.

Например: ношение бусинки от сглаза, прохождение черной кошки перед домом, загадывание желания при падении звезды, бросание монет в маленькие лужи, ношение амулета, передача ножниц из рук в руки, разбивание зеркал. (Cicekler, 2019, 165–168; перевод выпол. Ж.Д.).

Также сходства суеверий России и Турции зависят еще и от того, насколько разная у этих стран история. В русской культуре большое количество суеверий связано с зеркалами. Возможно, это объясняется тем, что зеркала были привезены из Западного мира, а раньше ко всему иностранному было предвзятое отношение.

Многие приметы русской культуры связаны с военной тематикой. Например, считалось, что видеть черного ворона в солнечное утро у себя на окне – погибнуть в бою; услышать пение соловья в полночь – к плохому оружию и т.д. (Дмитриева, 2015, 8).

С другой стороны, несмотря на то, что русская культура сильно отличается от турецкой, многие приметы и суеверия совпадают. В первую очередь это общие во всем мире приметы: счастливые и несчастливые числа; суеверия о зеркалах; церемонии, посвященные общим праздникам и некоторые символы, связанные с животными. Нисколько не удивительно, что человек почти всегда следует традициям, связанным с проведением праздников. Традиции кажутся таким привычным явлением, что даже не отождествляются с суевериями. А между тем, если углубиться в историю и провести анализ многих традиций, то можно убедиться в том, что и традиции, суеверия, и обычаи, и всяческие ритуалы имеют общие истоки. Например, особое значение и в России, и в Турции отводится приметам и суевериям, посвященным свадебным церемониям.

Еще одно распространенное суеверие, живущее в обеих культурах, фата невесты, надеваемая на свадьбу. Есть много разных историй, рассказывающих о возникновении этого обычая. Известно, что у многих древних народов существовал обычай не показывать невесту своему будущему мужу до свадьбы (<https://info.wikireading.ru/100804>, доступ: 2020). Считается дурным знаком и приносит несчастье, если жених видит свадебное платье заранее. Но в нынешнее время этот обычай сохраняется просто для того, чтобы сделать свадьбу романтичней и привлекательней: фата символизирует прелесть и скромность невесты (<https://www.litmir.me/br/?b=178994&p=75>, доступ: 2.05.2020).

В Турции существует примета о красной фате *Al duvak*. Красный цвет всегда считался священным у турок. Он означал закрытие пути к возвращению в дом отца, рождение детей, обещание и благоволение в новом доме. Сегодня традиционная свадебная одежда – это белое свадебное платье, но когда невеста покидает дом отца, ее лицо все еще покрыто красной завесой.

Между тем и на Руси свадебные наряды были вовсе не белыми, как принято считать. Белый был символом святости и на церемониях не использовался. Самым счастливым цветом для свадебного наряда был красный – символ радости будущей семейной жизни. (Aydemir, 2013, 619–655; перевод выпол. Ж.Д.). Так, в России молодоженов осыпали рисом и пшеном при выходе из церкви, это символизировало благополучие и достаток для молодых (<https://www.gorko.by/svadbaencyclopedia/5810-obrajdosypaniamolodyh.html>, доступ: 2020). В Турции, когда невеста входит во двор жениха, ее осыпают разными зёрнами, сладостями и монетами, что по сей день также символизирует благополучие и достаток молодоженов.

В середине XX века стало распространенным обычаем для невест бросать свой свадебный букет через плечо, чтобы собравшиеся незамужние женщины во время приема его ловили. Женщина, которая поймает букет, в соответствии с суеверием в скором времени выйдет замуж. И аналогичный обряд существует для неженатых мужчин, жених бросает подвязку невесты неженатым мужчинам, а затем человек, который поймал подвязку, помещает ее на ногу той женщины, которая поймала букет. Это суеверие как и многие другие свадебные приметы продолжает свое существование, принося надежду и веселье людям даже в XXI веке. Суеверия охватывают ценности, отношения, конфликтность личности человека, его внутренние страхи и боязнь будущего (Гутарева, Виноградов, 2015, 1280–1282). На сегодняшний день и в России, и в Турции данное суеверие продолжает жить.

Не только у всех народов земного шара есть поверья и суеверия, но у многих они еще довольно схожи между собою, что указывает на один общий источник и начало. Поверье, возникшее в древности, до разделения двух народов, могло сохраниться по преданию у обоих; или, родившись у одного народа, распространилось и на другие; или же, наконец, поверье, по отношению к человеку, возникло тут и там независимо одно от другого (Даль, <http://www.bibliotekar.ru/dal/1.htm>, доступ: 10.12.2019). Наряду с культурными различиями, существующими в основном в приметах и суевериях народов России и Турции, имеют место также и сходства. Эти суеверия можно встретить на каждом шагу в обыкновенном домашнем быту.

Одни из наиболее распространенных предрассудков – это суеверия при покупке квартиры. Покупка квартиры в новом доме является праздничным событием, которое в разных странах и регионах отмечают по-разному. Кроме того, существует масса суеверий, следуя которым, новоселье необходимо сопровождать определенным обрядом. Во многих странах СНГ, в первую очередь, в квартиру пускают кошку. Принято считать, что в том месте, где ложится кошка, надо ставить кровать. Также считалось, что кот приносит благополучие и достаток, а еще забирает на себя все проблемы из прошлого, полагая, что они переходят на первого переступившего порог. По этой же причине соблюдалась и еще одна спорная примета: если кот не

было, то в дом заходил самый пожилой член семьи. Согласно поверью, кто первым в дом войдет – тот его первым навсегда и покинет (<https://metrika.com/journal/36118-pokupka-kvartiry-po-pravilam-narodnye-primety-i-sekretypredkov/>, доступ: 10.12.2020).

В России кузнецы часто считались кудесниками, и говорили, что они использовали подкову для показа своей магии. Обычно подковы прибивают над дверьми, чтобы отпугнуть зло. Многие настаивают, что концы подковы должны указывать вверх, дабы получилась форма U, – это не даст расплестись удачу, не позволит ей убежать (Соколова, 2013, 25).

Насколько широко распространенным и настолько же труднообъяснимым является общее верование в то, что подкова приносит удачу. Имитации подков носят при себе, также подковы прибивают над дверьми, чтобы отпугнуть зло. Обычай прибивать подковы является распространенным суеверием среди мусульман, поскольку разными путями приметы перешли от христианства к исламской культуре (Karani, 2015, 54; перевод выпол. Ж.Д.).

Зеркало – один из важнейших предметов, сопровождающих человечество на протяжении всей его древней истории. Поэтому, в отличие от обычного объекта, зеркало также имеет глубокую историю. Археологические раскопки в древних руинах показывают, что зеркала были оставлены рядом с мертвыми в гробницах как украшение в одних цивилизациях, и как объект, который использовался для реинкарнации, – в других. Благодаря символическим значениям, приписываемым ему, зеркало является богатым источником суеверий, примет и мифов.

В мифологии зеркало считается символом границы между земным миром и потусторонним. Поскольку обычно считается, что зеркало связано с неизвестными силами темного мира, то нехорошо разбивать зеркало в доме, так как существует мнение, что может случиться несчастье с кем-то в доме, где разбито зеркало (Beydili, 2005, 80; перевод выпол. Ж.Д.).

В турецком фольклоре при переезде в новый дом символическое значение имеют зеркало и Коран. Зеркало ставят на открытое место по ходу пути, чтобы путь и удача отправляющегося человека были ясны. Существуют также отрицательные приметы о зеркале, а не о том, что оно символизирует положительно. Самые распространенные из них заключаются в том, что у тех, кто смотрит в зеркало ночью, будет короткая продолжительность жизни, маленькие дети станут косоглазыми или сумасшедшими, если их заставят смотреть в зеркало. Если отдать соседу или разбить зеркало после наступления темноты – к неудаче, а если оно разбито без причины – к близкой смерти.

В России зеркало играет большую роль в жизни человека. Разбилось зеркало – к несчастью, к смерти. Если человек вынужден вернуться в дом за забытой вещью, то он должен посмотреть в зеркало, иначе удачи не будет (Norman, Rajnochová, 2017, 7–11).

Как видно, и в Турции, и в России множество суеверий связано с зеркалами. Можно сделать вывод, что самое распространенное в обеих культурах суеверие, о зеркале, если его разбить, то семь лет человека будут сопровождать неудачи.

Русские верят, что свистеть в доме нельзя, это считается грехом или дурным предзнаменованием, вероятно потому, что в жилом покое, где есть люди, не всякому приятен свист шалуна, который этим многим досаждал, поэтому чтобы застрашать его, говорят, что от этого дом пустеет. Хотя не запрещено свистеть днем или ночью, когда это не нужно, это неправда. У турков существуют похожие убеждения в том, что свистеть днем или ночью, когда в этом нет необходимости, не харам, но это неправильно, а еще довольно распространены среди населения верования, что свистом можно призвать дьявола. Скорее всего, такое толкование свиста было направлено на запугивание людей с намерением избавить их от ненужных и пустых занятий.

Как и другие суеверия, вера в сглаз – одно из самых распространенных проявлений магического мышления. Сами наименования сглаза весьма сходны у разных народов. Сглаз или дурной глаз – распространенное у многих народов суеверие о вредоносном влиянии взгляда некоторых людей. Сглаз – это всегда недоброжелательный взгляд, неискренняя или чрезмерная похвала, предсказание чего-нибудь. От «дурного глаза» люди имели обереги, спасались молитвой и крестом (Безрукова, 2000, 716).

Согласно поверьям, сглаз имеет сходство с порчей, но отличается от нее тем, что причиняется неосознанно. Помимо взгляда «дурным глазом» способность к сглазу приписывается предостережениям или пожеланиям, в особенности произносимым не вполне искренне.

В России с древних времен существуют проверенные средства от сглаза. Можно сказать, что каждая хозяйка знает, как вести себя в случае «сглаза». (Щикно, 2014, 19).

Например, от сглаза лечат наговоренной водой, в которую кладут уголь. Этой водой умывают, сбрызгивают больного и дают ему ее пить, или берут большой деревянный толкач, льют над блюдом на него воду, и этой водой умывают также от сглаза (Мокшина, 2013, 116). Чтобы не сглазить, когда впервые видишь выздоровевшего человека и выражаешь удивление по поводу его выздоровления, надо посмотреть на потолок. А еще верится, чтобы предотвратить сглаз, нужно взглянуть на ногти своих пальцев, затем на потолок (икону) и поплевать три раза на землю (Мокшина, 2013, 200).

Как во всем мире, так и в Турции значительное место отводится суевериям, связанным со сглазом. Наиболее известное и распространенное анатolianское суеверие – это вера в сглаз и ношение бусины от сглаза. Турецкий амулет от сглаза на других языках называется *дьявольский глаз* или *дьявольский взгляд*. Суеверия, влияющие на общество, со временем становятся традициями. Например, бусины от сглаза для новорожденных стали традицией

в Анатолии. Такие суеверия стали традицией и для тех, кто не верит в пред-
рассудки (Ulu, 2012, 14; перевод выпол. Ж.Д.).

Молодым людям и девушкам, чтобы не остаться холостыми или неза-
мужними, не следует садиться на порог. Не рекомендуется также выносить
мусор за порог (особенно вечером). Порог часто использовался как место
совершения различных ритуалов в народной медицине. Например, для изле-
чения от «сглаза» детей ставили на порог (Коваль, 2016, 186–188).

Как и в русской культуре, так и в старой турецкой системе верований
порог был пограничной линией, которая защищала человека от всех видов
болезней, а дом от всевозможных неприятностей. По этой причине к по-
рогу относились с уважением, и на него не ступали ногами (Ağaz, 1995,
64; перевод выпол. Ж.Д.). Сидеть на пороге, наступать на порог – нежела-
тельно, считается, что это приносит неудачу, ведь на пороге может быть
домовой.

В турецких народных поверьях существует множество обычаев и веро-
ваний, связанных с дверным порогом. Например, еще есть такие поверья,
как жених и невеста переходят порог дома с молитвой, на порог наносят мед,
забивают гвозди в порог (Akyol, 2006, 48–67; перевод выпол. Ж.Д.). Как вид-
но, порог и его святость присутствуют на каждом этапе жизни турков, так же
как и у русских, это) следует из веры в святость очага / дома.

И, наконец, самые многочисленные суеверия связаны с привлечением
удачи при помощи оберегов и талисманов. В Турции вера в стук по дереву
сохранилась до сегодняшних дней и является одной из самых распростра-
ненных примет. Из-за особенностей высоты и прочности древесины в древ-
ности считалось, что дуб обладает особыми свойствами. Было рождено
суеверие стучать по дубовой доске в знак веры в пробуждение и активиза-
цию этих особых сил. В России также существует поверье о том, что если
коснуться дерева, то ты станешь не только удачливым, но еще и не будешь
болеть в этом году. И, между прочим, и в Турции, и в России считается, что,
постучав по дереву, люди отгоняют сглаз и злых духов.

Есть в Турции суеверие о том, что если чешется левая рука то это
к потере денег. В России наоборот, это сулит большую прибыль. В России
принято не сорить, не ронять ни одной крошки хлеба, иначе будет голод
и неурожай; другими словами: хлеб дорог, береги его и уважай, как нужней-
ший Божий дар. Если кто за обедом, не доев своего ломтя хлеба, возьмется
за другой, или отломит кусок от другого, то (согласно примете) кто-нибудь
из близких будет голодать или терпеть нужду. Хлеб очень ценен у турок,
как и у русских. Хлеб – благо дома. Считается грехом наступать на хлеб
или крошки хлеба, существует также поверье, что люди из-за этого могут
заболеть. Также бытует заблуждение, что если кто-то не доест хлеб, то в дом
придут гости. А если перевернуть хлеб, то это к несчастью.

ВЫВОДЫ

В данной статье представлены межкультурные сравнения русских и турецких суеверий, в надежде на то, что анализ в определенной мере заполнит значительный пробел в исследовании мистических представлений о мире. В процессе работы над данной темой мы пришли к следующим выводам: суеверия возникли на основе веры в магическую силу. Большинство суеверий потеряли свой смысл на протяжении веков, они живы лишь за счет веры людей. Но именно это причисляет приметы и суеверия к фольклору, к культуре той или иной страны. Изучив некоторые суеверия и приметы России и Турции, можно сделать вывод о том, что они, несомненно, играют большую роль в быту жителей этих стран. Суеверия и приметы представляют собой ценный объект для лингвокультурологического исследования и являются неотъемлемой частью национальной языковой картины мира. Знание культуры, фольклора, традиций и верований помогает нам ближе познакомиться с нравами страны, ее историей и духовной жизнью, обогатить собственное мировоззрение.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Akyol, N.S. (2006). *Adana (Merkez) Halk Kültüründe Halk İnançları Bayramlar ve Törenler*, Cukurova Universitesi, Sosyal Bilimler Universitesi, Yüksek Lisans Tezi.
- Araz, R. (1995). *Harpüt'te Eski Türk İnançları ve Halk Hekimliği*. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Yayınları.
- Aydemir, A. (2013). *Türk Dünyasında Bazı Düğün Terimleri ve „Al Duvak” Geleneği Üzerine*, Turkish Studies, 8, ISSN 1308-2140.
- Безрукова, В.С. (2000). *Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога)*, <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/index.htm>, доступ: 12.10.2019.
- Beydili, C. (2005). *Türk Mitolojisi Ansiklopedik Sözlük*. Ankara: Yurt Kitap Yayınevi.
- Гутарева, Н.Ю., Виноградов, Н.В. (2015). *Приметы и суеверия народов мира*, Молодой ученый, 9 (89), 1280–1282.
- Даль, В.И. (2005). *Толковый словарь живого великого русского языка*. Москва: Русский язык-Медиа.
- Дмитриева, В. (2015). *Приметы и суеверия в России и Великобритании*, <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2016/10/20/primety-i-sueveriya-v-rossii-i-anglii>, доступ: 2020.
- Коваль, В.И. (2016). *Мифологические верования восточных славян*. Пособие по курсу «Славянская мифология». Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины.
- Karapınar, B. (2015). *Hurafelere Karşı Eğitim ve Bilim*. İstanbul: Ravza Yayınları.
- Мокшина, Г.Н. (сост.). (2013). *Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии*. Воронеж: Истоки.
- Norman, B., Rajnochová, N. (2017). *Folk superstitions and their verbalization as a part of two Slavonic national traditions:ulturological and pragmalinguistic aspects*, Journal of Linguistic, 68 (1), 5–16.

- Щикно, О. (2014). *Современное бытование заговоров*, Вильнюс, Литовский Эдукологический Университет Филологический Факультет Центр Белорусского Языка, Литературы и Этнокультуры, Магистерская работа.
- Соколова, А. (2013). *Магия примет и суеверий*. Москва: РИПОЛ классик.
- Seyyar, A. (2007). *Batıl İnanç*. In: *İnsan ve Toplum Bilimleri Terimleri. Ansiklopedik Sosyal Bilimler Sözlüğü* (123). İstanbul: Değişim Yay.
- Tanyu, H. (1976). *Dini folklor veya dini-manevi halk inançlarının çeşit ve mahiyeti üzerine bir araştırma*, Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi, 11, 123–142.
- Ушаков, Д.Н. (1996). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Изд. центр Терра.
- Ulu, G. (2012). *Batıl İnançların Çin Toplum Yaşamına Etkisi*, Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Doğu Dilleri Ve Edebiyatları (Sinoloji) Anabilim Dalı.
- Çiçekler, A.N. (2019). *Isaac Barrow'un Kaleminden Türklerde Batıl İnançlar/ Hurafeler/Halk İnanışları*, Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi, 20, 165–188, ISSN: 1308-5069, E-ISSN: 2149-0651.

- Akyol, N.S. (2006). *Adana (Merkez) Halk Kültüründe Halk İnançları Bayramlar ve Törenler*, Cukurova Üniversitesi, Sosyal Bilimler Üniversitesi, Yüksek Lisans Tezi.
- Araz, R. (1995). *Harput'ta Eski Türk İnançları ve Halk Hekimliği*. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Yayınları.
- Aydemir, A. (2013). *Türk Dünyasında Bazı Dugun Terimleri ve „Al Duvak” Geleneği Üzerine*, Turkish Studies, 8, ISSN 1308-2140, <https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.4633>.
- Beydili, C. (2005). *Türk Mitolojisi Ansiklopedik Sözlük*. Ankara: Yurt Kitap Yayınevi.
- Bezrukova, V.S. (2000). *Osnovy dukhovnoi ku'tury (entsiklopedicheskii slovar' pedagoga)*, <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/index.htm>, accessed: 12.10.2019.
- Dal', V.I. (2005). *Tolkovi slovar' zhivogo velikogo russkogo yazyka*. Moskva Moscow: Russkii yazyk-Media.
- Dmitrieva, V. (2015). *Primety i sueveriya v Rossii i Velikobritanii*, <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2016/10/20/primety-i-sueveriya-v-rossii-i-anglii>, accessed: 2020.
- Gutareva, N.Yu., Vinogradov, N.V. (2015). *Primety i sueveriya narodov mira*, Molodoi uchenyi, 9 (89), 1280–1282.
- Karani, B. (2015). *Hurafelere Karşı Eğitim ve Bilim*. İstanbul: Ravza Yayınları.
- Koval', V.I. (2016). *Mifologicheskie verovaniya vostochnykh slavyan. Posobie po kursu «Slavyanskaya mifologiya»*. Gomel': GGU im. F. Skoriny.
- Mokshina, G.N. (sost.). (2013). *Sueveriya i predrassudki krest'yan Voronezhskoi gubernii*. Voronezh: Istoki.
- Norman, B., Rajnochová, N. (2017). *Folk superstitions and their verbalization as a part of two Slavonic national traditions: culturological and pragmalinguistic aspects*, Journal of Linguistic, 68 (1), 5–16.
- Seyyar, A. (2007). *Batıl İnanç*. In: *İnsan ve Toplum Bilimleri Terimleri. Ansiklopedik Sosyal Bilimler Sözlüğü* (123). İstanbul: Değişim Yay.
- Shchikno, O. (2014). *Sovremennoe bytovanie zagovorov*, Vil'nyus, Litovskii Edukologicheskii Universitet Filologicheskii Fakul'tet Tsentru Belorusskogo Yazyka, Literatury i Etnokul'tury, Magisterskaya rabota.
- Sokolova, A. (2013). *Magiya primet i sueverii*. Moscow: RIPOL klassik.

- Tanyu, H. (1976). *Dini folklor veya dini-manevi halk inançlarının çeşit ve mahiyeti üzerine bir araştırma*, Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi, 11, 123–142.
- Ulu, G. (2012). *Batıl İnançların Çin Toplum Yaşamına Etkisi*, Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Doğu Dilleri Ve Edebiyatları (Sinoloji) Anabilim Dalı.
- Ushakov, D.N. (1996). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Izd. tsentr Terra.
- Çiçekler, A.N. (2019). *Isaac Barrow'un Kaleminden Türklerde Batıl İnançlar/ Hurafeler/Halk İnanışları*, Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi, 20, 165–188, ISSN: 1308-5069, e-ISSN: 2149-0651, <https://doi.org/10.30767/diledeara.635502>.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

- Даль, В. *О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа*, <http://www.bibliotekar.ru/dal/1.htm>, доступ: 2019.
- <https://info.wikireading.ru/100804>, доступ: 20.12.2020.
- <https://metrika.com/journal/36118-pokupka-kvartiry-po-pravilam-narodnye-primety-i-sekrety-predkov/>, доступ: 20.12.2020.
- <https://www.litmir.me/br/?b=178994&p=75>, доступ: 20.12.2020.
- <https://www.gorko.by/svadbaencyclopedia/5810-obrajdosypaniamolodyh.html>, доступ: 20.12.2020.

- Dal', B. *O pover'yakh, sueveriyakh i predrassudkakh russkogo naroda*, <http://www.bibliotekar.ru/dal/1.htm>, accessed: 2019.
- <https://info.wikireading.ru/100804>, accessed: 20.12.2020.
- <https://metrika.com/journal/36118-pokupka-kvartiry-po-pravilam-narodnye-primety-i-sekrety-predkov/>, accessed: 20.12.2020.
- <https://www.litmir.me/br/?b=178994&p=75>, accessed: 20.12.2020.
- <https://www.gorko.by/svadbaencyclopedia/5810-obrajdosypaniamolodyh.html>, accessed: 20.12.2020.

Гочо Гочев (Gocho Gochev)

 <https://orcid.org/0000-0001-7399-6257>

*Великотърновский университет
имени Святых Кирилла и Мефодия
Филологический факультет
5003, Велико Търново,
ул. Теодоси Търновски
gochev_g@abv.bg*

**Перевод номинаций русских жестов
согласия и несогласия на болгарский язык
(на материале жестов головы)**

**Translation of the Nominations of Russian Gestures
of Agreement and Disagreement into Bulgarian
(Based on Material on Head Gestures)**

Резюме

Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей перевода русских номинаций жестов согласия и несогласия на болгарский язык. Цель обусловила анализ жестов с точки зрения: а) их исполнения и характера номинаций; б) корректности / некорректности переводческих решений русских жестовых номинаций.

Исследование, основывающееся на методах описания и сопоставления, привело к следующим результатам: русские жесты являются стандартными, т.е. согласие обладает первичной связью с движением головы по вертикали, а несогласие – с движением головы по горизонтали. В болгарском общении наряду с такими стандартными жестами функционируют и нестандартные, значение которых не зависит от вертикального или горизонтального движения головы, а от движения подбородка. Эти различия определяют характер их номинаций: русские номинации обладают первичной и постоянной связью *согласие – вертикаль, несогласие – горизонталь*; болгарские номинации не обладают такой связью, они характеризуются омонимичностью, т.е. ими обозначаются как стандартные, так и нестандартные жесты.

На базе этих различий сформулированы рекомендации переводчикам: внимательный анализ контекста, определяющего значение русского жеста, а в случае отсутствия в нем указания на значение – руководствоваться его первичной связью; болгарский перевод обязательно

должен снимать возникшую омонимию, позволяющую интерпретировать болгарскую жестовую номинацию и как согласие, и как несогласие.

Статья имеет отношение к малоизученной области сопоставительного изучения невербальных русских и болгарских средств общения.

Ключевые слова: жест, согласие, несогласие, жестовая номинация, болгарский язык, русский язык.

Summary

The aim of this article is to identify the peculiarities of translating the nominations of Russian gestures of agreement and disagreement into Bulgarian. The aim necessitates an analysis of gestures from the point of view of: a) their execution and the nature of their nominations, and b) the correctness/incorrectness of translation choices regarding Russian gesture nominations.

The study, based on the methods of description and comparison, has led to the following findings: Russian gestures are standard, i.e. agreement has a primary connection with vertical head movement, and disagreement with horizontal head movement. In Bulgarian communication, along with such standard gestures, there are non-standard ones whose meaning does not depend on the vertical or horizontal movement of the head but on the movement of the chin. These differences determine the nature of their nominations: the Russian nominations have primary, permanent connections between *agreement* and *vertical*, as well as *disagreement* and *horizontal*. Bulgarian nominations, on the other hand, do not have such connections – they are characterized by homonymy, i.e. they denote both standard and non-standard gestures.

Based on these differences, recommendations to translators have been put forward: conduct a careful analysis of the context which determines the meaning of the Russian gesture, and in the absence of an indication of its meaning, be guided by its primary connection, and the Bulgarian translation must necessarily remove the resulting homonymy that allows for the Bulgarian gesture nomination to be interpreted both as agreement and disagreement.

The article relates to the little-explored area of comparative study of non-verbal Russian and Bulgarian means of communication.

Keywords: gesture, agreement, disagreement, gestural nominations, Bulgarian, Russian.

Согласие и несогласие в русском и болгарском общении могут выражаться движениями разных частей тела ср., например, *развести руками* – *разперя ръце*; *махнуть рукой* – *махна с ръка*; *пожать плечами* – *свия рамене* и т.п.

Основным, однако, инструментом осуществления жестов согласия и несогласия как в русском, так и в болгарском общении, является голова, движущаяся по вертикали и горизонтали. Эти жесты обладают широким диапазоном значений, но чаще всего они выступают в роли знаков согласия и несогласия.

Как известно, болгарские жесты согласия и несогласия нестандартны по сравнению с этими же жестами других народов. Они представляют собой специфическую национальную особенность, которая очень часто может быть помехой общению иностранцев с болгарам и причиной возникновения недоразумений. По этому поводу К. Паустовский пишет:

Он называл мне ветры и следил, чтобы я правильно записывал названия. Он требовал, чтобы я перечитывал ему эти названия, и *отрицательно покачивал головой из стороны в сторону*. Я смутился. Я забыл, что по-болгарски этот жест означает *согласие и одобрение*. Если же болгарин кивает головой *сверху вниз*, то это, наоборот, означает *полное отрицание*. Я долго не мог привыкнуть к этим жестам. Они были причиной нескольких легких недоразумений (Паустовский, 1967).

Описанные различия могут вызвать не только недоразумения, но и культурный шок, создавая впечатление отрицательного отношения, недружелюбности. Например, русская женщина, побывавшая в Болгарии, пишет:

[...] я тогда совсем не обратила внимания, что *отрицательный жест – это покачивание, а не мотание*, и была абсолютно уверена в том, что мне везде *отказывают* ... (<http://avva.livejournal.com/>, доступ: 5.12.2021).

Впрочем, недоразумения могут возникнуть и в процессе коммуникации болгар, ср.:

Качвала ли си се някога на кон, пита ме тя, като че ли не е очевидно. Не, само на тролей петица, казвам аз, щото това си е чистата истина. ... Значи ти е за първи път, обобщава ситуацията тя, а аз кимам *отривисто с глава нагоре-надолу и наляво-надясно, за да изчистим всички недоразумения* (Хадживанова, 2007)¹.

С точки зрения семантики русские и болгарские жесты особо не различаются: согласие охватывает значения, объединенные компонентом «совпадающее мнение» (согласие, утвердительный ответ, взаимная договоренность, единомыслие, единодушие, одобрение и т.п.), а несогласие – компонентом «несовпадающее мнение» (несогласие, неприятие, отрицание, запрещение, отказ, опровержение и т.п.).

Выбор русских и болгарских жестов головы, обозначающих согласие и несогласие, в качестве объекта исследования в настоящей статье продиктован, во-первых, отмеченными различиями в их исполнении, и, во-вторых, особенностями, связанными со спецификой функционирования их номинаций в тексте – потенциальные факторы, создающие условия для неадекватной передачи русских жестов на болгарский язык.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей русских и болгарских жестовых номинаций согласия и несогласия, влияющих на адекватность их перевода с русского на болгарский язык.

В связи с этим, во-первых, охарактеризуем русские и болгарские жесты головы со значением согласия и несогласия с точки зрения их исполнения

¹ букв.: – Вы когда-нибудь ездили верхом на лошади, спрашивает она, как будто по мне не видно. – Нет, только на пятом троллейбусе, говорю я, – и это чистая правда... Значит, в первый раз – итожит она, а я *отривисто киваю головой вверх-вниз и налево-направо, чтобы устранить возможные недоразумения*.

и характера их номинаций; во-вторых, проанализируем корректность / некорректность переводческих решений русских жестовых номинаций².

Русские жесты согласия и несогласия являются стандартными, т.е. их исполнение и значение в целом совпадают с общепринятыми практически всеми народами движения с такой семантикой.

Русский жест согласия осуществляется движением по вертикали и описывается следующим образом: «Наклоны головы вниз и вверх» (Акишина, 1980, 161) или «Голова несильно наклоняется вперед и возвращается в нормальное положение. При экспрессивном исполнении жеста опускание и подъем головы осуществляется несколько раз» (Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001, 59).

Основным средством вербализации этого жеста является выражение *кивать (кивнуть) головой* (см.: Акишина, Кано, 1980, 161; Дмитриева, Клокова, Павлова, 2003, 284), ср.:

У него появилась привычка в разговоре *кивать головой*, словно *соглашаясь* с тем, что говорят, а скорей всего – чтобы меньше говорить самому (Распутин, *Живи и помни*)³; – Ну, раз не вызывали, значит, жди, вызовут. – Да, – невесело *кивнул головой* Корнилов, – *теперь-то уж точно вызовут* (Домбровский, *Факультет ненужных вещей*, часть 3).

Представлен он также такими жестовыми номинациями как *согласиться (подтвердить, одобрить и т.п.) кивком головы*. Часто при номинации жеста используются и эллипсисные образования *кивать (кивнуть) и кивком*, ср.:

Господь *кивком головы соглашается* с ним и произносит: – Жалко их. ... (Распутин, *Новая профессия*). – Да, в этой мысли есть здоровое зерно, – *кивнул* капитан-шеф-повар. (Дорофеев, *Эле-Фантик*); *Взяли?* – спрашивал Геша глазами Рубахина и тот *кивком отвечал: Взяли* (Маканин, *Кавказский пленный*).

В номинациях типа *кивать головой* связь согласия с вертикальным движением головы первична и регулярна. Об этом свидетельствуют два факта:

1. Вертикальное движение головы идентифицируется носителями русского языка как согласие и при отсутствии сопровождающего речевого контекста, подтверждающего одобрение, ср.:

– Приходи завтра днем. Он уходит в одиннадцать. Я молча *киваю головой* (Зощенко, *Перед восходом солнца*).

² Анализ проведен на материале примеров из Корпуса параллельных русских и болгарских текстов, <http://rbcorpus.com/>

³ Источник русских примеров без перевода: Национальный корпус русского языка, <https://ruscorpora.ru/new/>

2. Связь согласие – вертикальное движение головы сохраняется даже в случаях, когда в контексте со значением согласия используется номинация, связанная с горизонтальным движением головы и отрицанием. Ср., например, употребления *качать головой* в контексте, содержащем согласие:

Гере слушал внимательно, *утвердительно качал головой* и, когда я кончил, отчеканил: – Чепуха! Гьоре слушаше внимательно, *кимаше утвердительно глава* и когато завърших, отсеке: – Глупост! (Беляев, *Властелин мира*)⁴.

Русский жест несогласия осуществляется движением по горизонтали и выступает в двух основных вариантах:

1. Двигать головой, разворачивая ее лицом то к правому, то к левому плечу. ... 2. Наклонить голову ухом то к правому, то к левому плечу (Акишина, Кано, 1980, 156). Жестикулирующий несильно наклоняет голову к одному и другому плечу, обычно влево, вправо и еще раз влево (...). Жестикулирующий несильно поворачивает голову влево-вправо и еще раз влево (Григорьева и др., 2001, 105–107).

Основным языковым средством номинации этого жеста является выражение *качать (качнуть) головой*, ср.:

Он будет ходить по парку и спрашивать меня скупой: – Этот? Этот? А я буду *отрицательно качать головой* (Минаев, *Детство Левы*); Тот опять засмутился и *отрицательно качнул головой* (Ремизов, *Воля вольная*).

В качестве синонимов выступают жестовые номинации с глаголами *вертеть, крутить, мотать*, а также сочетания типа *отрицательный жест головой, двигать головой из стороны в сторону* (см.: Акишина, Кано, 1980, 156; Григорьева и др., 2001, 105–107; Дмитриева и др., 2003, 283), ср.:

Сержант *отрицательно повертел головой* и посмотрел на подчиненных (Екатерина Романова, Николай Романов, *Дамы-козыри*). Тот засмеялся и *покрутил головой*: – Но, маэстро Этингер, *ваше исполнение было далеко от музейного!* (Рубина, *Русская канарейка. Блудный сын*). Написать мне ему или характер выдержать? Если советуете все же написать, кивните головой, а *если нет – помотайте*. Как скажете, так и сделаю. Прочитала я записочку и сама не знаю, кивать мне или *мотать* (Грекова, *Перелом*). Вивиана, глядя на него, замедлила с ответом, как бы что-то обдумывая, но потом так же *сделала отрицательный жест головой* и тем, не зная того сама, спасла жизнь (Беляев, *Остров погибших кораблей*).

Качать головой также обладает первичной и регулярной связью, как и *кивать*, но с горизонтальным движением и отрицанием: не нужен контекст,

⁴ Источник русских примеров с переводом на болгарский язык: *Корпус параллельных русских и болгарских текстов*, <http://rbcorpus.com/>. Данные о произведениях и переводчиках можно найти на указанном сайте.

для того чтобы идентифицировать номинацию как отражающую горизонтальное движение и несогласие (а); отрицательный контекст всегда ассоциируется с горизонтальным движением и отрицанием (б):

- (а) Приятно тебе такое? Вот. *Качаешь головой...* (Рытхэу, *В долине Маленьких Зайчиков*).
 (б) Однажды, как-то зимой, перебегаем мы из Союзгосцирка в «Берлин» – стучу, прошу открыть двери, но незнакомый швейцар *качает головой* в фуражке, *мол, не пуцу* (Кио, *Иллюзии без иллюзий*).

За русскими жестами головы закреплены точно определенные значения: вертикальный жест означает согласие, а горизонтальный – несогласие.

Однако их номинации⁵ не имеют такой закреплённости: например, в контекстах, где четко обозначено согласие, предполагающее вертикальное движение головы (*кивать головой*), могут употребляться выражения, номинирующие горизонтальное движение (*качать головой*, *крутить головой*, *мотать головой*), причем замена номинативной единицы *кивать головой* указанными выражениями никоим образом не меняет направление движения (*наклоны головы вниз и вверх*) и значения согласия. Следовательно, жестовые номинации этого типа приобретают в зависимости от лексического окружения контекстуальное значение согласия, которое реализуется под действием узкого, широкого и / или экстралингвистического контекста, ср.:

Шалимов, Суслов и Замыслов демонстративно не слушают ее. Дудаков *утвердительно качает головой* (Горький, *Дачники*). – А что, в Париже есть Русский коммерческий институт? – Есть. – Хм, – губернатор *покрутил головой*, – *ладно*. Жду (Михальский, *Одиному везде пустыня*). – Значит, вы подтверждаете, что Ирина Викторовна Губанова посещала ваш дом в январе? – уточнила Ярослава. – *Подтверждаю!* – *мотнула головой* Антонина. – Как на духу! (Серова, *Комплекс*).

Из-за неопределенности направления движения, обозначаемого глаголами *трясти* (толчками, рывками качать, шатать, колебать из стороны в сторону или вверх и вниз – МАС), *махать* (делать движения, взмахи по воздуху – МАС), *повести* (делать движение, шевельнуть – МАС) в сочетании со словом *голова* они становятся жестовыми номинациями (*трясти головой*, *махать головой*, *повести головой*) только в контексте, который в зависимости от выражаемого им согласия или несогласия определяет движение головы по вертикали или горизонтали.

(*вертикаль*)

Тот *утвердительно тряс головой*, а потом опять валил то направо, то налево (Сенчин, *Елтышевы*).

⁵ В частности, номинации, которые относим к связанным с горизонтальным движением и отрицанием.

(горизонталь)

– Я поведу. Я приказания всегда выполняю! – При этом он *отрицательно тряс головой* (Бакланов, *Навеки девятнадцатилетние*).

(вертикаль)

– А не выпьем? – вдруг предложил молодому человеку, да уже и протягивая руку к шкафчику в стене. Тот *повел головой. Согласился* (Солженицын, *На изломах*).

(горизонталь)

Построим потрясающий автомобиль, который мы с тобой придумали... Федя потупился, *отрицательно повел головой*. – Чего ты? Не согласен?... (Бек, *Талант [Жизнь Бережкова]*, части 1–3).

(вертикаль)

Но вот он *махнул головой в знак того, что соглашается* с собеседником и рукой хлопнул по столу, – широкой рукой и – будто подчеркнул слова собеседника, будто написал их курсивом (Успенский, *Переподготовка*).

(горизонталь)

Павка *отрицательно махнул головой*: – Не пойду. – Почему? – Брови ее удивленно поднялись (Островский, *Как закалялась сталь*).

Следует отметить, что в этих случаях не идет речь об использовании вертикального жеста для несогласия, а горизонтального для согласия. Благодаря различиям в контекстах указанные жестовые номинации приобретают способность обозначать как вертикальное, так и горизонтальное движение.

Все это свидетельствует о том, что в процессе перевода следует учитывать, во-первых, характер первичной связи номинации (вертикаль – согласие, горизонталь – несогласие), во-вторых, природу контекста, в котором функционирует жестовая номинация.

Болгарские жесты согласия и несогласия не так просты, как может показаться иностранцу, поскольку наряду с нестандартными движениями, которые в общении с болгарам в первую очередь бросаются ему в глаза, в болгарском жестовом общении присутствуют и стандартные жесты. По своему исполнению и значениям они не отличаются от описанных выше национальных русских жестов.

Направление движения головы стандартных и нестандартных жестов совпадает по вертикали и горизонтали. Различие связано с их значениями: *стандартное согласие* – движение по вертикали, *нестандартное* – по горизонтали; *стандартное несогласие* – движение по горизонтали, *нестандартное* – по вертикали.

Наряду с этим при исполнении стандартных и нестандартных жестов существуют определенные элементы движения, которые четко разграничивают их, в частности, важным различием является движение и положение подбородка:

1. При исполнении по вертикали: а) *нестандартный жест несогласия*: подбородок слегка поднимается вверх, после чего голова опускается вниз

и возвращается в исходное положение; б) *стандартный жест согласия*: подбородок, вместе с головой, опускается вниз и возвращается в исходное положение.

2. При исполнении по горизонтали: а) *нестандартный жест согласия*: подбородок описывает полукруг к одному, а потом к другому плечу, в конечных точках движения слегка поднимается и возвращается в исходное положение; б) *стандартный жест несогласия*: подбородок движется по прямой линии к одному, а потом к другому плечу, и не поднимается в конечных точках.

Здесь отметим, что в болгарском общении используются еще два варианта нестандартного согласия. Первый представляет собой «сокращенный» вариант описанного выше: голова резко поворачивается только к одному плечу, в конечной точке движения подбородок слегка поднимается и возвращается в исходное положение. Второй вариант нестандартного согласия выполняется наклонами и сближением головы то с одним, то с другим плечом, причем в конечных точках движения подбородок поднимается вверх.

В реальном общении болгар вертикаль и горизонталь не играют никакой роли, собеседник определяет согласие или несогласие по движению и положению подбородка. В приведенных ниже примерах исполнитель движет головой по вертикали, но, используя стандартный жест для согласия (1), опускает подбородок вниз, а, выражая несогласие – нестандартный (2), слегка поднимает подбородок вверх и потом опускает вниз:

- (1) – Били сте с Хиршфогел – каза тя замислено, а значи, говорили сте за мен. Бенц *кимна с глава утвърдително*. – Вы провели вечер с Гиршфогелем, – задумчиво произнесла она, – значит, вы говорили обо мне. Бенц *утвердительно кивнул* (Димов, *Поручик Бенц*).
 (2) После извади кутията си с измирски цигари и покани Данов. – Благодаря... – Данов *кимна отрицателно глава*. Вынув пачку смиренских сигарет, Данову. – Благодаря... – Данов *отрицательно качнул головой* (Константинов, *Синият аметист*).

Для вербализации как стандартных, так и нестандартных болгарских жестов используются омонимические номинации: *кимам (с) глава*, *климам (с) глава*⁶, *въртя глава*, *клатя глава*, *махам (с) глава*, *тръскам глава*. В письменном тексте можно установить только их значения согласия или несогласия, но трудно определить, какой из жестов – стандартный или нестандартный используется. В этой связи показателем в какой-то мере могут служить сфера их функционирования и отношение исполнителя жеста к ситуации и собеседнику.

Нестандартные жесты широко распространены в повседневном общении, т.е. в основном они функционируют в непринужденной

⁶ Жестовая номинация *климам (с) глава* можно отнести к устаревшей и просторечной лексике. В современном литературном языке она заменяется выражением *кимам (с) глава*.

и неофициальной обстановке. Исполняются они обычно быстро, энергично и характеризуются своего рода автоматизмом, их использование спонтанно, ответ предварительно готов и не предполагает предварительного обдумывания, что позволяет мгновенно реагировать, ср:

Цена – Козарче, брат да ми си: – много ли момичета е погубил Змея в пещерата? Второ козарче (*без да се замисля, върти утвърдително глава*)⁷ – У-у-у! Казват, чет нямат (Тодоров, 1980). – Сигурна ли си, че не искаш да поръчваме храна от ресторанта? Жена ми ме поглежда. – Правителствения ресторант, разбира се. Тя *кима отрицателно* и изръмжава с пълна уста. – Мога да наредя готвачът да идва тук, ще прави вечеря под твоё ръководство. Това сме го повтаряли много пъти, но Наталия е *твърдо решена* да се грижи за храната сама⁸ (Тенев, 2004).

Стандартный жест согласия используется в следующих случаях:

1. В ситуациях, требующих предварительного обдумывания высказывания. Исполняется, как правило, медленно:

– Какво ще кажете, казвам аз накрая – ако направим едно последно раздаване, времето вече доста напредна. Той *помисли малко* и след това *кимна: Става*⁹. И тогава произнасям заветната фраза: «Ледът се раздвижи, господа съдебни заседатели» (Милано, 2014).

2. В ситуациях активного слушания:

а) в университетской и школьной практике используется для подтверждения правильности ответа обучаемого (академический кивок):

Преподавателят *кима* през цялото време *в съгласие*, това ме окуражава и аз все по-вдъхновено продължавам ...¹⁰ (из газет).

б) в официально-деловом общении при проведении обсуждений, переговоров, встреч и т. п. для иллюстрации согласия:

– Предлагам да започнем веднага обсъждането на нашата стратегия по време на предстоящите преговори. – *Съгласни ли са всички останали с предложението на Авит?* Никой от останалите боили не пожела да каже нещо, но повечето от тях *кимаха* енергично *с глави, за да изразят своето съгласие* със съвета на Авит да не се предприемат никакви нощни нападения¹¹ (Златев, 2014). По-късно, след срещата разбрах, че са отишли на среща с Луканов в дома на съседа му Николай Хайтов на инструктаж. На срещата Кюранов се правеше на най-умен и се опитваше да пробута мръсни номера. *Да се обявят предва-*

⁷ букв.: не задумываясь, утвердительно вертит головой.

⁸ букв.: кивает отрицательно головой, твердо решив.

⁹ букв.: Он подумал немножко и потом кивнул: Согласен.

¹⁰ букв.: Преподаватель все время кивает в знак согласия.

¹¹ букв.: – Предлагаю сразу начать обсуждение нашей стратегии предстоящих переговоров. – Все согласны с предложением Авита? Никто из бояр не захотел выступить, но большинство из них энергично кивали, чтобы выразить свое согласие ...

*рително текстовете на докладите и лозунгите и други подобни комунизми. Всички си мълчаха и кимаха*¹² (из газет).

3. В ситуациях, предполагающих категоричность согласия, причем жест обычно выполняется энергично:

Боляринът извърна лицето си откъм другата му страна и пак погледна младия човек изкосо, закима с глава: – *Ще ти дам. Почакай*¹³ (Талев, 1990). – *Ще я скъся, владико! Начаса! Уж бях я изрисувал да гледа надолу, ама що така се вирнала?! – удивил се иконописецът и закимал в знак на съгласие*¹⁴, че така наистина не може (Вълев, 2003).

Стандартный жест несогласия, исполняемый по горизонтали, используется в ситуациях, предполагающих настойчивость и категоричность отрицательного ответа и может сопровождаться обоснованием, мотивировкой:

Царят се вгледа в него. – Слушай, ти никак не си загубен човек. Я да те направя аз един министър. – *Не – въртна глава Христо. – Не искам. Аз си имам работа*¹⁵. – Каква работа? – Търся истината (Цонев, 1980).

Перевод русских жестовых номинаций на болгарский язык требует от переводчика знания перечисленных различий и особенностей, а также умения избегать их влияния на процесс перевода.

Итак, для болгарских жестов согласия и несогласия характерны омонимия номинаций и противоположность в исполнении стандартных и нестандартных жестов.

Как было уже отмечено, русские номинации обозначают жесты со строго регламентированными характеристиками: только *согласие* (движение головы по вертикали) или только *несогласие* (движение головы по горизонтали).

В отличие от них соответствующие болгарские номинации не обладают такой соотнесенностью – болгарин может использовать как вертикальный, так и горизонтальный жест и для *согласия*, и для *несогласия*.

Эти особенности, в частности омонимия болгарских номинаций, имеют непосредственное отношение к переводу анализируемых жестов и могут повлиять негативно на адекватность их передачи на болгарский язык.

Сначала отметим, что если в контексте употребления русской жестовой номинации присутствует указание на согласие или несогласие, то не возни-

¹² букв.: – *Объявить предварительно тексты докладов, и лозунги, и другие подобные советизмы. Все молчали и кивали.*

¹³ букв.: *опять посмотрел на молодого человека искоса и закивал головой: – Дам. Подожди.*

¹⁴ букв.: *удивился иконописец и закивал в знак согласия.*

¹⁵ букв.: *... Давай я сделаю тебя министром – Нет – вертанул головой Христо – Не хочу. У меня своя работа.*

кает никаких неясностей при восприятии и передаче его значения на болгарский язык, ср.:

– Я не знаю, куда вас везут... – произнесла она, глядя на Кольку. – Почему-то держат в секрете... Ерунда какая-то. Но ты еще подумай. Может, останешься с нами? – ... Мы с Демьяном Иванычем обсудили, он не против взять тебя... – Она поправилась: – Тебя... и этого мальчика... Колька *покачал головой*. Регина Петровна вздохнула. Стала доставать папироску, но сломала ее и выбросила. – Ну, ладно, – сказала она. – *Может, ты напишешь? Когда приедешь на место?* Колька *опять покачал головой*. Регина Петровна вдруг протянула руку и погладила его по голове. Он не успел увернуться. – Ладно. – Нис с Демян Иванич обсъдихме, той няма нищо против да те вземе... – Тя се поправи: – Тебе... и това момче... Колка *поклати глава*. Регина Петровна въздъхна. Бръкна да си извади цигара, но я чупи и я захвърли. – Е, добре – каза тя. – *Защо не ми напишеш писмо, а? Когато пристигнеш?* Колка отново *поклати глава*. Внезапно Регина Петровна протегна ръка и го погали по главата. Той не успя да се дръпне. – Добре (Приставкин, *Ночевала тучка золотая*).

Фразы: *Может, ты напишешь? Когда приедешь на место?*, которые присутствуют и в переводе – *Защо не ми напишеш писмо, а? Когато пристигнеш?* однозначно определяют болгарское соответствие *поклати глава* как выражение несогласия.

Далеко не так обстоит дело в тех случаях, когда в контексте отсутствует указание на согласие или несогласие, ср.:

– Вы на меня сердитесь?... Она подняла на меня томный, глубокий взор и *покачала головой*; ее губы хотели проговорить что-то – и не могли; глаза наполнились слезами; она опустила в кресло и закрыла лицо руками. – Сърдите ли ми се? Тя вдигна морен, дълбок поглед към мен и *поклати глава*; устните й искаха да проговорят нещо и не можеха; прочите й се напълниха със сълзи; тя се отпусна в креслото и закри лице с ръцете си (Лермонтов, *Герой нашего времени*).

– Запросто, – подхватила Валя, внимательно слушавшая шефа. – Я книжку читала, в детстве. *Властелин мира* называется. Там один мужик тоже научился всем мозги фаршировать. Как захочет – так человек и делает. Читала, Саш? Саша *покачала головой*. Обе девушки сидели на ковре, потому что у Вали дома нормальной мебели не было: только футоны, тюфяки, огромные бесформенные подушки, столы на крошечных ножках. – Като нищо – поде Валя, която слушаше внимателно шефа. – Когато бях дете, четох една книга, казваше се *Владетелят на света*. Саша *поклати глава*. Двете момичета седяха на пода, защото у Валя нямаше човешки мебели: само рогозки, възглавници, пуфчета, ниски масички (Акунин, *Ф.М.*).

На возвратном пути я не возобновлял нашего печального разговора; но на пустые мои вопросы и шутки она отвечала коротко и рассеянно. – Любили ли вы? – спросил я ее наконец. – Она посмотрела на меня пристально, *покачала головой* – и опять впала в задумчивость: явно было, что ей хотелось что-то сказать, но она не знала, с чего начать; ее грудь волновалась... На връщане аз не възбнових нашия печален разговор; но на празните ми въпроси и шегии тя отговаряше късо и разсеяно. – Обичали ли сте? – попитах я най-после. Тя ме погледна внимателно, *поклати глава* и пак се замисли: явно, че й се

искаше да каже нещо, но не знаеше с какво да почне; гръдта ѝ се вълнуваше... Какво да се прави! (Лермонтов, *Герой нашего времени*).

Во всех трех примерах перевод *покачать головой* болгарским *поклати глава* не говорит ничего определенного болгарскому читателю, непонятно о чем идет речь – о согласии или несогласии. Возникшая омонимия порождает двусмысленность, позволяет интерпретировать болгарскую жестовую номинацию и как согласие, и как несогласие. Адекватный перевод, исходя из первичной связи *качать головой* с горизонтальным движением и несогласием, предполагает обязательное добавление в этих случаях какого-л. пояснения типа *отрицательно поклати глава*.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что принятию переводческого решения, связанного с передачей русских жестовых номинаций на болгарский язык, должен предшествовать а) внимательный анализ контекста, определяющий значение русского жеста (согласие или несогласие); б) при отсутствии контекста следует не упускать из виду, что первичная связь у номинаций типа *кивать головой* – это вертикаль, т.е. согласие, а у номинаций типа *качать головой* – горизонталь, т.е. несогласие; в) болгарский перевод обязательно должен снимать возникшую омонимию, приводящую к неясности и двусмысленности, позволяющую интерпретировать болгарскую жестовую номинацию и как согласие, и как несогласие.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акишина, А., Кано, Х. (1980). *Словарь русских жестов и мимики*. Токио: Наука.
- Верецагин, Е.М., Костомаров, В.Г. (1990). *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва: Русский язык.
- Виденов, М. (1982). *Към българската паралингвистика*. В: *Годишник на СУ «Климент Охридски»*. Факултет по славянски филологии. Т. 72, 1 (6–93). София: УИ Св. Климент Охридски.
- Гочев, Г.Н. (2008). *Специфика болгарских жестов, обозначающих утверждение и отрицание*. В: *Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве*. Материалы V Международной научно-практической конференции 8–9 августа 2008 года. Часть 1 (23–28). Славянск на Кубани: филиал Кубанского государственного университета.
- Гочева, С.П., Гочев, Г.Н. (1991). *Сопоставительный анализ жестов русских и болгар*. В: *Учет родной культуры иностранных учащихся в процессе преподавания русского языка*. Межвузовский сборник научных трудов (23–28). Волгоград: Волгоградский государственный университет.
- Григорьева, С.А., Григорьев, Н.В., Крейдлин, Г.Е. (2001). *Словарь языка русских жестов*. Москва–Вена: Языки русской культуры.
- Дмитриева, Л.И., Клокова, Л.Н., Павлова В.В. (2003). *Словарь языка жестов*. Москва: Русские словари, Астрель, АСТ Ермак.
- Ефимова, А. (2002). *Невербалната комуникация в телевизията*. София: Сема РШ.

- Колшанский, Г.В. (1974). *Паралингвистика*. Москва: Наука.
- Крейдлин, Г.Е. (2002). *Невербальная семиотика*. Москва: Новое литературное обозрение.
- МАС – *Малый академический словарь: Словарь русского языка*: В 4-х т. (1999). А.П. Евгеньева (ред.). Москва: Русский язык.
- Райнов, В.Г. (1993). *Символното поведение на човека*. София: БАН.
- РБЕ – Чолакова К. (ред.). (1977–2015). *Речник на българския език*. Т. 1–15. София: БАН.
- Якобсон, Р.О. (1970). *Да и нет в мимике*. В: *Язык и человек. Сборник статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899–1968)* (284–289), В.А. Звегинцев (ред.). Москва: Издательство Московского университета.

- Akishina, A., Kano, Kh. (1980). *Slovar' russkikh zhestov i mimiki*. Tokio: Nauka.
- Dmitrieva, L.I., Klokov, L.N., Pavlova, V.V. (2003). *Slovar' yazyka zhestov*. Moscow: Russkie slovari, Astrel', AST Ermak.
- Eftimova, A. (2002). *Neverbalnata komunikatsiya v televiziyata*. Sofiya: Sema RSh.
- Gochev, G.N. (2008). *Spetsifika bolgarskikh zhestov, oboznachayushchikh utverzhdenie i otritsanie*. V: *Traditsionnaya kul'tura slavyanskikh narodov v sovremenno sotsiokul'turnom prostranstve*. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 8–9 avgusta 2008 goda. Chast' 1 (23–28). Slavyansk na Kubani: filial Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Gocheva, S.P., Gochev, G.N. (1991). *Sopostavitel'nyi analiz zhestov russkikh i bolgar*. V: *Uchet rodnoi kul'tury inostrannykh uchashchikhsya v protsesse prepodavaniya russkogo yazyka*. Mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh trudov (23–28). Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet.
- Grigor'eva, S.A., Grigor'ev, N.V., Kreidlin, G.E. (2001). *Slovar' yazyka russkikh zhestov*. Moscow–Vena: Yazyki russkoi kul'tury.
- Kolshanskii, G.V. (1974). *Paralingvistika*. Moscow: Nauka.
- Kreidlin, G.E. (2002). *Neverbal'naya semiotika*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- MAS – *Malyy akademicheskii slovar': Slovar' russkogo yazyka*: V 4-kh t. (1999). A.P. Evgen'eva (ed.). Moscow: Russkii yazyk.
- Rainov, V.G. (1993). *Simvolnoto povedenie na choveka*. Sofiya: BAN.
- RBE – Cholakova K. (ed.). (1977–2015). *Rechnik na b'lgarskiya ezik*. Т. 1–15. Sofiya: BAN.
- Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. (1990). *Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo*. Moscow: Russkii yazyk.
- Videnov, M. (1982). *K'm b'lgarskata paralingvistika*. V: *Godishnik na SU «Kliment Okhridski»*. Fakultet po slavyanski filologii. Т. 72, 1 (6–93). Sofiya: UI Sv. Kliment Okhridski.
- Yakobson, R.O. (1970). *Da i net v mimike*. V: *Yazyk i chelovek. Sbornik statei pamyati professora Petra Savvicha Kuznetsova (1899–1968)* (284–289), V.A. Zvegintsev (ed.). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

ИСТОЧНИКИ

- Вълев, С. (2003). *Българският Декамерон*. София: LiterNet.
- Златев, З. (2014). *Покръстването на Кубрат*. София: Труд.
- Корпус параллельных русских и болгарских текстов, <http://rbcorpus.com/>

- Милано, М. (2014). *Таралез в гащите*. София: ФТП ООД.
Национальный корпус русского языка, <https://ruscorpora.ru/>
- Паустовский, К.Г. (1967). *Амфора* В: *Собрание сочинений в восьми томах*. Том 8. Москва: Художественная литература.
- Талев, Д. (1990). *Щитове каменни*. София: Български писател.
- Тенев, Г. (2004). *Вундеркинд*. София: Триумвиратус.
- Тодоров, П.Ю. (1980). *Змейова сватба*. В: *Събрани съчинения*. Том втори. *Драми*. София: Български писател.
- Хаджииванова, К. (2007). *Първият път*. в-к Днес, 16.08.2007.
- Цонев, В. (1980). *Весели измислици*. София: Български писател.

- Khadzhiivanova, K. (2007). *P"rviyat p"t*. v-k Dnes, 16.08.2007.
Korpus parallel'nykh russkikh i bolgarskikh tekstov, <http://rbcorpus.com/>
- Milano, M. (2014). *Taralezh v gashchite*. Sofiya: FTP OOD.
Natsional'nyi korpus russkogo yazyka, <https://ruscorpora.ru/>
- Paustovskii, K.G. (1967). *Amfora*. V: *Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh*. Tom 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Talev, D. (1990). *Shchitove kamenni*. Sofiya: B"lgarski pisatel.
- Tenev, G. (2004). *Vunderkind*. Sofiya: Triumviratus.
- Todorov, P.Yu. (1980). *Zmeiova svatba*. V: *S"brani s"chineniya*. Tom втори. *Drami*. Sofiya: B"lgarski pisatel.
- Tsonev, V. (1980). *Veseli izmislitsi*. Sofiya: B"lgarski pisatel.
- V"lev, S. (2003). *B"lgarskiyat Dekameron*. Sofiya: LiterNet.
- Zlatev, Z. (2014). *Pokr"stvaneto na Kubrat*. Sofiya: Trud.

Anna Alekseevna Khokhlova

 <https://orcid.org/0000-0002-4017-6997>
Khokhlova.anna@mail.ru

A Brief Description of Samara Ergonyms

Summary

The purpose of the article is to consider a specific group of ergonyms associated with the regional culture, history, development, and geolocation of the Samara region. The article is aimed at finding out the main characteristic features of the names of enterprises and organizations (ergonyms) in Samara.

The author uses descriptive comparative method. To provide the material and examples of ergonym, the methods of association, links and semantic map are used.

The provided description makes us think that the regional peculiarities of ergonyms are an essential part of the national-cultural component. It can be realized with the help of the realities associated with geolocation or specific features of the social, cultural, historical, ethnic development of a state and nation as a whole. It can be concluded that modern trends affect the ergonymic space of a city and its ergonymicon. The national-territorial component is capable of performing a parole function. There are certain ergonymic models associated with territorial identity, including abbreviations and acronyms, as well as contaminations of different types.

The analysis and the study results of Samara ergonyms are supposed to be a valuable material for investigation of proper names of enterprises, institution, firms etc. There are further prospects for studying a number of onomastic issues. The study results can be useful in solving brand and rebrand problems.

Keywords: regional ergonym, onomastics, proper name, national-cultural component, regional linguocultural projections, toponym, hydronym.

Modern onomastic research is based on philosophical and general linguistic traditions of J. Mill, B. Russell, O. Jespersen, and others. In Russian linguistics, the main patterns of the history, development, and functioning of proper names

are studied by onomastics (A.V. Superanskaya, N.V. Podolskaya, V.A. Nikonov, V.D. Bondaletov etc.). A.V. Superanskaya classifies proper names into categories, which is supposed to be the key point in modern Russian studies of onomastics. The article uses the term *ergonym* to denote the proper name of a business association of people, including a union, organization, institution, corporation, enterprise, society, or community (Podolskaya, 1988). It should be noted that the terms *ergonymicon* and *ergonymic space* have become widespread following the works of N.V. Podolskaya and I.V. Kryukova.

Despite numerous studies devoted to proper names, ergonyms with regional components are less investigated. This contradiction is explained by the fact that now the global linguistic trends such as retroization, quasi-remotivation and ethnic saturation (Kryzhanovskaya, 2019) are the focus of different scientific studies. The trends affect the ergonymic space of a particular segment of the city onomastic reality. On the other hand, a study of regional linguocultural projections was of particular scientific interest as well. This term was introduced by N.O. Grigorieva. The study classifies complex object names into transnational, national, and regional categories (Grigoryeva, 2016, 144). Regional names allude to the history, location, and culture of a particular territory. For example, the Russian phrase *Na dne* (at the bottom) for the majority of native speakers in Russia is associated with the drama play written by Maxim Gorky in 1902, while Samara citizens most often associate it with the pub and shops of Zhiguly Brewery. It is interesting that at the end of the 19th century, during the construction of water supply and sewerage systems, prefabricated water wells were placed near the brewery. Now, there is a city water supply station and the ergonym *Na dne* (at the bottom) could get its name from the method of water intake, i.e. from the bottom of the Volga River. This fact confirms the influence of cultural and territorial specificity on the onomastic space. The linguists Shatalova and Medvedeva think that the system of ergonyms is surely determined by the regional projections of linguoculture (Shatalova, Medvedeva, 2016, 170).

I.Yu. Rusanova supports the idea that “national and cultural components of ergonyms are explicitly expressed by realities, specific concepts, phraseological units, as well as special lexemes-markers” (Rusanova, 2019, 99). We are inclined to complement that the regional specificity of ergonyms is an important part of the national-cultural component realized with the help of realities associated with the object location and the features of its social, cultural, historical, and ethnic development of any state and nation as a whole.

S.A. Pitina mentions that cultural-territorial elements specify the enterprise location component (Pitina, 2020, 91). Moreover, the pragmatic potential of ergonyms with the components reflecting the regional specificity is much greater. N.O. Grigorieva considers the ergonyms with a national-territorial component to be a particular kind of regional linguoculture. A special set of ergonyms is formed in the regional projection of linguoculture, including both the elements existing

in the given period and relevant to all the representatives of lingvoculture and the units that existed earlier in the ergonymic and communicative space of any region or city (Grigorieva, 2016, 144). The researcher also states that ergonyms are capable of performing a password function, simplifying the conditions of “decoding” for local population, and discovering the same mental verbal base of the nominator and the potential client. Taking into account the conditions, the potential client or customer responds to the password offered by the nominator and becomes more loyal (Artemina, 2015, 1554).

Samara ergonyms with the regional component can offer interesting linguistic material. The city has its own unique precedent names, phenomena, and symbols familiar to Samara citizens. Samara has a glorious history. It started from a small fortress, survived the rebellions of Stepan Razin and Yemelyan Pugachev, and grew as a district town of the Simbirsk province. It was burned down in the 12–13th centuries. Samara is famous for its shipping, merchants, theatres, chocolate, and beer products, as well as restoration by the Red Army under the command of V. Chapayev and G. Gai, the establishment of the Soviet power, and the Czechoslovak corps. Samara became the second capital during World War II and produced the world-famous Il-2 attack aircraft and the MiG-3 fighters. The aviation plant in Samara created the Vostok-1 capsule for Yu. Gagarin. Today, the city has grown into one of the largest industrial, scientific, and cultural centres of the country.

In our study, we consider Samara ergonym patterns relating to the territorial identity. We can see that the identification of objects is in their correlation to the space and history of Samara and the Samara region. The most frequent names of commercial and social organizations of the city (about 3000 examples) also have a regional component. These names include the word *Samara* or its derivatives and are associated with the city and represent the example of “titular nomination” (Zamyatin, 2013). Several enterprises of different profiles (about 17) have the same name. Some names have undergone graphic transformations such as the *SamaRA* hotel.

M.V. Golomidova finds ergonyms to be a part of the urban language. They form the information and communication resource, significant for the city’s image (Golomidova, 2015, 186). The history of enterprises, institutions and firms has a fundamental influence on the regional ergonymicon. The component *Samara* prevails among official and business establishments as an ergonym part. Such ergonyms are intended to demonstrate long history, reliability, and stability e.g. *Samara Zoological Park*, *Samara Energy College*, *Samara District*, *Samara Regional Court*, *Samara Engineering College*, *Samara Diagnostic Center*, *Samara Phlebology Center*, *Samara Bakery Plant № 2*, *Samara Duma*.

The word *Samara* and its derivatives as an ergonym part act as a linguistic marker of stability and monumentality of the organization. This fact motivates the owner or nominator of a new business to choose the ergonym with a regional component, thus contributing to a positive image of the organization for a potential client or customer, for example, *Samara Business Center* (a law firm).

A specific group of Samara ergonyms includes the names of organizations engaged in the manufacturing of certain products. In order to create the illusion of an enterprise with a “long history”, nominators apply the methods of abbreviation and acronyms, as well as contamination of different types. These methods used to be popular in the Soviet linguistic tradition e.g. USSR, Aeroflot. The tracing of such ergonymic traditions is caused by the extralinguistic factors, in particular, by the fact that “the main production in Samara was during the Soviet period” (Khrankov, 2000). It is associated with the typical citizen within the specified historical period. T.O. Prokofieva points out that “the formation of complex abbreviated words, often with a toponymic component, is obligatory for Soviet ergonymy nomenclature” (Prokofieva, 2014, 245).

The examples of complex abbreviated words as part of an ergonym with the regional component include the following names: *Volgaburmash* (a plant), *Samara-SpetsEnergoServis* (a multi-profile company), *Samara CIP* (metal products), *Samarametaloplast*, *Samara-Stroydormash* (repair shop), *SamaraPozhServis* (fire-fighting equipment), *Samaranefteprodukt* (petroleum products), *Samaralacto* (dairy products 1932–2010, today the Danone Group), *SamaraObschepit* (catering equipment), *SpetsTransSamara* (transport company).

Compound abbreviated words as an ergonym part can not only create an illusion of a long history but trigger additional associative chains due to a combination of 2–3 words, allowing to reveal name pragmatic potential and determine the field of the organization activity or sphere e.g. SamSTU (Samara State Technical University). N.V. Nosenko explains this by the fact that at the level of semantics, the breaking of established semantic links sets the conditions for programming the interpretation of a complex abbreviated ergonym by the addressee. Those lexemes became the basis for a derivative ergonym (Nosenko, 2007, 107). The findings presented in the article suggest that the so called Soviet linguistic tradition to abbreviate names of enterprises is still popular and *Samara* is often used as a part of regional ergonym.

On the other hand, there is a tendency to use international or well-known words as *Art*, *Group*, *VIP*, *Plaza*, *News*, *City*, *Corporation* as an abbreviated part and ergonyms present either the contamination or abbreviation type e.g. *Volganews*, *Samart* (theatre), *VIP Master*, *Matreshka Plaza*, *Volga Plaza*, *Security Group*, *Volga Group*, *Blesk Corporation*, *Art Design*, *Mega City* etc.

The names of urban enterprises and organizations with the words indicating the peculiarities of their geographical location and the proximity to the Volga River, the Zhiguli and Ural Mountains, and Samarskaya Luka (river curve) are less frequent. For example, there are more than 300 ergonyms with the word *Volga* and more than 150 with its derivatives, about 100 names with the word *Zhiguli* and more than 15 names with the word *Luka*. The organizations with the same names are engaged in different activities. In particular, the name *Volga* is given to a health spa, hotel, trading company, medical company, retro restaurant, supermarket chain, stadium, sofa factory, real property agency, tattoo studio, law firm, and many others.

It is also necessary to consider the elements found in associative links with the local toponym (a proper name of a place or geographic name), in particular, the hydronym (water object name) Volga as a part of the institution name (ergonym). The mentioned links show the regional specificity of the Samara ergonymy. Let us point out the core, near and far periphery of the concept *Volga* (Fig. 1) The method of association field provides us with a range of examples found among the Samara ergonyms. The core of the field is *river*. The near periphery is manifested in the words *bank*, *wave*, *cruise*, *water*, *wind*. The far periphery includes such words as *bottom*, *port*, *storm*, *fish*, *boat*. The far periphery of *boat* is presented by the names of boat crew and vessel parts and is followed by associations with the sea.

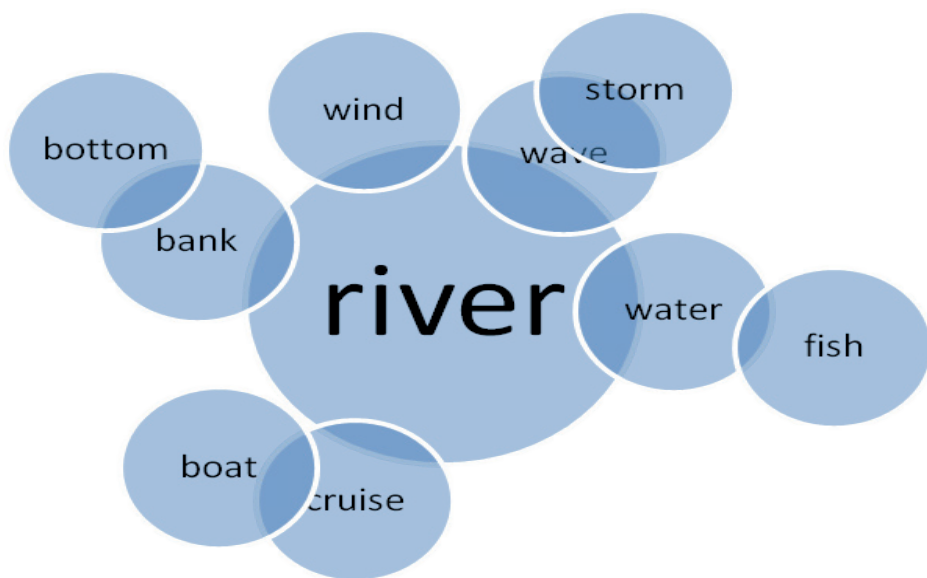


Fig. 1. Core, near and far periphery of the concept *Volga*

In the course of our study we have found the following examples of ergonyms in Samara: *River*, *Riverflot63*, *Samara river port*, *River quarter*, *Two rivers*, *Aquamarine*, *Aquatic*, *Aqua terra*, *Wave*, *On wave*, *the 5-th wave*, *Volga place*, *CruisGIS*, *Cruiser*, *Volga Cruise*, *Your Cruise*, *Volga Wind*, *North Wind*, *South Wind*, *Samara Embankment*, *On the Embankment*, *Boat-Samara*, *Sail*, *White Sail*, *Sailboat*, *Frigate*, *AF Yachting*, *Boat River*, *Volga Yacht Service*, *Vodohod*, *Volga-Fleet-Tour*, *Bank*, *Volga bank*, *Golden bank*, *Green Bank*, *High Bank*, *Clean bank*, *Storm Kayaks*, *Storm*, *Fishman*, *Soroga*, *Black Perch*, *Beluga*, *Samara-Port*, *Dock service*, *New Harbor*, *Old Harbor*, *Beer Harbor*, *Quiet Harbor*, *Boatswain*, *Wooden Boatswain*, *Starship*, *Pilot*, *Captain*, *Captain Club*, *Samara Captain*, *Navigator*, *Cabin Boy*, *Steering Wheel*, *Seaman*, *Seagull*.

In general, it can be concluded that 1) modern trends such as retroization, quasi-remotivation and ethnic saturation affect the ergonymic space of a particular segment of the urban onomastic reality; 2) the cultural-territorial specificity influences the onomastic space and city's ergonymicon; 3) the national-territorial component is a particular kind of regional linguoculture ergonym capable of performing a pass-word function; 4) there are certain ergonym patterns relating to territorial identity, including abbreviations and acronyms, contamination of different types; 5) the analysis of Samara ergonyms presents valuable material and further prospects for the study of a number of onomastic issues; 6) the role and meaning of names reflecting the regional, ethno-cultural component in the formation of the linguistic world view and the linguistic favour of Samara citizens are substantial. We are inclined to think that regional ergonyms form the ethno-cultural distinctiveness, as well as popularizing, preserving, and reintegrating local history motives; they also motivate the younger generation to study the history of their region.

REFERENCES

- Artemina, Yu.A. (2015). *Functions of precedent phenomena in a literary text*, Young scientist, 11 (91), 1553–1555.
- Golomidova, M.V. (2015). *Urban design: to the question about the names of the local object*, Problems of onomastics, 1, 186–189.
- Grigorieva, N.O. (2016). *About projection culture: ergonomy in the communicative space of the city*, The Dynamics of language and cultural processes in modern Russia, 5, 142–145.
- Khramkov, L.V. (2000). *The choice of ways of social development, The history of the Samara Volga region from ancient times to the present day XX century (1918–1998)* (96–118). Moscow: Nauka.
- Kryzhanovskaya, V.A. (2019). *Quasi-motivation as a type of graphic transformation of an ergonym*. Proceedings of the III International Symposium. In 2 volumes: *Russian language in a multi-cultural world*, 376–378.
- Nosenko, N.V. (2007). *Ergonomy-contaminants: structure, semantics and features of functioning*, Siberian journal of Philology, 2, 104–109, <https://doi.org/10.17223/18137083/19/13>.
- Pitina, S.A. (2020). *Ergonyms in the modern local linguistic landscape (based on the names of hairdressers)*, Bulletin of the Chelyabinsk State University, 12 (446), 89–93, <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-11211>.
- Podolskaya, N.V. (1988). *Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Nauka.
- Prokofieva, T.O. (2014). *Retro elements in the ergonymy of a modern provincial city: a fragment of the onomastic picture of Tambov*, Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 12 (140), 244–248.
- Rusanova, I.Yu. (2019). *Problems of identification and description of the national-cultural component in the structure of the ergonym meaning*. Materials of the XVII International Scientific Conference: *Onomastics of the Volga region* (95–99). Veliky Novgorod: Printing Yard.
- Shatalova, Yu.N., Medvedeva A.N. (2016). *Naming in the regional aspect (based on the material of the names of grocery stores in Belgorod)*, Philological sciences. Questions of theory and practice, 5–1 (59), 167–171.
- Zamyatin, D.N. (2013). *Geocultural branding of territories: conceptual foundations*, Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Studies, 5, 11–23.

Людмила Карпенко (Lyudmila Karpenko)

 <https://orcid.org/0000-0002-8432-1164>
liudmila.karpenko.53@mail.ru

Пространственность как семантико-грамматическая особенность русского языка (в сравнении с болгарским языком)

Spatiality as a Semantic and Grammatical Feature of the Russian Language in Comparison with Bulgarian

Резюме

В статье рассматривается языковая концептуализация пространства в русском языке. Актуальность статьи обусловлена важностью сопоставительного изучения специфических черт русского языка.

Цель статьи – проследить степень выраженности локальности в сравнении с болгарским языком. Привлекается материал Национального корпуса русского языка и Болгарского национального корпуса, переводных текстов и словарей. Пространственность русского языка рассматривается как семантико-грамматическая доминанта, выявляемая на разных языковых уровнях.

В исследовании использованы системный, сопоставительный и функциональный методы. Эффективность и актуальность названных методов связана с возможностью предметно представить при комплексном подходе специфические черты русского языка в выражении пространственности, показать данную категорию как семантико-грамматическую доминанту русского языка, которая проявляется как в системе языка на разных уровнях, так и в речи. Более явная выраженность ее в сравнении с болгарским языком прослеживается при сопоставительном анализе на уровнях фразеологии, грамматики и текста.

Показано, что русский язык в совокупности своих выразительных средств фиксирует внимание на пространственной картине мира с максимальной экспликацией и детализацией реальных предметно-пространственных отношений, содержащихся в ситуации. Выявленные на русском и болгарском материале различия в языковой интерпретации пространства обусловлены как внеязыковыми, так и собственно языковыми факторами – особенностями системных свойств языков, их лексико-грамматическими ресурсами и типологическими характеристиками.

Отмечено значение проведенного исследования для теории и практики преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык, болгарский язык, пространственность, семантико-грамматическая доминанта, грамматическая концептуализация.

Summary

The article deals with the linguistic conceptualization of space in the Russian language. The relevance of the article is due to the importance of studying the specific features of the Russian language.

The aim of the article is to trace the degree of expressiveness of locality in comparison with the Bulgarian language. The material used comes from the National Corpus of the Russian language, the Bulgarian National Corpus, translated texts, and dictionaries. Spatiality in the Russian language is considered a semantic-grammatical dominant, revealed at different linguistic levels.

The study uses systemic, comparative, and functional methods. The effectiveness and relevance of the named methods is connected with the possibility to present the specific features of the Russian language in the expression of spatiality in a comprehensive approach, to show this category as a semantic-grammatical dominant of the Russian language, which is manifested both in the language system at different levels, and in speech. Its more explicit manifestation in comparison with the Bulgarian language is traced in the comparative analysis at the levels of phraseology, grammar, and text.

It is demonstrated that the Russian language in the totality of its expressive means draws attention to the spatial picture of the world with maximum explication and detailing of real object-spatial relations contained in the situation. The differences in the linguistic interpretation of space, revealed in the Russian and Bulgarian material, are due to both extra-linguistic and linguistic factors – the peculiarities of the system properties of the languages, their lexico-grammatical resources, and typological characteristics.

The significance of the study for the theory and practice of teaching Russian as a foreign language is noted.

Keywords: Russian, Bulgarian, spatiality, semantic-grammatical dominant, grammatical conceptualization.

Естественные языки в разной степени и по-разному отражают такие онтологические категории, как пространство и время, поскольку в них преломляются разные особенности восприятия мира, свойственные носителям. Лингвистический аспект концептуализации (и категоризации) пространства состоит в определении степени его «присутствия» в языковой картине мира и выраженности в языковых средствах. При сравнении языков в этом плане можно обнаружить много своеобразного. Примечательно, что носители недавно открытого языка пираха не могут точно выразить, с какой стороны – справа или слева – что-то находится, так как в этом языке отсутствуют обозначения сторон, ориентация определяется по отношению к ориентиру, обычно по отношению к реке, и понятий правого и левого нет (Эверетт, 2016,

232–233). Случай с языком пираха особенный, но своеобразие языковой концептуализации пространственных отношений дает возможность наблюдать даже развитые языки, и притом родственные. Такими чертами языкового своеобразия и определяется специфика языковой картины мира, понятие о которой, как известно, восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка (Humboldt, 2019), к идее Э. Сепира о символизации опыта как важнейшей функции языка (Sapir, 1921, 101–105) и к гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа. Не только отражение ситуации, но и грамматические характеристики слов, как показал Уорф, связаны с различиями восприятия и «членения» мира (Уорф, 1960, 178). О языковой картине мира лингвисты говорят сегодня как о заключенном в языке мировидении. «Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» (Телия, 1996, 135). Ю.Д. Апресян в связи с этим пишет:

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира... Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков (Апресян, 1995, 350–351).

Концептуализация – это осмысление реальности, информации в понятийной системе, свойственной данному языку, и оформление этих представлений в средствах разных языковых уровней. Обычно понятие *языковая концептуализация* применяется по отношению к означиванию смыслов или оценок лексическими и фразеологическими средствами. Лингвистический эффект различий концептуализации состоит в характере отраженного *языкового взгляда*. Покажем некоторые особенности русского языка на фоне родственного болгарского языка. Скорое наступление морозов русские обозначают фразеологизмом *зима на носу*, а болгары – выражением *зимата е под носа*. Наглядно различие интерпретации пространственной ситуации иллюстрируют примеры с русским предлогом *За* и болгарским *Пред*, которые по исходному значению являются антонимами: русск.: *Брат мой Василий, сидя у себя в канцелярии, мечтал о том, как он будет... сидеть часами за воротами на лавочке и глядеть на поле и лес* (Чехов, *Крыжовник*). – болг.: *Той ще седи по цели часове на пейката пред вратата и ще се любува на полето и гората* (пер. Христова). Эти примеры показывают возможность интерпретации одной и той же ситуации с учетом позиции говорящего в русской речи и без учета позиции говорящего (ориентация относительно объекта) – в болгарском (Карпенко, 1988, 13–17).

В русской речи в значении ‘заниматься чем-либо’ устойчиво воспроизводятся формы творительного падежа с предлогом *за*: *сидеть за роялем /*

за мольбертом / за пяльцами; в болгарском языке конструкции с предлогом *пред*: *сedia пред рояла / пред молберта / пред гергефа*. Ср. также следующие примеры с предлогом *пред* из Болгарского национального корпуса, которым в русском языке будут соответствовать выражения с предлогом *за*: ...*той дълго време сedia пред бюрото*... – он долго сидел за письменным столом; ...*сега би трябвало вече да сedia пред пишещата машина – сега надо бы уже сидеть за пишущей машинкой*; ...*сedia пред шахматната дъска* – сидел за шахматной доской; ...*той сedia пред телефонния апарат и телефонираше* – он сидел за телефонным аппаратом и звонил и под.

Менее очевидны, чем специфика лексико-фразеологических ресурсов, те языковые различия, которые связаны с концептуализацией мира на грамматическом уровне. Грамматические категории являются наиболее обобщенными языковыми знаками различных аспектов реальности, представление о которых формировалось в практике когнитивного освоения мира на протяжении длительного времени. Различия в оформленности функционально-грамматических категорий имеют более абстрактный, и менее наглядный характер.

Изучение этнокультурных особенностей концептуализации мира в языке все больше привлекает лингвистов. В исследованиях русской языковой картины мира, выявлен ряд семантических доминант, таких, как *эмоциональность*, *неконтролируемость* (Вежицкая), *неопределенность* (Арутюнова, Падучева) и др. Сегодня уже не оспаривается то, что картины мира разных языков различаются. Очевидно, что любой язык заключает в себе оригинальный взгляд на мир, и особенности его концептуализации, в значительной части универсальные, в каких-то моментах, которые могут быть проявлены на любом языковом уровне, включая уровень грамматический, – национально специфичны. Грамматические доминанты, как и семантические, представляют собой концепты, но концепты, характеризующиеся большей абстрактностью. В отличие от семантических доминант они имеют стереотипные формы реализации в конкретном языке, т.е. они заключены в грамматических, функционально-грамматических категориях и получают выражение в системах грамматических средств.

Для русского языка, по нашим наблюдениям, помимо перечисленных семантических доминант, характерна еще и пространственная доминанта. Не только пространственность подробно детерминируется языковыми средствами разных уровней (ср. высказывание: *Мы выходили из дому и спускались с горы на равнину, туда, где разливалась и ширилась река*, в котором задействованы средства морфемного, словообразовательного, лексического, морфологического, синтаксического уровней), но данная понятийная категория служит основой, как в других славянских языках, для оформления иных сфер (временной, причинной, целевой, сферы восприятия, характеристики ментальной деятельности человека и др.). Время действия выражается моделями конструкций на основе пространственных предлогов (*с зимы, до зимы,*

к зиме, в зиму, перед зимой), цель может передаваться моделями, подобными по структуре директивным конструкциям (*готовиться к свадьбе, ехать на свадьбу*), а причина – предложно-именными конструкциями с предлогами удаления: *с горя, из ревности, от ревности, из-за ревности* и т. д.

Если говорить об отражении пространства в русском языке, то, по нашим наблюдениям, в совокупности своих выразительных средств русский язык фиксирует заостренное внимание на пространственной картине мира, которую он моделирует с подчеркнутой конкретизацией реальных предметно-пространственных отношений. В чем это выражается?

I. Русский язык располагает богатой системой средств выражения пространственной семантики, представленных на всех языковых уровнях.

Это и многообразные лексические и словообразовательные единицы разных частей речи: *верх, низ, даль, ширь, высь, безбрежность, беспредельность, простор, пространство, раздолье, высота, бесконечный, безграничный, безбрежный, неограниченный, удаленный, близко, далеко, вдалеке* и т. д.

В грамматическом строе языка имеются системно организованные парадигмы средств, специализированных в выражении пространственных отношений. Это придаточные предложения со значением места и предложно-падежные формы. Покажем далее, в чем конкретно состоит специфика грамматического оформления категории пространственности в русском языке.

1. Предложно-падежные формы с пространственным значением в современном русском языке имеют строгую, закономерную организацию, которая заключается в следующем:

Падеж, не маркированный в выражении пространственности определенного типа, сочетается в предложно-падежных формах с сильными, маркированными, предлогами. Так, сам Род. п. не указывает на тип локальности, им обозначается ориентир, по соотношению с которым определяются пространственные отношения. Конкретный тип локальности маркируется предлогами:

– *с, из, из-за, из-под, от* – при выражении разных аспектов значения удаления от ориентира: *он поднялся с сугроба; ель возвышалась из сугроба; из-за сугроба выбежал зверь; из-под сугроба торчала еловая ветка; он шел от сугроба к сугробу;*

– *вдоль, мимо, вокруг, около, возле, вблизи, у* – при выражении разных аспектов значения нахождения или движения вблизи ориентира: *машина ехала вдоль проспекта; машина проехала мимо площади; машина проехала вокруг площади; машина остановилась около (возле, вблизи, у) площади;*

– *до* – при выражении значения достижения ориентира как предела движения: *машина доехала до площади.*

И наоборот: слабый предлог, не маркированный в выражении определенного типа пространственного значения, сочетается в предложно-падежных формах с сильным (маркированным) падежом. Слабыми можно считать

предлоги *В* и *На*, которые могут использоваться при выражении значений как направления (куда?), так и места (где?). На конкретный тип этих пространственных отношений указывают падежи – винительный и предложный: *приехал в город, приехал на площадь; жил в городе, жил на площади*.

Таким образом, в любой пространственной предложно-падежной форме современного русского языка есть по крайней мере один маркированный член: *в страну* – *в стране* – *до страны* – *из страны* – *около страны*. В целом же любая предложно-падежная пространственная конструкция русского языка является автосемантической, т.е. самодостаточной грамматической единицей, способной в отрыве от контекста обозначать, в выражении какого из трех типов категориальных пространственных отношений куда? – где? – откуда? она участвует.

В системе морфологических средств основные пространственные предложно-именные конструкции русского языка образуют симметричную парадигматически организованную систему моделей специализированных в выражении одного из трех типов локальных отношений: места действия, направления перемещения от ориентира, направления перемещения к ориентире. Не во всех индоевропейских, и даже славянских, языках имена дифференцируют эти очевидные для носителей русского языка значения. Ср. формы при выражении направления и места: русские *в страну* – *в стране*, *в город* – *в городе* и болгарские *в страна* / *страната* – *в страна* / *страната*, *в град* / *града* – *в град* / *града*. Как во французском языке, где предложно-именная конструкция *a conduit en ville* может передавать значения и места и направления – *ехал в городе* – *ехал в город*, в болгарском языке вследствие аналитизма имени предложно-именная конструкция в отрыве от контекста не дифференцирует эти различия, ср., например:

Бил, казват, в Америка, в град Мадисон – «был где?» (Калчев, *При извора на живота*). – *Всички са ходили в Америка и все в този град Мадисон* – «ездили куда?» (Калчев, *При извора на живота*); *Човекът седеше на високя бряг* – «сидел где?» (Вежинов, *Втората рота*). – *Двата се изкачиха на брега* – «поднялись куда?» (Вежинов, *Втората рота*).

2. Пространственная доминанта русского языка в синтаксисе проявляется и в распространенности бытийных предложений (Арутюнова, 1976) с пространственными детерминантами. В сравнении с русским языком во многих языках такие пространственные определители чаще отсутствуют или, наряду с обстоятельственными в них используются структуры с субъ-ектной, временной или определительной семантикой. Покажем типичные примеры в русском языке и их соответствия в английском, французском, болгарском и польском языках:

На дворе двадцать первый век. To jest dwudziesty pierwszy wiek (польск.); *This is the twenty-first century = It's the twenty-first century* (англ.); *Nous sommes au XX^e siècle* (фр.); *Това е двадесет и първият век* (болг.).

Но теперь **на дворе** век Интернета. *Ale teraz jest to era Internetu* (польск.); *But now it is the age of Internet* (англ.); *Mais c'est maintenant l'ère de l'Internet* (фр.); *Обаче сега е епохата на Интернет / Обаче сега живеем в дигитална епоха и под.* (болг.).

Ведь **на дворе** век компьютеров и европейских стандартов; *W końcu to jest era komputerów i europejskich standardów* (польск.); *After all, this is the age of computers and European standards* (англ.); *Après tout, c'est maintenant l'âge des Ordinateurs et des normes européennes* (фр.); *Нима сега е ерата на компютрите и европейските стандарти* (болг.).

Не думал, что **на свете** есть столько начальников; *Nie zdawałem sobie sprawy, że jest tylu szefów* (польск.); *I didn't think there were so many bosses in the world* (англ.); *Je ne pensais pas qu'il y avait autant de patrons* (фр.); *Никога не съм предполагал, че съществуват толкова много началници* (болг.).

Исследование параллельных русского и болгарского подкорпусов Национального корпуса русского языка показывает, что соотношение таких примеров с выраженной идеей пространства в русском тексте и нулевым выражением в болгарском может достигать в отдельных выборках 30–33% случаев. Можно проследить, в каких случаях наблюдается такое соотношение. Рассмотрим на примере **на дворе** соответствия русским высказываниям.

Параллелизм употребления **на дворе** и болгарского **на двора** наблюдается, когда речь идет о конкретном пространственном объекте. Весьма частые расхождения отмечаем в случаях, когда русское выражение **на дворе** метонимически обозначает среду вне жилища на открытом воздухе, на природе, как место сезонных, погодных, температурных, световых, звуковых иных состояний и место проявления времени:

Вот уж октябрь на дворе, зима на носу... (Тургенев, Накануне). – *Ето вече е октомври, зимата е под носа* ни (пер. Константинова).

Подписал приказ – шесть часов и за ворота выгнать... А на дворе – ноябрь (Солженицын, Один день Ивана Денисовича). – *Подписа заповед – шест часа и да ме няма... Пък беше ноември* (пер. Райчева).

Год на дворе – одна тысяча девятьсот тридцать седьмой (Суворов, Контроль). – *А работата става през хиляда деветстотин трийсет и седма* (пер. Мисиркова).

Параллельно с русскими пространственными обстоятельственными конструкциями в болгарском тексте часто используются структуры с субъектной, временной или определительной семантикой:

В голове мутнело (Приставкин, Ночевала тучка золотая). – *Главата ти се размъташе* (пер. Петрова).

В ушах шумит, в голове шумит, как будто от хмеля (Гоголь, Страшная месть). – *Ушите му шумят, главата му шуми като от пиянство* (пер. Константинова);

Сижу на лавочке, в коленках пусто, в голове пусто, в душе пусто, знай себе глотаю крепкое как воду (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, *Пикник на обочине*). – *Седя на пейката с омекнали колене, с празна глава, с празна душа и гълтам ли, гълтам алкохола като вода* (пер. Асадурова).

Алекси ... застава с празна глава пред прозореца (Вежинов, *Белият гущер*). – *Алекси ... остановился у окна. В голове было пусто* (пер. Лихачевой) и др.

II. Характерной особенностью русской речи является максимальная экспликация пространственных отношений, содержащихся в ситуации. Проявление этой особенности можно видеть в избыточности употребления единиц пространственной семантики в речи. Показательны побудительные реплики типа: *Поддай сюда! Пойди сюда (отсюда, вон, прочь)! Положи (сядь) на место! Садись за стол!* и под. В них регулярно используются локализаторы, определяющие предметно-пространственную ситуацию речевого акта. Насколько часто обнаруживает себя такая избыточность единиц пространственной семантики можно видеть при сравнении параллельных оригинальных и переводных текстов. Для сравнения ниже приведены фрагменты из повести болгарского прозаика К. Калчева *При извора на живота* и его перевода на русский язык, выполненного Н. Гленом. В переводном тексте выделены избыточные по сравнению с болгарским оригиналом пространственные маркеры *с места, к нам, в воздухе*:

Като лежах и се унасях в мечти по брат си, изведнъж чувам – някой хлопа на вратата. Скочих като ужилен и погледнах. На пътната врата стояше кметът и чукаше с бастуна си... Аз стоя вцепенен по средата на мораватаи не смея да помръдна. Защо иде?.. Той извади от джоба си една хартийка, отвори я и я размахна: «Телеграма...» (К. Калчев, *При извора на живота*).

Так я лежал, размечтавшись о брате, и вдруг слышу – стучат в ворота. Я вскочил как ужасенный. Вижу – у ворот стоит староста и колотит своей палкой... Я застыл посреди лужайки и не смею двинуться с места. Зачем он к нам идет?.. Он вытаскивает из кармана бумажку, разворачивает ее и размахивает в воздухе: «Телеграмма...» (пер. Глена).

III. Концептуализация пространственности как семантико-грамматической доминанты русского языка служит организующей схемой оформления мысли, своеобразной матрицей, формирующей и отражающей взгляд на мир. Эта пространственная матрица проявляется не только в речевой практике носителей русского языка, но и в индивидуально-авторских картинах мира. Так, по нашим наблюдениям, пространственная изобразительность является характерной особенностью художественного языка лирики И. Бунина. Наиболее распространенные языковые маркеры пространства в лирике И. Бунина связаны с образами полей, далей, сте-

пей, простора. Самые частотные среди них – *в полях, с полей, над полями, по полям, за полями, в поля, на поля*. Другие частотные пространственные лексемы: *стеня, межа, долина, равнина, пустыня*; пространственные наречия: *кругом, вокруг, здесь, всюду, где, куда, сюда, вверх, вниз*; указания на стороны света – *на севере, к югу, на юг, на восток, с востока, на западе*. В зрелом творчестве поэт активно использует в качестве средства художественной выразительности пространственные предложно-падежные формы, которые и являются в русском языке основным средством выражения пространственных отношений. По нашим наблюдениям они используются в 90,4% случаев выражения пространственных отношений в русском тексте (Карпенко, 1984). В коротком стихотворении *Ту звезду, что качалась в темной воде...* пространственная ориентация выражена именно предложно-падежными формами с семикратно повторяющимся предлогом *В* с предложным падежом (*в воде, в саду, в пруде, в небесах, в юности*) и с винительным (*в селенье, в дом*): *Ту звезду, что качалась в темной воде / Под кривою ракитой в заглохшем саду, – / Огонек, до рассвета мерцавший в пруде, / Я теперь в небесах никогда не найду. / В то селенье, где шли молодые года, / В старый дом, где я первые песни слагал, / Где я счастья и радости в юности ждал, / Я теперь не вернусь никогда, никогда.*

IV. В русском языке имеет широкое распространение пространственная метафора. Пространственная модель как универсальная используется, по нашим наблюдениям, во всех метафорических типах (Телия, 1996, 142–146), лежащих в основе идиом русского языка: идентифицирующем (*бок о бок, под боком, под рукой, под носом, не за горами* и др.); концептуальном (*приходить на ум, приходить в голову, крутится в голове, заглянуть в душу* и под.); образном (*уйти в окопы, выйти из окопов, идти в атаку, отсиживаться в закутках* и т. д.) типов. Среди получивших распространение в постперестроечное время в русской публицистике фразеологизмов, отмеченных В.Н. Телия (1996), многие основаны именно на пространственной метафоре: *уйти в окопы, выйти из окопов, уйти в кусты, за бугром*. На пространственной метафоре основано и большинство из рассмотренных выше фразеологизованных выражений, характерных для русской речи. Сопоставительный анализ русского и болгарского материала показывает активность в русском языке фразеологизмов пространственных моделей, в болгарском материале в случаях расхождений находит выражение характер протекания действия. Ср. примеры, взятые из *Русско-болгарского фразеологического словаря* под редакцией С. Влахова (1980): *быть за бортом – изхвърлен съм; взлететь на воздух – да бъда взривен; взять с места – тръгна, петегля рязко, изведнъж; сдвинуть с места – размърдам някого; сдвинуться с места – размърдам се; как в воду опущенный – както попарен* и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своих системах языки отражают когнитивную оценку реальности, но в них могут доминировать разные аспекты оценки. Русский язык в совокупности своих выразительных средств фиксирует внимание на пространственной картине мира с максимальной экспликацией и детализацией реальных предметно-пространственных отношений, содержащихся в ситуации. Данная особенность должна учитываться в теории и практике преподавания русского языка как иностранного. Выявленные на русском и болгарском материале различия в языковой интерпретации пространства могут объясняться как внеязыковыми, так и собственно языковыми факторами – особенностями системных свойств языков, их лексико-грамматическими ресурсами и типологическими характеристиками.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апресян, Ю.Д. (1995). *Интегральное описание языка и системная лексикография*. В: Ю.Д. Апресян. *Избранные труды*. Том 2. Москва: Языки русской культуры.
- Арутюнова, Н.Д. (1976). *Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*. Москва: Наука.
- аспекты. Москва: «Школа русской культуры».
- Български национален корпус, <http://www.search.dcl.bas.bg>, доступ: 11.02.2022.
- Влахов, С. (1980). *Русско-болгарский фразеологический словарь*. Москва: Русский язык; София: Наука и изкуство.
- Карпенко, Л.Б. (1984). *Способы выражения локальности в русском и болгарском языках*, Съпоставително езикознание, 1, 20–28.
- Карпенко, Л.Б. (1988). *Соотношение предлогов горизонтальной ориентации в русском и болгарском языках*, Съпоставително езикознание, 6, 13–17.
- Национальный корпус русского языка, <http://www.ruskorpora.ru>, доступ: 28.12.2022.
- Теля, В.Н. (1996). *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: «Школа русской культуры».
- Уорф, Б (1960). *Наука и языкознание*, Новое в лингвистике, 1, 169–182.
- Эверетт, Д.Л. (2016). *Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей*. Сост. А.Д. Кошелев. Москва: Издательский Дом ЯСК.
- Humboldt, W. (2019). *Linguistic Variability and Intellectual Development*. University of Pennsylvania Press.
- Sapir, E. (1921). *An Introduction to the Study of Speech*. New York: Harcourt, Brace.

- Arutyunova, N.D. (1976). *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy*. Moscow: Nauka.
- B''lgarski natsionalen korpus, <http://www.search.dcl.bas.bg>, accessed: 11.02.2022.
- Everett, D.L. (2016). *Ne spi – krugom zmei! Byt i yazyk indeitsev amazonskikh dzhunglei*. Sost. A.D. Koshelev. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK.
- Humboldt, W. (2019). *Linguistic Variability and Intellectual Development*. University of Pennsylvania Press.
- Karpenko, L.B. (1984). *Sposoby vyrazheniya lokal'nosti v russkom i bolgarskom yazykakh*, S''postavitelno ezikoznanie, 1, 20–28.
- Karpenko, L.B. (1988). *Sootnoshenie predlogov gorizontal'noi orientatsii v russkom i bolgarskom yazykakh*, S''postavitelno ezikoznanie, 6, 13–17.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka, <http://www.ruskorpora.ru>, accessed: 28.12.2022.
- Sapir, E. (1921). *An Introduction to the Study of Speech*. New York: Harcourt, Brace.
- Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticeskii i lingvokul'turologicheskii aspekty*. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury».
- Uorf, B. (1960). *Nauka i yazykoznanie*, Novoe v lingvistike, 1, 169–182, <https://doi.org/10.3406/bude.1960.3893>.
- Vlakhov, S. (1980). *Russko-bolgarskii frazeologicheskii slovar'*. Moscow: Russkii yazyk; Sofiya: Nauka i izkustvo.

Сергей Кураш (Sergei Kurash)

 <https://orcid.org/0000-0003-2317-7872>
text2005@mail.ru

**Метафорика и интертекстуальность:
еще раз об изоморфизме и функционировании
(на материале русской и белорусской поэзии)**

**Metaphorics and Intertextuality:
Once Again about Isomorphism and Functioning
(Based on Russian and Belarusian Poetry)**

Резюме

Цель исследования – охарактеризовать изоморфизм метафорики и интертекстуальности, выявить конкретно-языковые формы воплощения интертекстуальных метафор, представленные в языке русской и белорусской поэзии преимущественно XX века. С опорой на труды отечественных и зарубежных ученых освещается проблема межтекстового и межкультурного поэтического взаимодействия. Изоморфизм метафорики и интертекстуальности ведет к теснейшему союзу этих двух феноменов; диалогизирующие в поэтической речи метафоры претерпевают те или иные структурно-смысловые изменения как в пределах языка одной национальной литературы, так и во взаимодействии разных национальных литературно-поэтических традиций.

Методы исследования – структурно-функциональный, компонентный, контекстный и оппозитивный анализ.

Результаты исследования. Раскрывается действие тропеического механизма за пределами текста-источника. Выявлены и систематизированы разнообразные приемы языковой реализации интертекстового диалога в русской и белорусской поэзии на уровне тропа (продолжение, разветвление метафорического образа, его отрицание и др.).

Выводы, перспективы исследования. Сделан вывод о единстве литературно-культурного континуума, в пределах которого диалогизируют как традиционные, так и уникальные, индивидуально-авторские метафорические тропы русских и белорусских поэтов. Активное взаимодействие метафорики и интертекстуальности во многом объясняется их изоморфизмом. Предложенный подход может служить рабочей моделью для исследования иных элементов образной структуры поэтического текста как фигурантов интертекстового диалога.

Ключевые слова: интертекст, интертекстуальность, метафора, поэтический текст.

Summary

The purpose of the study is to characterize the isomorphism of metaphors and intertextuality and to identify concrete linguistic forms of intertextual metaphors, represented in the language of Russian and Belarusian poetry, mainly of the 20th century. Based on the works of domestic and foreign scientists, the problem of intertextual and intercultural poetic interaction is investigated. The isomorphism of metaphors and intertextuality leads to the closest union of these two phenomena; metaphors dialogizing in poetic speech undergo certain structural and semantic changes both within the language of one national literature and in the interaction of different national literary and poetic traditions.

The research methods are structural-functional, component, contextual and oppositional analysis.

The results of the study. The effect of the tropic mechanism beyond the source text is revealed. Various methods of linguistic realization of intertext dialogue in Russian and Belarusian poetry at the level of the trope (continuation, branching of the metaphorical image, its denial, etc.) are identified and systematized.

Conclusions, research prospects. The conclusion highlights the unity of the literary and cultural continuum, within which both traditional and unique, individually authored metaphorical tropes of Russian and Belarusian poets are dialogized. The active interaction of metaphors and intertextuality is largely explained by their isomorphism. The proposed approach can serve as a working model for the study of other elements of the figurative structure of a poetic text as figurants of an intertext dialogue.

Keywords: intertext, intertextuality, metaphor, poetic text.

ВВЕДЕНИЕ

Теория интертекстуальности возникла на основе теории диалога текстов М.М. Бахтина, причем диалога, который следует понимать весьма широко, «не просто как речевое взаимодействие субъектов или как взаимодействие присущих им различных смысловых позиций, различных пониманий того, о чем идет речь, но как взаимодействие целостных языковых личностей» (Маслова, 2018, 51).

Понятие *интертекстуальность* было введено Ю. Кристевой в 1967 году. К настоящему времени лингвистами предложены различные дефиниции и подходы к изучению данного феномена (И.В. Арнольд, Р. Барт, А.Н. Безруков, Н.Н. Белозерова, Я. Вежбиньски, Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, Р. Лахманн, Т.Е. Литвиненко, Л.Н. Лунькова, В.А. Маслова, В.П. Москвин, Н.С. Олизько, И.П. Смирнов, Е.В. Стырина, И.В. Толочин, Н.А. Фатеева, В.Е. Чернявская, О.Н. Хаками, М. Ямпольский и др.). При этом исследователи идут преимущественно либо «изнутри» текста, как, например, И.В. Арнольд, Т.Е. Литвиненко, В.П. Руднев и др. (*интертекстуальность* – это включение одних текстов или их фрагментов в другие), либо «извне», вслед за М.М. Бахтиным:

Мы рассматриваем диалог в широком бахтинском понимании как диалогику текста, которую можно представить схематически: исходная точка – данный текст, движение назад – прошлые тексты, движение вперед – предвосхищение нового текста. Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом... Этот контекст есть диалогический (Зотов, 2000, 8–9).

В приводимом ниже высказывании Я. Вежбиньского эти подходы по сути интегрируются, поскольку, по мнению ученого,

[...] корректное прочтение и целостное восприятие художественного текста фокусируется на множестве связей – внутритекстовых, нетекстовых и межтекстовых. Углубленное понимание художественного дискурса нуждается поэтому в установлении многомерных параллелей, соотношений и ассоциаций (Вежбиньски, 2008, 186).

Н.В. Кузьмина выдвинула идею энергии интертекста, обозначив синергетический потенциал интертекстуальности, свойственный и феномену текста, и языку в целом (Кузьмина, 1999). В развитие этой идеи Е.Ю. Муратова включает интертекстуальность в число маркеров аллотропичности текста, под которой понимается множественность кодирования смыслов в тексте за счет совокупного действия «внутритекстовых нелинейных отношений и процессов, которые актуализируются репрезентируемыми языковыми средствами» (Муратова, 2014, 4).

Чрезвычайно важным и по сути отправным для дальнейших рассуждений нам представляются нижеследующие положения:

Интертекстуальность живет именно там, где есть переход, кризис, так как для существования ей необходимо именно изменение, внутренняя семантико-семиотическая трансформация (Безруков, 2005, 35).

Именно полифоническое мышление выливается в интертекстуальные связи (Маслова, 2014, 20). Полифония, момент внутреннего кризиса, напряженности, трансформации роднит интертекстуальность с метафоричностью. Стремление ассоциировать, уподоблять, создавать сходство характеризует и интертекст, и метафору.

Об изоморфизме метафоры и интертекста лингвисты высказывались неоднократно:

Теория интертекстуальности позволяет видеть *метафору* там, где происходит сближение явленного в тексте фрагмента и фрагмента другого текста, не представленного читателю физически [...]. Смыслопорождение разворачивается между синтагматически данным и тем цельным текстовым фрагментом, что присутствует у читателя в памяти. Так два текста становятся семантически смежными (Фатеева, 2007, 37–38).

Если в свете теории референции метафору можно квалифицировать как слово или развернутое высказывание, получающее двойную референтную соотнесенность с фрагментом внеязыковой действительности, то «интер-

текстуальность можно определить как двойную референтную отнесенность текста (полиреферентность) к действительности и к другому тексту (текстам)» (Бабенко, Казарин, 2005, 34).

И.П. Смирнов отмечает: «Известно сразу несколько ... классификаций, по-разному подразделяющих способы отсылок от текста к тексту... И все же большинство из них явно или имплицитно уподобляют виды этих отсылок тем или иным тропам и фигурам» (Смирнов, 1995, 14).

Сходные положения находим в монографии И.В. Толочина:

[...] если метафора – это способ соотнесения посредством категоризации различных понятий на основании базовых метафорических концептов, обеспечивающих категориальные отношения между логически несоотносимыми понятиями, то интертекст – это способ включения элементов энциклопедических знаний в смысловую структуру текста благодаря их оформленности в тексты-концепты, организующие наш культурный опыт (Толочин, 1996, 64).

Изоморфизм метафорики и интертекстуальности ведет к теснейшему союзу этих двух феноменов в современной поэтической речи. Полагаем нужным уточнить, что в данном исследовании мы придерживаемся самого широкого, идущего еще от Аристотеля понимания метафоры: под метафору мы подводим любую компаративную ассоциацию и понимаем этот термин как «зонтиковый» по отношению к ряду других тропов, основанных на сходственных ассоциациях, поскольку различие между ними не концептуальное, а скорее формально-языковое (А.А. Потебня, Е.В. Белецкая, Ю.В. Тимошенко и др.).

ЦЕЛЬ

Цель исследования – охарактеризовать факторы сближения метафорики и интертекстуальности как стержневых характеристик современного поэтического дискурса, выявить конкретно-языковые формы воплощения интертекстуальных метафор, представленные в языке русской и белорусской поэзии преимущественно XX века.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили поэтические тексты более 100 русских и белорусских авторов. Для достижения поставленной цели использованы методы структурно-функционального, компонентного, контекстно-

го и оппозитивного анализа. В качестве методологически значимых нами рассматриваются работы названных выше и цитируемых далее зарубежных и отечественных исследователей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Выход метафоры в интертекстуальное пространство порождает чрезвычайно интересное явление метафорического «диалога». При этом имеется в виду, что в каждом своем последующем «перевоплощении» троп претерпевает те или иные структурно-смысловые изменения, т.е. тем самым деривационный тропообразовательный механизм продолжает работать за пределами текста-источника в направлении: текст – идиостиль – контекст литературного направления (школы, стиля) – контекст эпохи – национальный стиль – мировая литература – мировая художественная культура.

Сближается с интертекстуальностью и одновременно противостоит ей явление «литературной эквивинальности» (И.П. Смирнов). Так, сопоставив образные структуры стихотворений Б. Пастернака *Венеция* и К. Павловой *Паров исчезло покрывало...*, И.П. Смирнов отмечает наличие в текстах сходных элементов и всего содержания в целом, но при этом указывает, что конкретных свидетельств того, что один текст родился в результате рекреативной работы над другим нет, из чего делается вывод об ограниченности рамок интертекстуальных исследований,

которые, хотя и не гарантируют безошибочности при определении источников, но, тем не менее, избавляют нас от понимания литературного произведения как структуры, разомкнутой для *вчитывания* в нее все новых и новых – убегающих в бесконечность – претекстов (Смирнов, 1995, 62).

Речь здесь идет и о так называемых метафорических формулах наподобие *жизнь – дорога (плавание, цветение), смерть – увядание* и т.п., и о метафорических архетипах (Франк-Каменецкий, 1935, 96). Однако нельзя отрицать и того, что на подобных образах, как на своеобразных дискурсивных скрепах, держатся и индивидуальные, и национальные поэтические стили.

Достаточно вспомнить в связи с этим такие традиционные для мировой поэзии объекты художественной рефлексии, как *луна, роза, водопад, колокол, лебедь* и другие. Каждый новый метафорический образ любого из них, участвуя в художественной истории объекта, не только обозначает всю ее ретроспективу, вступая со своими предшественниками в диалогические состязания, которые отнюдь не дисциплинируются привычной схемой традиции-новаторства, но что важнее всего, обогащает представление о виртуальном потенциале объекта (Иванюк, 1998, 22).

Поэтому можно принять и высказанное Т.Е. Литвиненко положение о том, что об интертексте можно говорить и в том случае, когда имеются «достоверно верифицируемые источники, цитаты из которых актуализируются в виде ключевых слов интертекста», и в том случае, когда имеют место отсылки «к множеству вторичных прецедентных текстов той или иной степени эксплицитности и значимости» (Литвиненко, 2008, 8). К этой же мысли продвигают и отдельные положения, высказанные в работах Н.А. Кузьминой (Кузьмина, 1999, 34, 107–108), А.А. Леонтьева (Леонтьев, 2001, 100), Н.В. Павлович (Павлович, 2004, 33).

Диалогические (в широком бахтинском понимании «диалога») отношения могут устанавливаться между метафорами, принадлежащими одному идиостилю, в чем реализуется так называемая автоинтертекстуальность с участием метафор. Ср., например, начальный фрагмент стихотворения А. Вознесенского *Эрмитажный Микеланджело*:

„Скрюченный мальчик” резца Микеланджело, / сжатый, как скрепка писчебумажная, / что впредсоединил в тебя чувственный старец? / Тексты истлели. Скрепка осталась.

Tertium comparationis, лежащий в основе данной текстообразующей метафоры („Скрюченный мальчик” – металлическая скрепка), раскрывается в другом произведении поэта – *Мой Микеланджело*:

„Скрюченный мальчик” – единственный / подлинник Микеланджело в России, – маленький / демон смерти, неоконченная фигурка для / капеллы Медичи. / Мысленный каркас его действительно похож / в профиле на гнутую напряженную / металлическую скрепку, где силы Смерти и / Жизни томительно стремятся и разогнуться, / и сжаться.

Поэтический текст может становиться и полем диалога метафор, принадлежащих разным идиостилям, выходящего, таким образом, в контекст национальной литературно-культурной традиции. Ср.: *Куда, пути не различая, / ты понеслась по крови луж, / Русь – птица-тройка чрезвычайки, / кренясь от груза мертвых душ?* (Евтушенко). Данная развернутая метафора представляет собой апелляцию к известному символическо-метафорическому образу Руси – птицы-тройки из поэмы Н.В. Гоголя *Мертвые души*. Примечательно и то, что в отношении диалога здесь вступили метафоры, разделенные и пространством (принадлежностью идиостилям разных авторов), и временем (отдаленностью друг от друга целым столетием).

В неменьшей степени подобная диалогика ключевых идиостилевых метафор характерна для белорусского поэтического дискурса. Ср.:

Беларусь ты мая, Беларусь, / Няўгасная зорка Вэнэра, / Я агнем тваім вечным гару, / У твае уваскросаньне веру (Ковыль); *Далека Радзіма, як зорка Венера, / Якая заўсёды ўначы прад вачыма* (Шніп); *На жніве, / Ля ракі, / У трамвай – / Паглядзі – / Прыгажунь не злічыць. / То – нібы сон-трава баравая, / То – як зорка Венера ўначы...* (Буравкин и др.).

Как видно из приведенных примеров, тропообразующим здесь стал образ богдановичской *зоркі Венеры*.

Реже отмечаются факты совмещения в одном тексте двух названных выше видов интертекстуального функционирования метафоры, когда последняя обнаруживает «диалогическую» (деривационную) связь как с прецедентными образами данного автора, так и с образами идиостилей других авторов. Например, в тексте *Грифельной оды* О. Мандельштама, построенном на развертывании державинской метафоры *река времен* (у Г. Державина она выступает как текстообразующая в известном восьмистишии *На тленность*), имеет место и развитие его собственных метафорических мотивов, в частности, из стихотворений *Я не знаю, с каких пор...* и *Чуть мерцает призрачная сцена...* (Семенко, 1985, 119).

Продолжая жизнь в интертекстовом пространстве, метафорический образ может подвергаться различным структурно-смысловым преобразованиям. К наиболее характерным можно отнести следующие.

1. Дополнение исходной метафоры следующим шагом развертывания, т.е. трансформация структурного типа $A = B$ в структурный тип $A = B_1, B_2, \dots, B_n$. Так, в стихотворении В. Брюсова *Кинжал*, строящемся на реминисценции лермонтовского образа *кинжал – поэтический дар* (у Лермонтова он остается в ножнах, «покрытый ржавчиной презренья») (*Поэт*). Данный прецедентный образ получает следующую ступень развертывания: кинжал поэзии уже «из ножен вырван»; ср. заключительное четверостишие текста: *Кинжал поэзии! Кровавый молний свет, / Как прежде, пробежал по этой верной стали, / И снова я с людьми, – затем, что я поэт. / Затем, что молнии сверкали*.

Подобный способ развертывания метафоры в интертекстовом пространстве нередко функционирует в виде «спора метафор» (Харченко, 1989, 138). Общей предпосылкой к этому стала утрата единого мировоззренческого и эстетического центра в социокультурном пространстве.

В качестве примера оппозиции метафорических контекстов с контрастирующим значением приведем диалог фрагмента текста поэмы В. Маяковского *Владимир Ильич Ленин «Единица – вздор, / единица – ноль...»* со строками Е. Евтушенко из стихотворения *Забастовка сердца*, где Евтушенко вступает в полемику с Маяковским: *Народа стержень – это единицы. / Из личностей народ – / не из нулей*. За этой оппозицией кроется разница в идейно-эстетических взглядах двух поэтов, разделенных временем.

Спор метафор может организовываться по принципу трансформации формулы $A = B$ в формулу $A \neq B, A = C$. Ср. фрагмент стихотворения известного белорусского поэта М. Метлицкого, приведенный ниже, предваряемый строкой классика белорусской поэзии Максима Танка *Дорога, закаляхшая жытам...* У М. Метлицкого читаем:

*Не жытам – пасівельым палыном / Дарога закалыханая. / Сном пакутна-даўка цэдзяцца
мінуты. / І я, астатні стомлены хадок, / Дарогай уздымуся на грудок, / Прастор аглед-
жу, ветрамі прадзьмуты.*

Аналогичным образом Демьян Бедный в стихотворении *Просты мои песни* отрицает метафорический концепт поэзии, характерный, в частности, для романтической, аполитичной лирики. Ср.: *Не свирелью был стих мой – трубой, / Призывавшей всех вас на решительный бой / С мироедской разбойной оравой.*

Похожий ход в развертывании метафорического образа с включением прецедентного текста находим у Л. Мартынова в стихотворении *Месяц-Отрок...*. Есенинская метафорика у Мартынова дополняется такими образными атрибутами поэзии 60-70-х годов как *космос, скафандр, азот, кислород*. Ср.:

*Нет, / Не мед / Из космических сот, / И не ром, не бром, и не гроз, / Но азот с кислоро-
дом / Желает вдохнуть, проглотить месяц-отрок! (...) Месяц-отрок из старых есенин-
ских строк. / Месяц в скафандре из собственного сиянья, / Так мечтательно ставящий
свой собственный рог / На порог / Своего серебристого шарообразного лунного здания.*

Посредством контрастирующих метафор выражается реакция поэтов на автометафоры их собратьев по перу. Ср. известный отклик Б. Ахмадулиной на автометафору А. Вознесенского: *Оторопел, он свой автопортрет / сравнил с аэропортом – / это глупость. / Гораздо больше в нем азарт и гулкость / напоминают мне автопробег. (Мои товарищи).*

2. Посттекстуальное развертывание метафоры, ее превращение из бинарной (двучленной) в веерную (интегрирующую), т.е. из $A=B$ в $(A_1, A_2) = B$.

*Танки идут по Праге / в закатной крови рассвета. / Танки идут по правде, / которая
не газета. / Страх – это хамства основа. / Охотничьи хари, / вы – это помесь
Ноздрева / и человека в футляре. / Совесть и честь вы поправи. / Чудищем едет брюха-
стым / в танках-футлярах по Праге / страх, бронированный хамством (Е. Евтушенко).*

Здесь поэт использовал для создания нового метафорического образа *танки-футляры* знаменитую чеховскую метафору-символ *человек в футляре*, в результате чего метафорический образ *футляра* (В) стал интегративным по отношению к *человеку* (A_1) и *танку* (A_2).

3. Наконец, прецедентная и вновь созданная на ее основе метафора может расходиться на уровне *tertium comparationis* А и В-элементов. Ср. у А.С. Пушкина *Как весело стихи свои вести / Под цифрами, в порядке, строй за строем, / Не позволять им в сторону брести, / Как войску, в пух рассыпанному боем! (Домик в Коломне)*. Приведенный контекст позволяет выделить такие интегральные семы для понятий *стихи* и *войска*, как 'четкость', 'гармония', 'упорядоченность'. Та же ассоциация (*стихи – войска*) является одной из доминантных в поэзии В. Маяковского, однако последний, в отли-

чие от Пушкина, актуализирует другие интегральные семы, сближающие в его представлении поэзию и оружие – ‘сила’, ‘действенность’, ‘острота’ и т.п. Справедливости ради оговоримся, что в данном случае мы, по-видимому, можем иметь дело не с собственно интертекстуальными отношениями двух метафор (хотя и это тоже категорически отрицать нельзя); скорее всего, приведенный пример – это образец функционирования образной парадигмы (*творчество – оружие*) в терминологии Н.В. Павлович (Павлович, 1995). Тем не менее, законы разворачивания метафоры, как было показано ранее, являются универсальными.

В диалогические отношения могут вступать и тексты разных национальных литератур.

Коммуникативные продукты, принадлежащие к разным лингвокультурам обладают своими интертекстуальными особенностями, которые детерминированы спецификой культуuroобразующих претекстов, своеобразием соотношения и структуры концептов, возобновляемых в процессе межтекстового взаимодействия (Литвиненко, 2008, 8).

В диалогизировании метафорики русских и белорусских поэтов абсолютно преобладающим является вхождение русского интертекста в тексты белорусских авторов.

Лучшие мастера белорусской литературы, и в первую очередь Я. Купала и Я. Колас, давали образцы мастерского использования средств русского языка в своих художественных произведениях. Из русского литературного языка они старались брать только самое необходимое, обусловленное идейно-эстетическими целями, задачами произведения (Гируцкий, 2012).

Совершенно ожидаемо в текстовом пространстве обеих национальных поэтических традиций в качестве своеобразных культурных скрепов отмечаются одни и те же устойчивые образные архетипы, формулы, парадигмы. Ср.:

Вот и вечер жизни. Поздний вечер. / Холодно и нет огня в доме (Кедрин). ~ Вечар жыцця ўжо ступіў на парог, моўчкі да нас прабіраецца ў сёні. (Гениуш). На дрэве чалавечества высокам / Ты лучшим был его листом, / Воспитанный его чистейшим соком, / Развита чистейшим солнечным лучом! (Тютчев). ~ Я – інтэрнацыяналіст / І ў шумнай кронае чалавецтва / З тутэйшае галінкі ліст (Бородулин).

Если метафорические переключки подобного рода в целом прогнозируемы в силу их регулярности, системности, обусловленной в первую очередь архетипической природой последних, то о ряде метафорически структурированных словесных образов, обнаруживаемых как у русских, так и у белорусских поэтов, подобного утверждать нельзя. Речь идет о несерийных, индивидуально-авторских образах:

Осень выдалась / шикарная. / Захмелевший от ходьбы, / в незнакомый лес шагаю я / по стихии, / как по грибы (Рождественский). ~ Радкі кладуцца, як грыбы у кошык (Балутенко). Летописец дерева в стволе / пишет, как на письменном столе; / он сучки обводит, как виньетки, / он по кругу вьет свои заметки (Кирсанов). ~ На дзялянцы ў лясным гушчары / Пераклічку вядуць тапары. / Да зямлі снег прыбіт ля камлеў – / Жоўты дождж пілавіння прайшоў / Над пілой дрэва ўпарта маўчыць, / Ды для хлопцаў няма таямніц: / Летапіс падрабязна яны / Прачыталі, як кнігу, на пні (Пысин). ~ Журчит рассказ / и как любой ручей – / уже неважно: / ни о чем, ни чей. / События проточная вода / и счастье, / а вослед за ним беда. / И как лесная жухлая листва, / не торопясь, / сплывают вниз слова... (Слущкий). ~ Ручай паэзіі маеі, / адчуўшы волю, / бяжыць па кветкавых лугах, / па чыстым полі, / вітае светлыя гаі, / жартуе з бораі, / а вось пачатак ен бярэ... / з крыніцы болю (Логвинович).

Большинство подобных метафорических переключек реализуется в виде продолжения и развития тропеического образа.

В собранном материале зафиксирован целый ряд случаев, когда в качестве эпиграфа белорусскими поэтами используются фрагменты текстов русских поэтов – как классиков, так и современников. При этом структурно-смысловые отношения *эпиграф – текст* могут быть различными. Это развертывание заложенного в эпиграфе тропеического образа, когда последний становится своеобразной «смысловой пружиной», распрямляющейся в последующем тексте. Так, белорусский поэт А. Зарицкий в качестве эпиграфа к стихотворению *Крылы* использует переведенную на белорусский язык строку из стихотворения С. Есенина *Поэтам Грузии: Яскрава сведчыць вешчы знак: / Паэт паэту есць кунак* (в оригинале: *Свидетельствует / Вещий знак: / Поэт поэту / Есть кунак*). В тексте А. Зарицкого есенинская метафора (*поэт – кунак*) по сути демегафоризируется и становится основой для развертывания лирического сюжета о дружбе белорусского поэта Аркадия Кулешова с кавказскими поэтами Расулом Гамзатовым и Кайсыном Кулиевым.

Наконец, встречаются и такие примеры, которые демонстрируют концептуальное преобразование исходного метафорического образа, наполнение его дополнительными смысловыми приращениями. Так, в стихотворении белорусского поэта А. Письменкова *Пра зоркі*, предваряемом эпиграфом из знаменитого стихотворения М.Ю. Лермонтова *И звезда с звездою говорит (Выхожу один я на дорогу...)*, метафорический образ говорящих звезд дополняется такими смыслами, как *звезды – текст, источник информации (Продкі газет не чыталі – / Продкі чыталі па зорках. / Наіўна свой шлях вызначалі / Па іхняй гаворцы.)*, *звездочка – любимая (Не страіна было, / не страіна / Зоркаю, зорчай яснай / Называць сваю любую)*, *звезда – звездная война (За акіянам усе ахвотней / разважаюць пра «зорныя войны»)*.

Контрастивная оппозиция в поле белорусско-русского поэтического диалога на уровне метафорики представлена немногочисленными примерами,

ср.: *Я не слаўны Ленскі, / Ты ж і не Тацяна... / Родам я з-пад Менску... / Часта, часта п'яны* (Ковыль). Иначе говоря, в координатах *свое – чужое* интертекстовые метафоры белорусских и русских авторов в весьма редких случаях репрезентируют разнополярные позиции, хотя в целом примеры такого противопоставления встречаются, ср.: *У кожнага свае куміры, / Камусьці Бродскі па душы, / А я прыхільнік іншай ліры, / Мне лепш Грахоўскага вершы...* (Балутенко).

Помимо диалога метафор белорусских и русских поэтов в режиме *эпиграф – текст*, отмечаются и иные формы их интертекстуального взаимодействия:

1. Скрытое цитирование претекста, аллюзия. Ср.: *Я ўсім багат! Я – гаспадар / Палеў, лясоў, лугоў і рэчак. / Я уладар высокіх мар / І добрай долі чалавечай* (Панченко). В этих строках угадывается знаковый для советской эпохи текст, принадлежащий В. Лебедеву-Кумачу: *Широка страна моя родная, / Много в ней лесов полей и рек. / Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек...*

2. Фигурирование в посттексте отдельных образов и персонажей претекста, включенных в систему средств тропеической образности: *Ад Сяргея Ясеніна / Я хварэю бярозамі (Падбярэзавік); Спачывайце пасярэдзіне / зямлі, / Так падобныя / у подзвігу / на Данка* (Арабейко).

3. Показательны такие примеры, в которых имена собственные (обычно фамилии) писателей одной лингвокультуры используются в качестве ономастических метафор в другой лингвокультуре: *І пад новай жалезнай страхой, / Дзе спляліся світалыныя цені, / Нарадзіўся Шэкспір і Талстой, / Заспяваў беларускі Ясенін...* (Кляшторный).

4. Тропеически структурированная апелляция к инокультурному творчеству собратьев по перу: *Такі разрыў са светам есць, / Такая немінучасць праўды, / Што кожны дзень, як верш Бергольц, / Напісаны у жах блакдады* (Ковтун); *Вунь над Расіяй, / над прасторам яе вялікім / самая яркая зорка плыве. / То Пушкіна сэрца! / Славянскіх бяроз галінкі / цягнуцца ў рускае неба. / І зорка плыве. / Гарыць над Іспаніяй / сэрца Лоркі — / над горам радзімы, над сваёю ж крывен* (Купреев).

Интертекстуальное поле метафорического диалога может быть более или менее обширным, протяженным. В нем можно обнаружить следующие типы взаимодействий: текст ← фрагмент текста (П. Макаль, *Слова пра словы* ← В. Маяковский, *Во весь голос*); текст ← текст (В. Коризно, *Ты мне заспывай* ← Я. Смеляков, *Если я заболею...*); текст ← совокупность текстов. Например, стихотворение В. Стрижака *Падбярэзавік* имеет опору на ряд ключевых мотивов поэтического творчества С. Есенина, отраженных в его разных произведениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, интертекст и метафора изоморфны в силу роднящих их полифонии, многоплановости, внутренней напряженности как результат поиска и нахождения ассоциаций. В том числе и в силу этого столь тесен их союз в поэтической речи. Интертекст является максимальным контекстным континуумом метафоры, однако таким, который сам по себе имеет весьма условные границы, способные с течением времени расширяться до интеркультурного пространства.

Поле диалога русской и белорусской поэзии на уровне метафорики достаточно обширно в отношении пространственно-временных координат (переклички с текстами классиков и современников, близких и/или отдаленных в идейно-тематическом, эстетическом, творческом планах) и разнообразно с точки зрения способов подобного диалогизирования. Это позволяет говорить о единстве культурного континуума, в пределах которого функционируют как традиционные, так и индивидуальные, сугубо авторские метафорические построения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арнольд, И.В. (1999). *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Бабенко, Л.Г., Казарин, Ю.В. (2005). *Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика*. Москва: Флинта.
- Безруков, А.Н. (2005). *Поэтика интертекстуальности*. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия.
- Вежбиньски, Я. (2008). *Семантико-культурологический аспект интертекстуальности в художественном тексте*, Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica, 4, 179–187.
- Гируцкий, А.А. и др. (2012). *Двухязычие: теория и практика*, <http://elib.bspu.by/handle/doc/5202>, доступ: 16.01.2020.
- Зотов, Ю.П. (2000). *Диалогика текста как бесконечномерное смысловое пространство*. Саранск: Изд-во МГПИ им. М.Е. Евсевьева.
- Иванюк, Б.П. (1998). *Метафора и произведение. Структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования*. Черновцы: Рута.
- Кузьмина, Н.А. (1999). *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. Омск: Омск. гос. ун-т.
- Леонтьев, А.А. (2001). *Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности. В: Текст. Структура и семантика*, Т. 1 (92–100). Москва: МГУ.
- Литвиненк, Т.Е. (2008). *Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста*. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. лингв. ун-та.
- Маслова, В. (2000). *Марина Цветаева. Над временем и тяготением*. Минск: Экономпресс.
- Маслова, В.А. (2014). *Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста*. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова.

- Маслова, В.А. (2018). *Принцип диалогизма М.М. Бахтина и его преломление в филологии. В: Психологический Vademecum: Витебщина М.М. Бахтина* (49–53). Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова.
- Муратова, Е.Ю. (2006). *Интертекстуальность как одна из текстопорождающих категорий*, *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*, 4 (3), 98–103.
- Павлович, Н.В. (1995). *Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке*. Москва: ИРЯ РАН.
- Руднев, В.П. (1997). *Словарь культуры XX века*. Москва: Аграф.
- Семенко, И.М. (1985). *Развитие метафор в «Грифельной оде» Мандельштама (от черновых вариантов к окончательному тексту)*, *Ученые записки Тартуского университета*, 680: А. Блок и его окружение. Блоковский сборник, VI, 117–136.
- Смирнов, И.П. (1995). *Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака*. Санкт-Петербург: Языковой центр СПбГУ.
- Толочин, И.В. (1996). *Метафора и интертекст в английской поэзии*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Фатеева, Н.А. (2000). *Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов*. Москва: Агар.
- Франк-Каменецкий, И.Г. (1935). *О развитии поэтической метафоры*, *Советское языкознание*, 1, 93–145.
- Харченко, В.К. (1989). *Переносные значения слова*. Воронеж: ВГУ.

- Arnol'd, I.V. (1999). *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'*. St. Petersburg: SPbGU.
- Babenko, L.G., Kazarin, Yu.V. (2005). *Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika*. Moscow: Flinta.
- Bezrukov, A.N. (2005). *Poetika intertekstual'nosti*. Birk: Birk. gos. sots.-ped. akademiya.
- Fateeva, N.A. (2000). *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov*. Moscow: Agar.
- Frank-Kamenetskii, I.G. (1935). *O razvitiu poeticheskoi metafory*, *Sovetskoe yazykoznanie*, 1, 93–145.
- Girutskii, A.A. i dr. (2012). *Dvuyazychie: teoriya i praktika*, <http://elib.bspu.by/handle/doc/5202>, accessed: 16.01.2020.
- Ivanyuk, B.P. (1998). *Metafora i proizvedenie. Strukturno-tipologicheskii, istoriko-tipologicheskii i pragmaticheskii aspekty issledovaniya*. Chernovtsy: Ruta.
- Kharchenko, V.K. (1989). *Perenosnye znacheniya slova*. Voronezh: VGU.
- Kuz'mina, N.A. (1999). *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Omsk: Omsk. gos. un-t.
- Leont'ev, A.A. (2001). *Bessoznatel'noe i arkhetypy kak osnova intertekstual'nosti*. В: *Tekst. Struktura i semantika*, Т. 1 (92–100). Moscow: MGU.
- Litvinenko, T.E. (2008). *Intertekst v aspektakh lingvistiki i obshchei teorii teksta*. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gos. lingv. un-ta.
- Maslova, V. (2000). *Marina Tsvetaeva. Nad vremenem i tyagoteniem*. Minsk: Ekonompress.
- Maslova, V.A. (2014). *Kognitivnyi i kommunikativnyi aspekty khudozhestvennogo teksta*. Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova.
- Maslova, V.A. (2018). *Printsip dialogizma M.M. Bakhtina i ego prlomlenie v filologii. В: Psikhologicheskii Vademecum: Vitebshchina M.M. Bakhtina* (49–53). Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova.

- Muratova, E.Yu. (2006). *Intertekstual'nost' kak odna iz tekstoporozhdayushchikh kategorii*, Vesnik Belaruskaga dzyarzhaj'naga ŷniversiteta, 4 (3), 98–103.
- Pavlovich, N.V. (1995). *Yazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke*. Moscow: IRYa RAN.
- Rudnev, V.P. (1997). *Slovar' kul'tury XX veka*. Moscow: Agraf.
- Semenko, I.M. (1985). *Razvitie metafor v «Grifel'noi ode» Mandel'shtama (ot chernovykh variantov k okonchatel'nomu tekstu)*, Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta, 680: *A. Blok i ego okruzhenie. Blokovskii sbornik*, VI, 117–136.
- Smirnov, I.P. (1995). *Porozhdenie interteksta. Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka*. St. Petersburg: Yazykovoï tsentr SPbGU.
- Tolochin, I.V. (1996). *Metafora i intertekst v angliiskoi poezii*. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Vezhbin'ski, Ya. (2008). *Semantiko-kul'turologicheskii aspekt intertekstual'nosti v khudozhestvennom tekste*, Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica, 4, 179–187.
- Zotov, Yu.P. (2000). *Dialogika teksta kak beskonechnomernoe smyslovoe prostranstvo*. Saransk: Izd-vo MGPI im. M.E. Evsev'eva.

Елена Невзорова-Кмеч (Elena Nevzorova-Kmecz)

 <https://orcid.org/0000-0002-4032-1533>

*Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
ul. Pomorska 171/173
91-404 Łódź
elena.nevzorova@uni.lodz.pl*

**О некоторых фразеологизмах польского и русского
преступного жаргона с компонентом-анимализмом:
материалы к словарю**

**About Some Phraseological Units of the Polish and Russian
Criminal Jargon with an Animalism Component:
Dictionary Materials**

Резюме

В настоящей статье рассматривается одна из составляющих преступного жаргона – анималистическая фразеология. По утверждению М.А. Грачева, удельный вес таких единиц намного выше, чем в других системах. Для доказательства данного утверждения был собран материал из словарей польского и русского жаргона. Количество анималистических фразеологических единиц в преступном жаргоне по сравнению с литературным и разговорным языком невелико, что обуславливается спецификой рассматриваемого подязыка.

Цель исследования – подготовка материала для словаря польско-русского жаргона. Для этого была поставлена задача произвести выборку анималистических фразеологизмов польского и русского преступных жаргонов из польских и русских словарей арг (жаргона), провести сравнение, выявить общие черты и различия, сделать попытку их объяснения.

На основе произведенного анализа было выявлено, что в компонентный состав входят следующие анимализмы: домашние млекопитающие, домашние птицы, дикие млекопитающие дикие птицы. За рамками статьи остались рыбы, пресмыкающиеся, ракообразные, насекомые, моллюски, пауки, черви.

Анималистические фразеологизмы преступного жаргона входят в следующие семантические группы: 1) названия преступников по специфике совершаемых преступлений; 2) названия представителей правоохранительных органов и стражей порядка; 3) объекты

преступлений, наживы, жертвы преступлений; 4) виды преступлений и способ их совершения; 5) жизнь и быт на свободе и в местах заключения; 6) названия мест ссылки и заключения, мера наказания; 7) поведение человека, состояние; 8) сигналы, предупреждения.

Сравнительный анализ польских и русских единиц выявил сходства и различия.

Дальнейшие исследования в данной области могут служить дополнением к польско-русскому словарю жаргона, а также материалом для этимологических исследований в области субстандарта.

Ключевые слова: анималистическая фразеология, преступный жаргон, жаргонная двуязычная лексикография, польский и русский языки.

Summary

This article discusses one of the components of the criminal jargon – animalistic phraseology, i.e. phrases that include animalism. According to M.A. Grachev, the proportion of such units is much higher than in other systems. To prove this statement, we have collected material from the Polish-Russian dictionaries of jargon. The number of animalistic phraseological units in the criminal jargon is small compared to the literary and colloquial language, which is due to the specificity of the sublanguage under consideration.

The purpose of the description is to prepare material for the Polish-Russian dictionary of jargon. To do this, we made a selection of animalistic phraseological units of the Polish and Russian criminal jargon from Polish and Russian dictionaries of slang (jargon), made a comparison, identified common features and differences, and made an attempt to explain them. Based on the analysis, it was revealed that the component composition includes the following animalisms: domestic mammals, poultry, wild mammals, wild birds. The following remained outside the scope of the article: fish, amphibians, reptiles, crustaceans, insects, molluscs, worms.

Animalistic phraseological units of criminal jargon are included in the following semantic groups: 1) the names of criminals according to the specifics of the crimes committed; 2) the names of representatives of law enforcement agencies and law enforcement officers; 3) the objects of crimes, profit; victims of crimes; 4) types of crimes and the way they were committed; 5) life and life in freedom and in places of detention; 6) names of places of exile and imprisonment, punishment; 7) human behaviour, condition; 8) signals, warnings. A comparative analysis of Polish and Russian units revealed similarities and differences.

Further research in this area will serve as an addition to the Polish-Russian jargon dictionary and may also serve as material for etymological research in the field of substandard.

Keywords: animalistic phraseology, criminal jargon, slang bilingual lexicography, Polish and Russian.

Язык криминального мира, или криминальный подязык, уже более века привлекает внимание ученых как в историко-культурном, социальном, так и собственно лингвистическом плане. Одной из задач, стоящей перед лингвистами-жаргонологами, является сравнительно-сопоставительное описание польского и русского субстандарта и составление польско-русского и русско-польского словаря жаргона. В настоящей работе мы попытаемся

сделать шаг на пути к достижению поставленной цели и рассмотрим одну из главных составляющих жаргона¹ – анималистическую фразеологию языка представителей преступного мира.

Освещение проблематики, связанной с культурной оппозицией *человек – животное*, рассматриваемой на материале разных языков и с использованием различных подходов, нашло место во многих научных трудах. Вокруг лексико-фразеологических вопросов концентрируются работы Я. Анусевича, С. Скорупки, М. Пайсерт, Я. Скавиньского, В. Высочаньского, А. Новаковской, А. Домбровской, Е. Бартминьского, М. Рака, И. Шершунович, К. Моселек-Клосиньской, Е. Гурбиша, Я. Пацулы, К. М. Гюлюмянц, В.В. Морковкина, О.А. Рыжкиной, Н.Ф. Зайценко, Н.Д. Арутюновой, Ф.Ф. Фартхутдиновой, В.М. Мокиенко, Е.Р. Малафеева, В.В. Телии, Е.К. Николаевой и многих других. Изучением в сравнительном аспекте польских и русских лексико-фразеологических единиц с анималистическим компонентом занимались Х. Бартвицка, А. Чапига, М. Журек, Е. Гурбиш, К.М. Гюлюмянц, В. Высочаньский, А. Спагиньска-Прушак и др.

Широкого освещения в трудах лингвистов не нашла проблема сопоставления анимализмов² в польском и русском жаргоне, хотя это одна из его

¹ Термин *криминальный подязык* считаем, вслед за В.В. Химиком, условным. Он может кратко обозначать лексико-фразеологическую подсистему, специфический тезаурус общеуголовного жаргона, тюремно-лагерного жаргона, «профессионального» жаргона (Химик, 2000, 19–20; ср. также: Milewski, 1971, 91). По типологии В.Д. Бондалетова к нему могут быть причислены условные и тайные аргы, а также воровской жаргон (речь деклассированных элементов) (Бондалетов, 1987, 4–5). В качестве синонимичных к приведенному выше термину используем такие словосочетания, как: *уголовное (-ый) /преступное (-ый) /воровское (-ой) аргы / жаргон* (см.: Химик, 2000, 19–20; Мокиенко, Никитина, 2000, 7).

² В научной литературе отмечается разноречивость в отношении терминологическом оформлении формаций, определяющих составные элементы мира животных. Опираясь на классификацию М. Рака (Rak, 2007, 13), можно выделить следующие тенденции в русско- и польскоязычном научном дискурсе: 1) использование единиц с греческой приставкой *зоо-*: зооним, зоолексема, зоометафора, зооним-метафора, зоонимосодержащая лексема, зоосемизм, зооморфизм, антропонимы зоонимического типа, зоонимный компонент, компонент-зооним, зоокомпонент, зоофразеологизм, зоохарактеристика, *zoonim*, *leksema zoosemantyczna*, *zomorfizm*, *frazeologia zoonimiczna*, *frazeologia zoomorficzna*; 2) использование производных от новолатинского слова *fauna*, называющего совокупность животных, обитающих на какой-либо территории или акватории: фауноним, фауническая лексика, *faunizm*, *frazeologia fauniczna*, *metafora fauniczna*; 3) использование латинского термина *animal* и производных от него: анимализм, анималистическая фразеология, анималистический компонент, *animal*, *animalizm*, *frazeologia animalistyczna*, *frazeologia z komponentem animalistycznym*; 4) использование русского слова *животное*, польского слова *zwierzę*: название/ наименование животного, компонент-животное, животный компонент, *nazwa zwierzęcia*, *frazeologia zwierzęca*, *metaforyka odzwierzęca* и т. д. Они могут использоваться синонимично, так и разграничиваться в зависимости от функций (см., напр., Багана, 2011, 87–88), трактоваться широко (например, зооним охватывает наименования животных, частей тела животного, слова, образованные от названий животных, предметы, имеющие отношение к животным) или узко (наименования

неотъемлемых частей. По утверждению М.А. Грачева, в арго «удельный вес подобных слов [...] намного выше, чем в других системах [...] языка» (Грачев, 2005, 177). Поскольку арго характеризуется отрицательной экспрессией, а анимализмы играют «роль одного из самых экспрессивных средств, обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской» (Скляревская, 1993, 90). Нижегородский ученый ссылается на Д.С. Лихачева, который в работе *Черты первобытного примитивизма воровской речи* в 1935 г. подчеркивал, что для криминального жаргона характерна тенденция «одухотворить, вернее анимализировать некоторые материальные предметы» (Лихачев, 1935, 80). Зоонимические лексемы в криминальном русском и в польском арго используются для наименования предметов, объектов, которые образуют следующие семантические группы: 1) предметы быта (*быки* – *byki* ‘кусочки холодного вареного мяса’); 2) объекты кражи, взлома (*медведь*, *медвежонок* – *niedźwiedź* ‘несгораемый шкаф’); 3) инструменты и предметы, используемые для совершения преступления: (*выдра* – *wydra* ‘лом, отмычка для замков’) (Лихачев, 1935, 80–81; Грачев, 2005, 177–178; Stępniaк, 1993). Стереотипная анималистическая метафора используется в воровском жаргоне и в отношении людей. «Данная черта сближает речь воров с охотничьим аргом» (Лихачев, 1935, 81). Выделяются семантические группы: 1) жертва преступления (*коник* ‘жертва кражи’); 2) представители закона, люди, ловящие преступников (т.е. все те, которые являются «врагами» преступного мира, – полицейские, следователи, прокуроры, судьи, охранники тюрем и т. д.), *пес* – *pies/ piesek* ‘оперативный сотрудник полиции, следователь’. По данным В.В. Химики, в специальных словарях насчитывается «более 130 жаргонных номинаций, обозначающих ‘милиционера, сотрудника уголовного розыска’ с экспрессией негативного отчуждения, среди которых и номинации, построенные на соотношении субъекта с образом животного (напр., отвратительный – *гад*, *жаба*, жестокий – *коришун*, *пес*, ничтожный – *таракан*)» (Химик, 2000, 97); 3) названия «специализаций» преступной профессии и их помощников, сообщников (*конек* ‘1) мошенник, 2) специализация шулера’, *коник* ‘1) вор-карманник, 2) ученик вора’). Еще одно явление, которое сближает преступное арг с охотничьим, – это использование одного названия животного вместо другого (напр., в польском охотничьем арг *‘sarna* – это *koza*, *‘zajac* – *kot*, *‘głuszc* – *kogut*, а в русском: *волк* ‘лошадь’, *рак* ‘бык’, *дракон* ‘собака’, *бекас* ‘клоп’) (Грачев, 2005, 180).

животных в прямом значении) (Яблонская, 2015). Мы в настоящей работе используем термины *зооним* и *анимализм* синонимично и взаимозаменяемо, и подразумеваем под ними: собственное имя (кличка) животного, перенаименование животного; название животного и производные от него, переносы названия животного, проецируемые на человека, предметы, положение, ситуации, действия, а также слова, которые омонимичны к названиям представителей мира животных (ср. пол. *wydra* от *wydrać* ‘выхватить’). Фразеологизмы, в состав которых входит анимализм или зооним, называем анималистическими.

Анимализмы входят в качестве компонентов и во фразеологические единицы. Это одна из самых многочисленных и разнообразных групп фразеологического фонда как польского, так и русского языков. Субстандартная часть (а точнее обороты, относящиеся к преступному жаргону) этого фонда, выбранная нами из лексикографических трудов (Трахтенберг, 2002; Козловский, 1997; Мокиенко, Никитина, 2000; Грачев, 2003; Estreicher, 1903; Kurka, 1907; Ludwikowski, Walczak, 1922; Ślepniak, 1993), насчитывает ок. 500 польских и русских жаргонных единиц. Такое количество можно назвать небольшим по сравнению с количеством анималистических фразеологизмов литературного и разговорного языков. Думается, что причиной такого положения является специфика рассматриваемого подязыка, который охватывает узкие интересы и потребности группы, он консервативен и герметичен, номинации в большинстве своем рациональны, на некоторые из них накладывается табу. Криминонимы, по замечанию В.В. Химики, близки к профессиональным терминам. Они могут восприниматься как номинативы, поэтому они не включаются некоторыми лексикографами, сторонниками узкой трактовки фразеологии в жаргонные словари с пометой *фразеологизм*. Отсюда мы не имеем полного представления о фразеологической картине преступного мира. Считаем, что в лексикографировании жаргона важна полнота описания, поэтому сомнения об образности-безобразности, экспрессивности-неэкспрессивности должны решаться скорее в пользу первой части этих оппозиций. Прежде всего это может касаться таких оборотов как *козья ножка* – *kozia nóżka* ‘гвоздодер’, *гусиная лапка* – *gęsia łapka* ‘инструмент для взлома несгораемых касс’, в которых терминологичность находится в тесной связи с соответствующей метафорой, т.е. оборот является образным. Вопрос экспрессивности остается открытым, но есть предпосылки (эквиваленты в польском и русском жаргоне) к тому, чтобы их не считать полностью нейтральными номинациями терминологического характера.

«Фразеологи давно уже втянуты в орбиту исследования и словарного описания анимализмов» (Мокиенко, 2019, 16). Экскурс в историю лексикографирования анималистического фразеологического материала делает Е.М. Маклакова в статье *Фразеологические словари с названиями животных (лексикографический обзор)* (Маклакова, 2013). Используя опыт лексикографов, мы анализируем и распределяем собранный материал по ключевому компоненту-зоониму. Такой способ, как представляется, позволяет показать количественное и качественное место образов животного мира в польской и русской жаргонной фразеологии, помогает найти эквиваленты в изучаемых жаргонах. В свою очередь, такой анализ не может не идти в паре с идеографированием жаргонного материала. Отметим, что идеографические жаргонные словари – это лакунарная зона субстандартной лексикографии.

Переходя к нашему материалу, следует сказать, что и русские, и польские жаргонные ФЕ с компонентом-анимализмом отражают картину мира

преступника. Через использование зоонима говорящий не только реализует тайную информативную функцию сообщения, но и устанавливает контакт со «своими», распознает «своего» и «чужого», а также во многом использует устойчивые формулы для выражения отношения к элементам окружающей действительности.

Итак, в состав польских и русских фразеологизмов преступного жаргона входят следующие компоненты-зоонимы:

ДОМАШНИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ³

PIES (SUKA, SZPIC, SKIEŁA, LEGAWY, SOBACZKA): *dziak szpic* ‘надзиратель за дверьми’, *suczy departament* ‘суд’, *skiełe morowy* ‘Ты умный?! (ты в своем уме?)’, *pies czerwony* ‘1) оперативный сотрудник полиции, 2) сотрудник тайных служб, 3) разведчик, 4) полицейский’, *robota na sobaczkę* ‘усыпить и обокрасть жертву’, *legawy kuka* ‘полицейский говорит’;

СОБАКА (БУЛЬДОГ, КОБЕЛЬ, ЛЕГАВЫЙ, МОПС, ПЕС, СУКА): *оперативный кобель* ‘служебно-розыскная собака’, *бесплатный пес* ‘член ДНД, оперотряда’, *псов на лапу клеить* ‘сделать зависимыми представителей противоправных органов, дав им взятку’, *легавка щенячья* ‘инспекция по делам несовершеннолетних; детская комната милиции’, *гад легавый* ‘1) старый надзиратель, 2) милиционер, 3) осведомитель’ (*легавый* – сотрудник правоохранительных органов, *гад* – 1) от нем. *Gat, Gatte* ‘подручный палача’, *гад* ‘пресмыкающееся животное: для преступников тот, кто ползает («опускается»)), вызывает отвращение, презрение’, *брать на собаку/ брать на мопса* ‘усыплять жертву’, *спустить собачку* ‘сломать замок’, *усыпить на собачку* ‘усыпить чем-л. жертву (*собачка* (*arg.*) ‘наркотическое вещество’)), *сука в перьях* ‘сыщик, милиционер’ (*перья* (*arg.*) ‘погоны’), *война сучья* ‘борьба между уголовниками, соблюдающими воровской закон, с теми, кто изменил ему’, *сделать бульдога* ‘ударить кого-л. в лицо’ и др.

Pies/ собака – это зооним, который описан неоднократно в работах лингвистов, фольклористов, культурологов (см.: Мокиенко, 2001; Mokienko, Walter, Valodzina, 2004).

Во фразеологии собака предстает прежде всего как низкое, презренное животное, жизнь которого не представляет никакой ценности. [...] Многочисленные негативные коннотации, приписываемые собаке во фразеологии,

³ Данная группа приводится для создания общей картины анималистического мира в преступном жаргоне и мы по техническим причинам ограничиваемся лишь некоторыми примерами.

во многом объясняются мифологическими представлениями, связанными с этим домашним животным. Как отмечает Е.К. Николаева, анализировавшая устойчивые сравнения польского языка, «в древней картине мира собаки занимали крайне низкое положение и причислялись к нечистым существам, к тому же в народном сознании они часто отождествлялись с дьявольскими силами» (Николаева, 1996, 97; цит. по: Бирих, 2019, 176).

Об анимализме *pies* писал Я. Скавинский, что когда-то *pies* использовался в качестве наиболее уничижительного оскорбления. *Niewierne psy* – так называли магометане христиан, которые в свою очередь одаривали прозвищем *psy* мусульман. «Еще в XIII в. было зафиксировано в Польше оскорбление *psiegłowiec* (*canium caput*), которое было брошено одним из архиепископов в адрес немецкого проповедника» (Skawiński, 1999, 147).

В преступном жаргоне *pies/ собака* появляется чаще других анимализмов и служит для презрительного, пренебрежительного, оскорбительного перенаименования стражей порядка и связанных с ними лиц. То есть, традиционное негативное восприятие данного животного, как воплощение зла, в жаргоне лишь подчеркивается, а перенаименованный объект связывается с миром, враждебным преступнику. Другие компоненты, такие как *пес*, *легавый*, *сука* и т.д. образуются по аналогии с *pies/ собака* ‘работник правоохранительных органов’. «Собаки выслеживают преступника, кроме того, обозначения собак нередко являются эвфемизмами дьявола. Несомненно, на формирование у лексики преступного мира *сука* повлияло и общенародное – бранное ‘негодная женщина, особенно наущница, сплетница’ (Даль, 2, 358)» (Грачев, Мокиенко, 2000, 159) (напр.: *сучить гурту* ‘доносить полицейскому’, *сучья порода* ‘предатели, сыщики, тюремная администрация, судебные власти’, *сучья свадьба* ‘тюремный праздник, отмечаемый администрацией в память основания тюрьмы’, *сучья будка*, *сучий куток* ‘камера, в которой сидят предатели преступников’; см.: Грачев, Мокиенко, 2000, 158–159). *Собаками*, *псами* называются «неверные», т.е. те, кто изменил законам преступного мира. Использование анимализма при оценке другого человека подчеркивает превосходство говорящего. В субстандарте употребление анимальных инвектив – явление частое, потому что его носители стремятся в поведении, в том числе речевом, к выходу за рамки норм этикета, права, проявляют агрессию к «худшим». Как считает З. Кемпф, во всех европейских языках отмечается отражение мысли человека о своем превосходстве над животными и, соответственно, в отношении объектов, которые считаются «худшими», «нижшими», используется анималистическая метафора (см.: Kempf, 1985, 125). *Pies/ собака* является самым уничижительным, оскорбительным, очерняющим названием как в польском (ср. данные: Reisert, 2004, 95), так и в русском языках. Кроме этого во фразеологизмах используются названия пород собак: *legawu/ легавый*, *лягавый* (русская лексема по сведениям М. Фасмера и Н.М. Шанского имеет польское происхождение), *шпиц*,

молс, благодаря чему говорящий конкретизирует особенности объекта (прежде всего, учитывается внешний вид животного). В русском арго компоненты *кобель* и *пес* служат исключительно для усиления негативной и пренебрежительной характеристики человека за счет дополнительной коннотации у данных единиц – «похотливый, блудливый, напористый человек» (Воробьева, 2019, 193). В польском жаргоне в качестве компонента фразеологизма отмечена лексема *skiel* ‘собака’, которая восходит к русской арготической – *скил* ‘собака’ (подробнее см.: Rasiuła, 2020, 95).

Анимализм также используется в отношении предметов, которые важны в преступном промысле. Это названия объектов кражи (напр., *серебряная собачка*), инструментов, использующихся при краже (напр., *работа на собачку*⁴, *взять на собачку*, *усыпить на собачку* [*собачка* (*собака*) ‘наркотическое вещество’ от *собака* (*арг.*) ‘яд, отравка’]; (см.: Грачев, 2003, 853). Польское [*robota*] *na sobaczkę* – из русского языка (см.: Stępiak, 1993, 518). Метафорический перенос (*собачка* ‘замок’) осуществляется на основе схожести поведения животного и его использования людьми и функции предмета – стеречь дом, жилище, имущество, охранять его, защищать).

КОТ: *kota popędzić/ pognać* ‘вспугнуть вора во время кражи’, *jechać na kota* ‘симулировать психическое заболевание’;

КОТ/ КОШКА: *идти на kota* ‘обкрадывать клиента проститутки; ограбить жертву с помощью соучастницы’; *блатная кошка/ ветошная кошка* ‘проститутка – сообщница грабителя’ и др.

Между русскими и польскими оборотами наблюдаем отличие, в польском, во-первых, анималистический компонент – это название самца. Оно используется для переименования вора (по схожести поведения с повадками кота: неслышно двигаться, забираться в недоступные места), для уточняющего определения свойства предмета (зд. светиться в темноте – *koci ślip* (*ślip* – (*арг.*) ‘глаз’)), как указание на психическое заболевание – сумасшедствие, безумие, или на недостаток ума – глупость (ср.: (*пазг.*) *dostać kota, mieć kota*). Последнее не является характерным только для преступного жаргона, оно уходит корнями в давнее представление о животном без памяти и «с тупой головой» (*koci łeb*) (Kopaliński, 1990, 165). Обороты, указывающие на «присутствие кота в голове» у глупого, сумасшедшего человека, отмечены XVI в. в словаре *Nowa Księga Przysłów ...* (NKPP, II, 167). В русском преступном

⁴ Конструкция *делать/ совершать* на что-л. характерна для русского преступного арго (*брать на душечу, на машинку, на вздержку, на бас, на горло, на оттяжку, на понт* и др. – см., напр.: Грачев, Мокиенко, 2008, 217) и сравнима с жаргоном охотников и рыбаков – *брать на* + название приманки (*брать на мотыля/ червя* и др., однако *работать/ красть на ...* В польском – эта модель идентична, напр., *kraść na gut morgen, zrobić na mur, zrobić na stój*, а также *robota na duś, na blachę, na bombę, na chama, na głuch, na kitę, na klawisz, na klej, na koszyk, na maszynkę, na mokro* и др. – см., напр.: Stępiak, 1993, 479).

жаргоне *кот* – это клиент проститутки и потенциальная жертва преступления. В отличие от польского в русском языке во фразеологизмах используется чаще компонент *кошка* со значением ‘проститутка’, в польском *kosica* (*kotycha*, *kucicha*)/ *kotka* не встречается в устойчивых словосочетаниях, но значения ‘1) любовница, сожительница, хозяйка воровского притона (см.: К., 25; LW, 39; St., 240), 2) проститутка, брошенная сутенером, любовником (LW, 40), 3) секретарь (секретарша) (St., 240)’ зафиксированы. Предполагаем, что данное явление связано и тем, что в несубстандартной фразеологии компоненты *kotka*/ *kosica* не вступают во фразеологические связи. Обозначение анимализмом привлекательной, но распущенной в сексуальном отношении девушки/ женщины фиксируется с XVI в. (Komorowska, Szlachta, 2021, 220). *Кошачий* – 1) определение небольшого, недолгого, непостоянного (возможно здесь сравнение с манерами поведения *кошки*/ *кота*), 2) относящийся к женщине, ее присутствию.

KOZA (KOZI): *kozi bok* ‘комплект ключей’, *kozia nóżka* ‘специальная свинцовая пластинка, которая с помощью проволоки вставляется в замок для того, чтобы его открыть’, *buć kozłowym* ‘напиться пьяным’;

КОЗЕЛ: *сделать козлом кого* ‘1) распушить слух о связях кого-л. с милицией, 2) совершить насильственный акт мужеложества с кем-л.’, *тюремный козел* ‘тюремная игра со спичечным коробком’.

Противоположная ситуация той, которая сложилась со словами *кот* и *кошка* (хотя и по схеме схожая), наблюдается с компонентами *koza* – *козел*. Анимализмом в польском языке определяется предмет (его часть) по схожести с частью тела животного, а также в другом обороте прилагательное *kozłowy*, напоминающее русскую фамилию, которая образована от слова *козел* – анимализма, использующегося в русском языке как пейоративное наименование мужчины, мужа с целью подчеркнуть его глупость, непрактичность, безрассудность, безответственность. Однако в преступном мире *козел* – это серьезное оскорбление, за которое в тюрьме могут даже убить, если оно используется не по отношению к соответствующему лицу, несправедливо, безосновательно. *Козлами* называют людей низшей преступной касты (сравнимо с *ссученный*). Такое использование отражает существующие представления, закрепленные в сознании носителей и языке – ср.: *козел* – похотливое животное, греховное, приносимое в жертву (библейский фразеологизм *козел отпущения*). В русском языке, в отличие от польского и других европейских языков, *козлом* называют домино (ср.: *забивать козла* ‘играть в домино’). Однако анимализм появился в результате «ошибки» вместо *козен*, *козен* ‘название костяшек, суставов животного (как бабка), которые использовались для игры в бабки’. Выражение используется для определения игры в домино после ее появления и распространения на Руси (Мокиенко, 1999, 126).

KROWA: *krowa głodna* ‘кухня’; *krowę rozpruć* ‘обокрасть кооператив’, *krowa na łańcuchu* ‘женщина-судья’, *krowę doić* ‘курить трубку’;

КОРОВА (КОРОВКА): *сливки от бешеной коровы* ‘водка’, *молочко (молоко) от бешеной коровки* ‘самогон’.

В жаргоне о *krowie/ корове* говорится как о животном, дающем человеку пропитание, о животном несвободном, в русском – *корова/ коровка* – компонент, отражающий традиционное, стереотипное представление о том, что корова дает молоко, причем во фразеологизмах он не является носителем основного значения и может быть заменен на название иного бешеного существа, а в польском фразеологизме – иное млекопитающее. Обращает на себя внимание единица *krowę rozpruć*, которая является трансформацией воровского оборота *rozpruć niedźwiedzia*, в котором *niedźwiedź* ‘сейф’. По аналогии сравнения *большой, сильный* – ‘с деньгами/ с богатством’. *Krowa*, как и многие из анимализмов, употребляется при уничижительной, пренебрежительной оценке человека, в данном случае женщины со стороны ее внешних качеств (большие размеры, неуклюжесть), что также отмечается и в разговорном языке.

ВУК: *byka dać* ‘ударять головой’, *byk boży* ‘ксендз’, *stado byków* ‘группа учащихся’;

БЫК (БЫЧОК, собир. БЫЧЬЕ): *бык голый* ‘туз (игральная карта)’, *быков гонять* ‘играть в кости, играть в карты, в кости на кусочки мяса’, *бык рогатый* ‘1) глупый человек, 2) преступник, исполняющий приказания авторитетного уголовника, 3) охранник авторитетного уголовника, 4) уголовник, собирающий дань с киосков частных предпринимателей, 5) бездушный человек, 6) человек, приносящий зло другим людям, 7) наемный убийца’, *бычок маменькин* ‘1) молодой человек, имеющий половые контакты с матерью, 2) молодой человек, осуществляющий за плату половые контакты с богатыми женщинами, 3) любовник богатой, но старой женщины, 4) несовершеннолетний пассивный гомосексуалист’, *бычье рогатое* ‘группа быков (*бык* (арг.) – преступник, выполняющий поручения авторитетного уголовника)’, *бычий выдел* ‘1) осужденный, изъявивший желание работать, 2) осужденный добровольно работающий на производстве (*бык* – осужденный, хорошо работающий в ИТУ, пол. *wydział* – отдел)’ и др.

Вук в польском жаргоне используется для названия удара, который схож с «техникой» его выполнения, подобной на удар рогами разъяренного быка. Данный перенос не отмечен в русском языке, хотя близка к нему лексема *быковать* ‘вести себя агрессивно, противостоять кому-л.’. Остальные приведенные примеры показывают сходство в образной структуре фразеологизмов, в которых *бык/ бык* служит для представления сильного, крупного (молодого) человека, однако порой безвольного, наивного, глупого, легко ведомого, что соотносится и с тем, что мы наблюдаем на примере литературного языка, напр. поговорка – *Здоров как бык, да не знает, как быть*.

С компонентом *wól* в польском преступном арго фразеологизмов не зафиксировано. Вероятно, одной из причин является количественная разница единиц в источниках, и как следствие – в описываемом материале.

ВОЛ: *вола водить (насти, крутить)* ‘1) обманывать, рассказывать небылицы, лгать на допросе, 2) запутывать, дезориентировать кого-л.’, *вола волить* ‘говорить вздор, пустословить’. Русские жаргонные фразеологизмы являются, по нашему предположению, трансформацией европейской единицы – *водить за нос*. «Метафора связана со способом управлять животными (быками, лошадьми и т.п.), которых водят при помощи кольца, продетого в ноздри» (Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005, 478).

BARAN: *baran boży* ‘ксендз’, *barany rzucać* ‘показывать свое превосходство над кем-л.’;

БАРАН: *серый баран* ‘участковый инспектор’, *цагайский баран* ‘представитель какой-л. из дагестанских народностей’.

Баран является олицетворением глупости, тупости, «безумности», и в узуальном использовании считается эвфемизмом глупца, дурака, дебила, идиота и т.д. В приведенных же оборотах использование анимализма по отношению к человеку не указывает на качество, свойственное этому животному, а лишь подчеркивает негативное, уничижительное, презрительное отношение к нему. Пренебрежительная характеристика создается за счет применения структурно-семантической трансформации литературного оборота (*baran boży* от *baranek boży*), производящей эффект неожиданной словесной игры в результате столкновения высокого и низкого, положительного и отрицательного (*серый баран* – серый кардинал).

В жаргоне также фиксируется метонимический перенос, строящийся на соотношении породы овец, баранов, разводимой в южных регионах, а также пищи, употребляемой представителями южной национальности (*цагайский баран*). Думается, что оборот отражает также субъективное негативное отношение к дагестанцам, создаваемое за счет использования анимализма, имеющего в русском языке отрицательные коннотации (см.: Мокиенко, Никитина, 2007). В обороте *barany rzucać* – вероятно, трансформации оборота *rzucać mięset* ‘ругаться, выражать свое превосходство за счет словесной агрессии, проявляющейся в использовании, в частности, вульгаризмов и бранных слов’.

KOŃ (KONIK)/ SZKAPA/ OGIER: *robić konika* ‘побег помощника вора с добычей’, *na konia* ‘кража на пляжах’, *koń więzienny* ‘нелегальная тюремная почта’, *śmigać w konia, latać (lecieć) w konia, latać sobie w konia, gonienie konia, rżnięcie konia, konia bić, trzepać konia, na koń, rąbać konia na postoju, śmigać konika, zapierdalać sobie w szkapę* ‘заниматься онанизмом, в т.ч. в группе’, *ogier boży* ‘1) ксендз, 2) человек, сочувствующий жертве и мешающий преступнику ее обокрасть’;

КОНЬ/ ЛОШАДЬ/ КОБЫЛА: *бросать коня* ‘протягивать веревку между окнами камер с целью передачи записок или предметов’, *искать кобылу* [у татарина, у цыган] ‘заниматься бесполезным делом’, *серая лошадь* ‘1) заключенный, занятый на тяжелых физических работах, 2) рабочий; крестьянин’, *оседлать коня* ‘1) украсть мотоцикл или велосипед, 2) совершить половой акт’.

Конь и *лошадь* – это сильное, выносливое, быстрое хозяйственное животное, помогающее людям в транспортировке, езде верхом, пахоте. На жаргонных примерах видим, что выполняемые функции и качества животного легли в основу сравнения предметов и людей с конем, лошадю: веревка для передачи писем в тюрьме, выносливость – заключенный, выполняющий тяжелую работу, скорость и доставка – вор, доставляющий товар и др. Олицетворение отмечается и в обороте *zaprowadzić konia do stajni*, где *koń* – ‘нож’. В русском преступном арго *конь* также ‘ложка’. *Кони* как ‘ноги’ и ‘обувь’ пришло по данным этимологического словаря русской фразеологии (Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005, 334) из финского *kenka* ‘башмак’, и с анимализмом его связывает лишь фонетическая близость. Анимализм *koń/ конь* используется как эвфемизм вульгаризма, называющего мужской половой орган. Способ эвфемизации названия табуизированного объекта, каким является пенис, фалос и т.д. с помощью названия животного явление, известное во многих языках и культурах: *карасик* (итал.), *голова черепахи* (китайс.), *змея* (змей) (англ.), *петушок* (русск.), *птичка* (польск.), *голубь* (испан.) и др. В польском и русском жаргоне такое употребление имеет давнюю историю. Как указывает А. Домбровская, автор словаря польских эвфемизмов, *koń/ konik* в значении ‘мужской половой орган’ встречается в старопольских и народных текстах. *Конь* в них – символ мужской потенции (Dąbrowska, 1998). В словаре символов написано, что *koń* – это сильное сексуальное влечение, сексуальная сила (Kopaliński, 1990, 160). В «сексуальном» значении *koń/ конь* активно используется в жаргонно-разговорной фразеологии, польское преступное арго использует его, но не добавляет ничего к образу, поэтому характерной чертой этого варианта языка назвать нельзя. В русском преступном арго подобные единицы (*напоить коня*, *оседлать коня* ‘совершить половой акт’) также зафиксированы. В отличие от польского в русском арго ряд фразеологизмов короче. Вызвано это особенностями восприятия коня в русском языке и культуре. В.В. Химик пишет, что за конем закрепилось больше положительных коннотаций (в отличие от лошади) и позитивная экспрессия, слово *конь* (в отличие от *лошади*) служит для стилистического повышения (Химик, 2014, 72).

OSIOŁ/ MUŁ: *muł do kwadratu*, *muł pasiasty* ‘глупый человек, дурак’, *ośla ląka* ‘место, где клиенты выбирают проститутку’;

ŚWINIA: *świnią poszczuć* ‘испугать’, *świnia różowa* ‘толстяк’ и др.

Русские арготические фразеологизмы с компонентом *осел*, *мул*, *свинья* не были отмечены в источниках, из которых мы выбирали материал. Отдельные лексемы используются и имеют следующие значения: *свинья* ‘1) женщина-судья, 2) народный судья, 3) уборщик в камере, 4) деградировавший, презираемый и унижаемый всеми заключенный’. *Осел* ‘лошадь’, *мул* – специально подготовленный агент, проглатывающий пакетики-контейнеры с наркотиком для перевоза через границу.

Обращаясь к польскому материалу, во фразеологических оборотах преступного жаргона видим отражение традиционных стереотипных, негативных представлений об осле, муле (*osioł (mul)*) – воплощение глупости, необразованности, похоти, сладострастия и разврата, а о свинье (*świnia*) – жирности, толстоты (отсутствие хорошей фигуры), нечистоплотности, неморальности, непорядочности, пустоты, высокомерия, подлости, злости, бесчестности и др. (см.: Korpaliński, 1990, 290, 420). Характерным для преступного жаргона является использование названия животного для переименования предмета и обозначения его качества, которое важно для преступников и их окружения (*świnia* ‘аккордеон’, *świński* ‘нелегальный’).

ДОМАШНИЕ ПТИЦЫ

KOGUT: *kogut czerwony* ‘поджог’, *puścić <czerwonego> koguta/ puścić kogusika* ‘поджечь’ (ср. русск.: *пустить красного петуха*);

ПЕТУХ: *объявленный петух* ‘разоблаченный пассивный гомосексуалист’, *старший петух* ‘неформальный лидер в бригаде, состоящей из презираемых заключенных – пассивных гомосексуалистов’, *дать (давать) петуха кому* ‘протянуть руку кому-л. для рукопожатия’, *сел петух на хату* ‘1) о поджоге, 2) об установленном за квартирой наблюдении’, *петуху хвост (хвоста) крутить (вертеть)* ‘совершать кражи в общественном транспорте’, *стая петушиная* ‘группа «петухов» (заключенные, над которыми совершили насильственный половой акт, тем самым поставив на низшую ступень криминальной лестницы)’, *петушиный угол* – ‘проход в секции или бараке, в котором живут опущенные’, *петушиная групповуха* – ‘коллективное изнасилование заключенного’, *петушиная участь* – ‘судьба и статус изнасилованного заключенного’, *петушиный процесс* – ‘судебное разбирательство над обвиняемым по ст. 121 УК РСФСР от 1961 г. (мужеложество)’, *поштопать петуха* – ‘совершить акт мужеложества’.

Польский оборот о петухе на крыше со значением ‘поджога’ зафиксирован в словаре *Nowa Księga Przysłów...*, где его употребление отмечается концом XIX в. В польскую блатную музыку его записали авторы словарей,

вероятно, руководствуясь ассоциацией, исходящей из семантики единицы, а именно: поджог → запретное, нелегальное, противоправное действие → совершается преступниками → действие не называется напрямую, значит нелегальное скрывается, т.е. становится тайным → относится к арго преступников. В русском и других славянских языках, а также балтийских и германских зафиксирован схожий фразеологический оборот. Большинство исследователей возводят его к «древней языческой символике огня и культу богов-громовержцев» (Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005, 530).

Петух в русском арго – это представитель низшей касты заключенных, которому в польском соответствует *swel* (есть предположение, что восходит к немецкому *Schwelle* ‘шпала’ или *Schwule* ‘гомосексуалист’), но, как видно, польская и русская лексемы не имеют общих корней. На вопрос, почему в русском жаргоне был выбран петух для обозначения «опущенного», ответа нет. Есть предположение, что 1) оно возникло по ассоциативному ряду петух – петух от слова ‘петь’ – (*жарг*). петь ‘доносить’ – петух – тот, кто доносит – петух – кто-то чужой, враг, представитель низшего, и соответственно презираемого «сословия»; 2) на формирование значения повлияло англ. сленговое *cock* ‘мужской половой орган’; 3) лексема образовалась от арготического *петушить* ‘насиловать’; 4) от еврейского обряда жертвоприношения капарот (сбрасывают на птицу свои грехи, а потом ее убивают) (Кучинский, 2018).

Петух – это также переименование руки, по нашему мнению, по фонетическому сходству с жаргонно-разговорным *пять, пятерня* ‘рука, ладонь’, которое выступает в обороте ‘поздороваться за руку’ – *дать пять*.

KURA: *kurza łapa* ‘вор, крадущий домашнюю птицу’;

КУРИЦА (КВОЧКА): *курица/ квочка с цыплятами* ‘пистолет с патронами’.

В польском обороте притяжательное прилагательное указывает на специализацию преступника и вид преступления (ср.: *kurarz* ‘złodziej drobny’). В русском арго фразеологизм построен по образной модели «взрослый с ребенком, детенышем» (ср.: *масленок с маслятами, опенок с опятами, поросенок с поросятами*) (Грачев, 2003, 467).

GEŚ: *gęsia łapka* ‘инструмент для вскрытия сейфов, лом с выгнутым концом’;

ГУСЬ: *поцупать гуся* ‘1) собрать сведения о намеченной для ограбления жертве, 2) проверить ощупыванием наличие денег в карманах у жертвы’, *три гуся* ‘1) условный сигнал воров, означающий, что кража совершена удачно, 2) 222 статья уголовного кодекса (незаконный оборот оружия)’, *гусь оторвался у кого* ‘о психическом заболевании, когда все окружающее воспринимается как нереальное’, *гонять (гнать) гусей* ‘1) притворяться глупым, прикидываться дураком, 2) изображать неведающего, прикидывать-

ся непонимающим, 3) обманывать, лгать, выкручиваться, 4) симулировать психическое заболевание, сумасшествие’.

В польском обороте анимализм используется для описания особенностей внешнего вида предмета, используемого преступниками, в отличие от *kurza łapka*, где прилагательное указывает на объект – цель направленного действия – кражи. Перенос с животного, его части на предмет по внешнему сходству явление устойчивое в польском языке, не только в уголовном, напр., *żabka* ‘французский ключ’, *kozia nóżka* ‘гвоздодер’, *koziolatek* ‘козлы’, *kozibok* (угол.) ‘отмычка для взлома барабанного замка’, *jaskółka* (угол.) ‘отмычка’, *szpikowany zajęc* (устар.) ‘приспособления для пыток’, *jeżyk* (угол.) ‘булавка, иглолка’, *piesek* (угол.) ‘наркотическое средство, усыпляющее жертву, своего рода «инструмент» кражи’, *rak* (угол.) ‘клещи’, *śledź* (угол.) ‘нож, сабля’. Интересно, что и новые устройства, которые в настоящее время появляются на рынке, получают «звериные» имена, напр., пилы *Tiger*, *Panther*, *Cat*, *Puma*.

В русском жаргоне *гусь* реализуется в переносном значении как ‘наивный, глупый человек, иногда жертва преступления’, которое, по нашему мнению, сформировалось под влиянием более ранних их контаминации: 1) *гусь* – ‘пройдоха’ и 2) *гусь* – ‘мужской половой член’. Кроме того, в жаргоне наблюдается также активность ассоциативной модели: пренебрежительно и уничижительно глупый или наивный, чужой (не свой) человек, враг (напр., полицейский), богатый человек (потенциальная жертва) = мужской половой член (в том числе, эвфемистические вульгарные и бранные названия).

Сравнение знаков и цифр (используемых в качестве тайной символики или кодов, напр., в переписке или сообщении, передаваемой скрыто, нелегально, засекречено) с формой тела и движениями животного отмечено во фразеологизме *три гуся*. Такие сигналы разрабатывались в течение долгого времени, и они схожи с теми, которые передаются на расстояния в условиях ограниченной слышимости (ср. сигналы опасности).

В преступном польском и русском жаргонах не обошлось и без диких млекопитающих.

ДИКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

SZCZUR: *na szczura* ‘кража из подвалов’, *szczur lokalowy* ‘вор, осуществляющий кражи в ресторанах’, *szczurza robota* ‘кража в гостиницах’, *szczurze detale* ‘вещи, украденные в гостиницах’ (в оборотах используется характерная черта животного – обитать в жилищах людей (главным образом, в местах хранения продовольственных запасов – подвалах, наносить ущерб, стгрызая запасы продуктов, предметы мебели и одежды);

КРЫСА: *банда крыс* ‘владельцы и работники частных ларьков’, *белая крыса* ‘врач, медицинский работник, берущий взятки’. В русском языке за подлыми, жадными, подхалимными людьми закрепилось название *крыса*. Крыса имеет в разных культурах различную символику, но в польской и русской – она отрицательная, т.е. олицетворяет зло, демона, черта, дьявола, враждебность, насилие, разрушение, измену, доноительство, проблемы, кражу, болезнь, заразу, опустошение, смерть.

JEŻYK: *na języka* ‘карманная кража, для осуществления которой орудием служит игла или булавка’ (в обороте использован внешний облик зверька, а точнее его характерная черта – иголки, которыми он пользуется как инструментом для перенесения предметов);

ЕЖИК: *ежиков пасти* ‘бездельничать’ (образовано по ассоциативной модели: делать что-то реально невозможное, нелогичное или бесполезное, ср. курить бамбук, бананы катать, изюм косить, бить масло).

KRET: *kret pod górką* ‘вор, специализирующийся на кражах из подвалов’, *na kreta* ‘взлом помещения через отверстие в полу’;

КРОТ: *земляной крот* ‘крестьянин, колхозник’ (и в польском, и в русском обороте используется образ животного, живущего внизу, под чем-то (землей) и выходящего на поверхность из норы, туннеля, сделав небольшое отверстие).

NIEDŹWIEDŹ: *rozpruć niedźwiedzia* ‘взломать сейф’ (возможно, на основе метафорического переноса по внешнему сходству – большой, тяжелый, ценный [для охотника]);

МЕДВЕДЬ: *подогрев медвежий* ‘гашиш, употребляемый осужденными в лесных ИТУ’. В русском преступном аргументе функционирует заимствованное из польского – *медведь* ‘сейф’, *медвежатник* ‘вор, специализирующийся на взломе сейфов’, однако в данном случае используется прилагательное-анимализм, который называет место происхождения объекта (лес), место, в котором также обитает медведь.

JELEŃ: *na jelenia* ‘разбойное нападение; обкрадывание пьяных людей в общественных местах’, *robić jelenia* ‘обкрадывать жертву’;

ОЛЕНЬ: *олень с развесистыми рогами* ‘наивный, неопытный человек, не принадлежащий к преступному миру’, *фаршированный олень* ‘наивный интеллигент’, *ехать на оленях* ‘тюремная игра, унижающая достоинство человека, используется для шуточного, презрительного или уничижительного определения простака, наивного человека, глупца, дурака’. При этом в русском языке значение анимализма имеет неявную историю: с одной стороны, оно может быть связано с оборотом *рогат как олень* ‘о муже, которому из-

менила жена’, с другой стороны – заимствовано из польского – *robić kogoś w jelenia, brać kogoś na jelenia* ‘издеваться над кем-либо, делать из кого-то дурака’ (см.: Николаева, 2019, 78–83).

WILK: *na białe wilki* ‘в Сибирь (на поселение)’;

ВОЛК: *волк (волчара) позорный* ‘работник правоохранительных органов’, *волчье солнышко* ‘1) лампочка в камере, 2) месяц (из народной речи по мотивировке: источник света для тех, кто активен ночью [хищных зверей, воров, бродяг и т.п.] [Грачев, Мокиенко, 2000, 154–155])’.

HIENA: *hiena nocna* ‘вор, крадущий по ночам’ (сравнение с образом жизни гиены; гиена имеет негативный образ и символизирует ночные грабежи).

LIS: *lisa na dach puścić* ‘совершить поджог’ (трансф. фразеологического оборота *koguta czerwonego puścić*, замена компонентного состава происходит на основе сравнения яркого [красного, оранжевого] цвета животных [их хвоста] с огнем [языками пламени]).

MAŁPA: *małpi gaj* ‘1) квартира проституток, 2) дисциплинарное наказание’, *małpi kit* ‘рис, каша’, *małru oswojone* ‘полиция’. Обезьяна в польской литературе и культуре (напр., во фразеологизмах Я. Кохановского) – символ греховности, духовного падения, разврата, хитрости, жадности. Негативный образ используется и в преступном аргю.

WYDRA: *[zrobić] (na) wydrę* ‘1) кража вещей путем вырывания их из рук жертвы, 2) кража вещей, которые попались на глаза и быстрый побег, 3) взлом автомобиля, в котором нет противоугонных средств, 4) кража в магазине, для совершения которой используется помощник, отвлекающий внимание обслуживающего персонала от вора’ (лексема, воспринимаемая как анимализм, является омоформой к арготизму *wydra*, образованному от глагола *wydrzeć – wydzierać* ‘вырвать, выдрать – вырывать, выдирать’). В русском воровском аргю *выдра* ‘1) веревка, 2) вор, проникающий в помещение путем вскрытия дверных замков, 3) отмычка, 4) ключ для отпираания замка’.

ZAJĄC: *dać zająca, dawać zająca, puścić w zająca, zrobić zająca* ‘убежать’ (сравнение по доминантной характеристике – быстрота бега).

BARC: *железный барс* ‘активный гомосексуалист’ (предположительно, от англ. *gay bars* ‘бары для геев’), *черный барс* – ‘кавказский боевик, вооруженный автоматическим оружием’ (метонимический перенос на человека с названия охотничьих карабинов [барс], предназначенных для охоты на среднего зверя).

МЫШЬ: *кинуть мышь* ‘обворовать пьяного’, *ловить мышей* ‘1) быть расторопным (сравнение с поведением кота), 2) обворовывать пьяных’ (в арго *мышь* ‘пьяный человек’) Представляется, есть несколько путей, по которым *мышью* стал пьяный человек: 1) от оборота *мокрая мышь*, заимствованного из польского – *mokry jak mysz* ← *spocić się jak mysz w połogu* ‘вспотевший, намокший человек’, а пьяный человек также часто потеет и выглядит также жалко, как мышь, облитая водой, или как испугавшаяся мышь, шерсть которой слиплась; 2) от польского *myszką trąci* ‘что-л. плохо пахнущее, старое’, известно, что запах пьяного человека не относится к приятным, не вызывает восхищения. В польском *mysz* ‘вор, крадущих из гостиниц’, *myszka* ‘вор, крадущий малоценные вещи’, *myszką* ‘квартирная кража с проникновением в помещение через потайные ходы’, *myszkarz* ‘вор, крадущий из подвалов’, *myszkowanie* ‘кража из подвала в гостинице’. Такой перенос названия исполнителя преступления на жертву – характерная черта преступного жаргона.

ЛЕВ (ЛЬВЕНОК): *львенка поймать* ‘обокрасть богатого’ (*лев* иносказательно ‘модный щеголь, отличающийся внешними успехами в большом свете’, как во французском и английском языках [см.: Михельсон, 1896–1912]). Использование деминутива показывает уничижительное отношение к жертве вора.

СЛОН (СЛОНИХА, СЛОНИК): *слониха со слонятами* ‘стол со скамейками в камере’ (по внешней схожести). Запустить *слоника* – ‘совершить с кем-л. половой акт оральным способом, украв при этом что-л. из кармана партнера (действия проститутки)’. *Слоник* – ‘мужской половой орган’ (по модели: мужской половой орган – орган животного [хобот] – животное, характерным признаком которого является этот орган и для чего он служит этому животному [слон]). Деминутив (*слоник*) указывает на небольшой размер животного (инструмента), что является характерной чертой воровского жаргона.

ХОРЕК (ХОРИЦА): *искать хорька (хорицу)* ‘подыскивать полового партнера’ (от арг. *хорь* – *цыган. kar, ker* ‘мужской половой член’, *хар* ‘дыра, дырка’ [Грачев, 2003, 999]).

ДИКИЕ ПТИЦЫ

DZIĘCIOŁ: *nadziany dzięcioł* ‘состоятельный человек, объект (жертва) преступления’.

MEWA: *biała mewa* ‘несовершеннолетняя проститутка’.

PAPUGA: *papuga w bajer leci* ‘адвокат произносит речь’, *papuga ze skowurem* ‘охранник с собакой’, *papuga trzaska dziobem, występ papugi, papuzia gadka* ‘речь представителя защиты в суде’, *główny papuga* ‘председатель суда’, *na papugę* ‘карманная кража, которая совершается с помощью приема отвлечения внимания жертвы разговорами, играми, шутками’.

PELIKAN: *starać się na pelikanie* ‘1) заниматься сексом, 2) заниматься проституцией’, *zabawa z pelikanem* ‘групповая сексуальная оргия’.

STRUŚ: *w strusia uderzyć* ‘убегать’.

ŻURAW: *żurawia zapuścić* ‘запустить руку в чужой карман, посмотреть в чужой карман’.

БАКЛАН: *баклан породистый* ‘человек, осужденный за злостное хулиганство’, *баклан хавирный* ‘хулиган, осужденный за квартирный дебош’, *уцепить баклана* ‘усмирить хулигана в зоне ИТК’. По мнению М.А. Грачева и В.М. Мокиенко (2000, 32), слово *баклан* в жаргон вошло из территориальных диалектов, где *баклан* (сиб.) ‘чурбан, чурка, обрубок бревна’, (влд., нижегор.) ‘1) большая голова, 2) человек с большой головой’.

БЕКАС: *охотиться за бекасами (на бекасов)* ‘собирать окурки’.

ВОРОБЕЙ (ВОРОБУШЕК): *воробья спугнуть* – сломать, сорвать замок, *сишибать воробьев* – взламывать замки, *наловить воробушков* – добыть много денег.

ВОРОН: *черный ворон* ‘автомашина, специально оборудованная для перевозки заключенных’.

ГОЛУБЬ: *спугнуть голубей* ‘совершить кражу белья, вывешенного для просушки’.

ЛАСТОЧКА: *связать (связывать) ласточкой кого* ‘привязать руки за спиной жертвы к ногам’, *сделать ласточку кому* ‘1) надеть на кого-л. смиренную рубашку, 2) выбросить жертву в окно’.

СОВА: *сова ментовская* ‘старушка-общественница, помощница участкового инспектора’.

ФАЗАН: *тянуть фазана* – ‘лгать, не исполнять обещаний’, *фазана протянуть* ‘продать похищенную вещь, а затем отнять ее’.

После выделения компонентов-анимализмов во фразеологизмах и распределению их на группы отчетливо видно разнообразие животного мира, представленное через призму жаргонной фразеологии. Отмечаются сходства и различия между русской и польской частью субстандарта. Расхождение можно объяснить несколькими причинами:

1. Объем польских и русских лексикографических работ, представляющих преступно-уголовный жаргон, не одинаков.

2. Не все словосочетания с анимализмом заносятся в словари, а если они и были включены, то не помещены в словарях как фразеологические обороты. Это вытекает из различной трактовки фразеологии (ее объема) и фразеологического неологизма.

3. Сказываются различия в характере и особенностях закрепления в языке и культуре стереотипных образов животных (различия в концептосфере, символической, образах, закрепленных в фольклоре, литературе, изобразительном искусстве, кино).

4. Несхожие реалии как вне, так и внутри преступной жизни.

5. Различная фонетическая и грамматическая материя языков и, соответственно, отличный друг от друга выбор единиц для перефразирования, трансформации.

Сходства объясняются:

- общностью древних представлений о мире у поляков и русских, картинами мира преступников, в частности;
- родственностью польского и русского языков;
- общими, закрепленными в сознании носителей схемами и моделями, по которым строятся единицы внутри характерных для этого варианта языка тем;
- близкими контактами представителей преступного мира друг с другом;
- взаимными заимствованиями лексических и фразеологических единиц, синтаксических структур.

В заключение можно представить, как выглядит польский и русский жаргонный «зоопарк».

	польский преступный жаргон	русский преступный жаргон
I. Преступник	pies, kot, kura, wilk, hiena	кошка, козел, бычок, лошадь, крот, баклан
II. Жертва преступления	osioł, muł, świnia, jeleni, dzięcioł	кот, бык, баран, петух, гусь, крыса, олень, барс, львенок, хорек, мышь
III. Объект преступления	krowa, niedźwiedź, pelikan	медведь, воробей

	польский преступный жаргон	русский преступный жаргон
IV. Инструмент для совершения преступления	pies, koza, koń, świniа, gęś, kret, język, jelenі, wydra	собака, собачка, мопс, конь, курица, мышь, барс
V. В описаниях действий преступников	baran, kogut, zając, struś, żuraw	вол, кобыла, ежик, ласточка
VI. Представители правоохранительных органов	pies, legawy, szpic, skiela, rapuga, pajak	собака, кобель, легавая, пес, сука, бык, крыса, волк (волчара), сова
*Другое	kot, kozłowy, krowa, byk, ogier, koń, lis	собака, щенок, корова, баран, кони, кобыла, гусь, слон, слонята, бекас

Дальнейшие исследования в этой области фразеологии и жаргонологии позволят полнее представить этимологию субстандартных единиц, уточнить сходства и различия, что поможет детальнее их описать в словаре польско-русского жаргона.

СОКРАЩЕНИЯ

- NKPP – Krzyżanowski, J. (red.) (1969–1978). *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. T. 1–4. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- K. – Kurka, A. (1907). *Słownik mowy złodziejskiej*. Lwów: Nakładem Autora. Druk Artura Goldmana Lwów.
- LW. – Ludwikowski, W., Walczak, H. (1922). *Żargon mowy przestępców „Blatna muzyka”*. *Ogólny zbiór słów gwary złodziejskiej*. Warszawa: Druk R. Szrajber.
- St. – Stępniaк, K. (1993). *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Londyn: Wydawnictwo Puls.

- арг. – арготическое
 влд. – вологодское
 испан. – испанское
 итал. – итальянское
 китайс. – китайское
 нижегор. – нижегородское
 польск. – польское
 разг. – разговорное
 русск. – русское
 сиб. – сибирское
 угол. – уголовное арго
 устар. – устаревшее
 цыган. – цыганское

БИБЛИОГРАФИЯ

- Багана, Ж. (2011). *Фаунонимическая лексика в системе языка и ее национально-культурная специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках)*, Научные ведомости БелГУ, Серия: Гуманитарные науки, 24 (119), 84–94.
- Бирх, А. (2019). *Анималистическая фразеология в русском языке XVIII в. В: Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты* (175–183), Х. Вальтер, В.М. Мокиенко (отв. ред.). Грайфсвальд–Санкт-Петербург: Universität Greifswald.
- Бирх, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова Л.И. (2005). *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. Москва: ООО Издательство «Астрель».
- Бондалетов, В.Д. (1987). *Социальная лингвистика*. Москва: Издательство «Просвещение».
- Воробьева, Л.Б. (2019). *Устойчивые сравнения с компонентом собака в русском и литовском языках. В: Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты* (191–194), Х. Вальтер, В.М. Мокиенко (отв. ред.). Грайфсвальд–Санкт-Петербург: Universität Greifswald.
- Грачев, М.А. (2003). *Словарь тысячелетнего русского арго*. Москва: РИПОЛ КЛАССИК.
- Грачев, М.А. (2005). *От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргона*. Санкт-Петербург: «Авалон», «Азбука-классика».
- Грачев, М.А., Мокиенко, В.М. (2000). *Историко-этимологический словарь воровского жаргона*. Москва: ООО «Фолно-Пресс».
- Грачев, М.А., Мокиенко, В.М. (2008). *Русский жаргон. Историко-этимологический словарь*. Москва: «АСТ-ПРЕСС».
- Козловский, В. (1983). *Собрание русских воровских словарей в четырех томах*. Т. 1–4. New York: Chalidze.
- Лихачев, Д.С. (1935). *Черты первобытного примитивизма воровской речи. В: Язык и мышление*. Т. III–IV (354–398). Москва–Ленинград: Издательство АН СССР.
- Маклакова, Е.М. (2013). *Фразеологические словари с названиями животных (лексикографический обзор)*. В: *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3 (21), II, 121–123, <http://www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/32.html>, доступ: 15.12.2021.
- Михельсон, М.И. (1896–1912). *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Т. 1–2. *Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний)*. Санкт-Петербург, <https://gufo.me/dict/mikhelson>, доступ: 21.10.2021.
- Мокиенко, В.М. (1996). *Экспрессивность фразеологических единиц. В: Проблемы фразеологической семантики* (39–68), Г.А. Лилич. (отв. ред.). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета.
- Мокиенко, В.М. (2019). *Анималистическая фразеология в русской народной речи. В: Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты* (15–30), Х. Вальтер, В.М. Мокиенко (отв. ред.). Грайфсвальд–Санкт-Петербург: Universität Greifswald.
- Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. (2000). *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург: «Норинт».
- Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. (2007). *Большой словарь русских поговорок*. Москва: «Норинт».
- Николаева, Е.К. (2019). *Свитер с оленями (о зооинвективах)*. В: *Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты* (78–83), Х. Вальтер, В.М. Мокиенко (отв. ред.). Грайфсвальд–Санкт-Петербург: Universität Greifswald.

- Склярёвская Г.Н. (1993). *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург: «Наука».
- Трахтенберг, В.Ф. (2002). *Блатная музыка. («Жаргон» тюрьмы). Под редакцией и с предисловием Профессора И.А. Бодуэн-де-Куртенэ. Юридическое книжное издательство «Право». Санкт-Петербург 1908.* Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Institut für Slawistik.
- Химик, В.В. (2000). *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Химик, В.В. (2014). *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург: «Норинт».
- Яблонская, О.Г. (2015). *Анализ фразеологических единиц с компонентом зоонимом в современном русском языке*, Вестник МДПУ имя І.П. Шамякіна. Філалагічныя навукі, <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-frazeologicheskikh-edinit-s-komponentom-zoonimom-v-sovremennom-russkom-yazyke/viewer>, доступ: 8.05.2022.
- Dąbrowska, A. (1998). *Słownik eufemizmów polskich, czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie*. Warszawa: PWN.
- Estreicher, K. (1903). *Szwargot więzienny*. Kraków: E.Wende i Spółka; Nakł. Księgarni D.E. Friedleina.
- Kempf, Z. (1985). *Wyrazy „gorsze” dotyczące zwierząt*, Język Polski, LXV, 125–144.
- Komorowska, E., Szlachta, A. (2021). *Frazeologizmy i przysłowia z komponentem kot w języku polskim*. B: *Životinje u frazeološkom ruhu: zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa Animalistički frazemi u slavenskim jezicima održanog 21. i 22. III. 2014. na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu*, Ivana Vidović Bolt (red.), http://www.animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Komorowska_Szlachta%20za%20WEB.pdf, dostęp: 6.05.2022.
- Kopaliński, W. (1990). *Słownik symboli*. Warszawa: Wydawnictwo „Wiedza Powszechna”.
- Kurka, A. (1907). *Słownik mowy złodziejskiej*. Lwów: Nakładem Autora. Druk Artura Goldmana Lwów.
- Ludwikowski, W., Walczak, H. (1922). *Żargon mowy przestępców „Blatna muzyka”*. *Ogólny zbiór słów gwary złodziejskiej*. Warszawa: Druk R. Szrajber.
- Milewski, S. (1971). *Gwara przestępcza i jej przenikanie do języka ogólnego*, Poradnik Językowy, 2, 92–101.
- Pacula, J. (2020). *Nie tylko pies – o kilku animalistycznych nazwach funkcjonariuszy służb więziennych w historii polskiego socjolektu przestępczego*, Jazykovedný časopis, 71, 1, 91–108.
- Peisert, M. (2004). *Formy i funkcje agresji werbalnej. Próba typologii*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Rak, M. (2007). *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Świętorzyskich i Podtatrza*. Kraków: Scriptum.
- Skawiński, J. (1999). *Zwierzęta w kulturze i języku – na materiale polskim i niemieckim*. Niepublikowana rozprawa doktorska napisana pod kierunkiem prof. dra hab. Jana Franciszka Miodka. Uniwersytet Wrocławski.
- Stępnia, K. (1993). *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Londyn: Wydawnictwo Puls.

Bagana, Zh. (2011). *Faunonimicheskaya leksika v sisteme yazyka i ee natsional'no-kul'turnaya spetsifika (na materiale leksicheskikh edinit «loshad'», «kon'», «svin'ya» v russkom, angliiskom i nemetskom yazykakh)*, Nauchnye vedomosti BelGU, Seriya: Gumanitarnye nauki, 24 (119), 84–94.

- Birikh, A. (2019). *Animalisticheskaya frazeologiya v russkom yazyke XVIII v. V: Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh. Lingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty (175–183)*, Kh. Val'ter, V.M. Mokienko (otv. red.). Graissval'd – St. Petersburg: Universitt Greifswald.
- Birikh, A.K., Mokienko, V.M., Stepanova, L.I. (2005). *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'*. Moscow: OOO Izdatel'stvo «Astrel'».
- Bondaletov, V.D. (1987). *Sotsial'naya lingvistika*. Moscow: Izdatel'stvo «Prosveshchenie».
- Dąbrowska, A. (1998). *Słownik eufemizmów polskich, czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie*. Warszawa: PWN.
- Estreicher, K. (1903). *Szwargot więzienny*. Kraków: E. Wende i Spółka; Nakł. Księgarni D.E. Friedleina.
- Grachev, M.A. (2003). *Slovar' tysyacheletnego russkogo argo*. Moscow: RIPOL KLASSIK.
- Grachev, M.A. (2005). *Ot Van'ki Kaina do mafii. Proshloe i nastoyashchee ugovnogo zhargona*. St. Petersburg: «Avalon», «Azbuka-klassika».
- Grachev, M.A., Mokienko, V.M. (2000). *Istoriko-etimologicheskii slovar' vorovskogo zhargona*. Moscow: OOO «Folio-Press».
- Grachev, M.A., Mokienko, V.M. (2008). *Russkii zhargon. Istoriko-etimologicheskii slovar'*. Moscow: «AST-PRESS».
- Kempf, Z. (1985). *Wyrzy „gorsze” dotyczce zwierzt*, Język Polski, LXV, 125–144.
- Khimik, V.V. (2000). *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.
- Khimik, V.V. (2014). *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi*. St. Petersburg: «Norint».
- Komorowska, E., Szlachta, A. (2021). *Frazeologizmy i przyslowia z komponentem kot w jzyku polskim*. In: *Životinje u frazeološkom ruhu: zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa Animalistički frazemi u slavenskim jezicima održanog 21. i 22. III. 2014. na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu*, Ivana Vidović Bolt (ed.), http://www.animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Komorowska_Szlachta%20za%20WEB.pdf, accessed: 6.05.2022, <https://doi.org/10.17234/9789531755139.15>.
- Kopaliński, W. (1990). *Słownik symboli*. Warszawa: Wydawnictwo „Wiedza Powszechna”.
- Kozlovskii, V. (1983). *Sobranie russkikh vorovskikh slovarei v chetyrekh tomakh*. T. 1–4. New York: Chalidze.
- Kurka, A. (1907). *Słownik mowy złodziejskiej*. Lwów: Nakładem Autora. Druk Artura Goldmana Lwów.
- Likhachev, D.S. (1935). *Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoi rechi. V: Yazyk i myshlenie*. T. III–IV (354–398). Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Ludwikowski, W., Walczak, H. (1922). *Žargon mowy przestępców „Blatna muzyka”*. Ogólmy zbiór słów gwary złodziejskiej. Warszawa: Druk R. Szrajber.
- Maklakova, E.M. (2013). *Frazeologicheskie slovori s nazvaniyami zhivotnykh (leksikograficheskii obzor)*. V: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 3 (21), II, 121–123, <http://www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/32.html>, accessed: 15.12.2021.
- Mikhel'son, M.I. (1896–1912). *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanii*. T. 1–2. Khodyachie i metkie slova. Sbornik russkikh i inostrannykh tsitat, poslovits, pogovorok, poslovichnykh vyrazhenii i otdel'nykh slov (inoskazanii). St. Petersburg, <https://gufo.me/dict/mikhelson>, accessed: 21.10.2021.
- Milewski, S. (1971). *Gwara przestępcza i jej przenikanie do jzyka ogólnego*, Poradnik Językowy, 2, 92–101.
- Mokienko, V.M. (1996). *Ekspressivnost' frazeologicheskikh edinits. V: Problemy frazeologicheskoi semantiki (39–68)*, G.A. Lilich. (otv. red.). St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.

- Mokienko, V.M. (2019). *Animalisticheskaya frazeologiya v russkoi narodnoi rechi*. V: *Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh. Lingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* (15–30), Kh. Val'ter, V.M. Mokienko (otv. red.). Graissval'd–St. Petersburg: Universität Greifswald.
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2000). *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona*. St. Petersburg: «Norint».
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2007). *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok*. Moscow: «Norint».
- Nikolaeva, E.K. (2019). *Sviter s olenyami (o zoonivktivakh)*. V: *Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh. Lingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* (78–83), Kh. Val'ter, V.M. Mokienko (otv. red.). Graissval'd–St. Petersburg: Universität Greifswald.
- Pacula, J. (2020), *Nie tylko pies – o kilku animalistycznych nazwach funkcjonariuszy służb więziennych w historii polskiego socjolektu przestępczego*, Językovedný časopis, 71, 1, 91–108, <https://doi.org/10.2478/jazcas-2020-0013>.
- Peisert, M. (2004). *Formy i funkcje agresji werbalnej. Próba typologii*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Rak, M. (2007). *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar świętorzyskich i Podtatrza*. Kraków: Scriptum.
- Skawiński, J. (1999). *Zwierzęta w kulturze i języku – na materiale polskim i niemieckim*. Niepublikowana rozprawa doktorska napisana pod kierunkiem prof. dra hab. Jana Franciszka Miodka. Uniwersytet Wrocławski.
- Sklyarevskaya G.N. (1993). *Metafora v sisteme yazyka*. St. Petersburg: «Nauka».
- Stępiak, K. (1993). *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Londyn: Wydawnictwo Puls.
- Trakhtenberg, V.F. (2002). *Blatnaya muzyka. («Zhargon» tyur'my)*. Pod redaktsiei i s predisloviem Professora I.A. Boduen-de-Kurtene. Yuridicheskoe knizhnoe izdatel'stvo «Pravo». St. Petersburg 1908. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Institut für Slawistik.
- Vorob'eva, L.B. (2019). *Ustoichivye sravneniya s komponentom sobaka v russkom i litovskom yazykakh*. V: *Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh. Lingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* (191–194), Kh. Val'ter, V.M. Mokienko (otv. red.). Graissval'd – St. Petersburg: Universität Greifswald.
- Yablonskaya, O.G. (2015). *Analiz frazeologicheskikh edinits s komponentom zoonimom v sovremennom russkom yazyke*, Vestnik MDPU imya I.P. Shamyakina. Filalogichnyya navuki, <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-frazeologicheskikh-edinits-s-komponentom-zoonimom-v-sovremennom-russkom-yazyke/viewer>, accessed: 8.05.2022.

Таццяна Старасценка (Tatstsyana Starastsenka)

 <https://orcid.org/0000-0002-1632-6721>
tstarascienka@gmail.com

Рэалізацыя сэнсавых апазіцый у паэтычным дыскурсе Еўдакіі Лось

Implementation of Semantic Oppositions in the Poetic Discourse of Jeŭdakija Loś

Рэзюмэ

Мэтай дадзенага даследавання з'яўляецца аналіз лексіка-граматычных сродкаў сэнсавых апазіцый паэзіі Еўдакіі Лось як асновы паралелізму з адносінамі супастаўлення і супрацьпастаўлення. У артыкуле разглядаецца моўная рэпрэзентацыя сэнсавых апазіцый *жыццё – смерць, святло – цемра, цяпло – холад* як базавых універсальных катэгорый у дыскурсе беларускай паэткі Еўдакіі Лось. Пры характарыстыцы фактычнага матэрыялу ўлічваліся навуковыя падыходы Рамана Якабсона і Юрыя Лотмана, якія разглядалі ролю розных граматычных катэгорый у фарміраванні сэнсу.

Актуальнасць даследавання заключаецца ў паглыбленні разумення камунікатыўнага аспекту паэтычнага тэксту як дыялогу паміж аўтарам і чытачом. У артыкуле паказана асаблівасць дэкадавання сэнсу на аснове не толькі лексічных, але і граматычных рэпрэзэнтантаў. Гэта дазваляе пашырыць магчымасць аналізу паэзіі як арыгінальнай моўнай сістэмы, у якой словы, узаемадзейнічаючы адзін з адным, праяўляюць камбінаторныя прырашчэнні сэнсу. У выніку такога падыходу становіцца відавочнай роля чытача ў стварэнні сэнсу паэтычнага тэксту.

Выкарыстаная ў даследаванні функцыянальна-стылістычны і структурна-апісальны метады аналізу дазваляюць ахарактарызаваць ролю моўных сродкаў у мадэляванні стылю паэта.

Вывады артыкула пацвярджаюць эксплікацыю чытацкага сэнсу праз філасофскія апазіцыі і іх моўнае выражэнне. Вынікі праведзенага даследавання сведчаць аб важнасці далейшага вывучэння камунікатыўнай стылістыкі ў стварэнні дыялогу паміж паэтам і чытачом.

Ключавыя словы: сэнсавая апазіцыя, паралелізм, супастаўленне, супрацьпастаўленне, лексіка-граматычныя рэпрэзэнтанты.

Summary

The purpose of this study is to analyse the lexical and grammatical means employed in the semantic oppositions of Jeŭdakija Loś's poetry as the basis of parallelism with relations of comparison and opposition. The article deals with the linguistic representation of the semantic oppositions *life – death, light – darkness, heat – cold* as basic universal categories in the discourse of the Belarusian poetess Jeŭdakija Loś. When exploring the research material, the scientific approaches of Roman Jakobson and Yuri Lotman were taken into account, who studied the role of various grammatical categories in the formation of meaning.

The relevance of the study lies in deepening the understanding of the communicative aspect of the poetic text as a dialogue between the author and the reader. The article shows the feature of decoding of meaning on the basis of not only lexical but also grammatical representatives. This makes it possible to expand the possibility of analysing poetry as an original language system in which words, interacting with each other, show combinatorial increments of meaning. As a result of this approach, the reader's role in co-creation along with the poet becomes evident.

The functional-stylistic and structural-descriptive methods of analysis used in the study make it possible to characterize the role of linguistic means in modelling the poet's style.

The conclusions of the article confirm the explication of the reader's meaning through philosophical oppositions and their linguistic expression. The results of the study show the importance of further study of communicative style in creating a dialogue between the poet and the reader.

Keywords: semantic opposition, parallelism, comparison, juxtaposition, lexico-grammatical representatives.

Дыскурсны аналіз мастацкага тэксту абумоўлівае зварот да дыялогу, або сутворчасці, якая ўзнікае паміж аўтарам і чытачом. Пры дэкадаванні паэтычнага твора магчыма вылучэнне сэнсавых апазіцый, якія адлюстроўваюць адметнасць кантраснага светаўспрымання і дазваляюць стварыць непаўторныя вобразы. Праз лексіка-граматычныя сродкі і структуры тэксту гэтых апазіцый чытач можа змадэляваць ідыястыль паэта і такім чынам удзельнічаць у працэсе сутворчасці.

У паэтычным дыскурсе Еўдакіі Лось асноўнымі сэнсавымі апазіцыямі выступаюць *жыццё – смерць, святло – цемра, цяпло – холад*, якія разгортваюцца парадэгматычна. Для ідыястылю Е. Лось характэрна ідэя аб'яднання свету як аснова інтэгральнай паэтыкі. Паэтка «не властвуе над мірам, не камандуе ім, но соучаствуе с ним і бытуе в мире» (Рашковский, 2016, 79). Лірычны сюжэт «в большинстве случаев строится на параллелях и антитезах внешнего и внутреннего планов» (Кихней, 1997, 37). У кампаненце *жыццё* апазіцыі *жыццё – смерць* паралелізм унутранага плана ўзнікае на аснове двух вобразаў – брата і сястры, еднасці іх духоўнага свету. Фізічную смерць, эксплікаваную перфектам *Брат загінуў даўно*, перамагае памяць прэзенса з семай любві: *І журба, і сляза побач з ёю ступаюць*, якая ўзмацняецца ў азначэннях-меліяратывах: *Я не знаю, чаму пра сяцёр забываюць, / Як гавораць аб моцнай і вернай любві? (Сястра)*.

Сінтаксічны паралелізм як аснова анафары – простага двухсастаўнага сказа *Брат загінуў даўно* – супрацьпастаўляецца паралелізму еднасці дзвюх душ абстрактнага назоўніка *любоў* з імплікацыйнай несмяротнасці. Сема вечнага жыцця выводзіцца на аснове суб'ектыўнай мадальнасці верша *Брат* праз дзеяслоў няпэўнасці *здаецца*: *Мне здаецца, адчыніш дзверы*, лексему *мо* з дадатковым адценнем сумнення: *Мо адразу і не пазнаю і працягваецца ў індывідуальных акцыянальных дзеясловаў: Мы змайструем ізноў альтанку, / Набудуем хат для іпакоў; / Накіруемся ў лес ад ранку – / Накапаем малых дубкоў*. Адасобленае я сястры цяперашняга часу з сямантыкай пакуты і болю зліваецца ў *мы* будучага пастаяннай еднасці з братам. Прычым адасобленасць уключае ірэальную мадальнасць лірычнага перажывання я: *хай устане, загоіць раны, маладосць сваю дажыве; хай пацешыць ён матчын век; гарнітур хай адзене шлюбны; хай пляменнікаў дорыць сястры; хай ніколі не будзе стары*.

На думку І.У. Фаменкі, загадны лад дзеяслова робіць «настоящее время постоянным и обращенным в будущее» (Фоменко, 2002, 9). Цяперашні час выразнай мадальнасці лірычнага я сінанімізуецца з будучым у семе працягу жыцця. Інтэгральнасць паэтыкі Е. Лось на ўзроўні апазіцыі *жыццё – смерць* праяўляецца ва ўжыванні:

1) займенніка *мы*, які ўключае зямлячак. Загаломак верша *Зямлячкам* перасякаецца з вобразам сястрыц. Важнае для паэткі лірычнае *мы* праходзіць праз супрацьпастаўленне *сюжы вайны – светлыя гады і ўмацоўваецца ў меліяратыве парыў адзіны*, «преобразуясь в монологическое единство» (Макуренкова, 1994, 141);

2) градуальнасці *раніца – дзень – вечар – ноч* у паралелізме: *Я знаю, жыццё, з чаго ты складаеся: / З раніцы, поўнай трывог і планаў, / З дня, калі планам жыццё даецца, / З вечара, поўнага думак пра заўтра, / З ночы, поўнай нязбытных снамі (Я знаю, жыццё, з чаго ты складаеся...)*. Эфект падманутага чакання ўзнікае на аснове сінтаксічнага супастаўлення і лексічнага супрацьпастаўлення *дзень – ноч, раніца – вечар*. Жыццё, апрача семы 'актыўнасць', уключае і сему 'затуханне', якая сінанімізуе яго са смерцю;

3) паралелізму вобразаў жанчын і мужчын у семе 'смерць' і іх кантраснасці ў семе 'жыццё'. Проста дзяўчаты верша *Дзяўчаты мінулае вайны* эксплікаваны словазлучэннямі *няпудраныя вяснушкі; шынялі да пят; плакалі на развалінах; у лужах сцюдзёных мыліся; прычэсваліся пад дажджом; на косах сваіх журыліся* з сямантыкай жаночкасці, якая супярэчыла жорсткім правілам вайны. Дзеяслоў з семай смерці *гінулі* аб'ядноўвае мужчынскае і жаночае ў бязлітаснасці мінулага ліхалецця;

4) граматычнай апазіцыі *я – ты* з раз'яднаннем лірычных суб'ектаў на аснове жыцця і смерці і іх аб'яднання ў семе 'вечная памяць' (*Памяці бацькі*). На працягу ўсіх сямі фрагментаў верша *я і ты* існуюць разрознена, што зададзена ўжо ядзернай структурай першага фрагмента: *З доўгіх*

дошак труну майстравалі, / брус дубовы часалі на крыж, / у пяску залаценькім хавалі. Фізічная смерць бацькі не перашкаджае звяртацца да яго ў думках – паралелізм вобразаў самых родных людзей узнікае ў духоўным плане і эксплікуецца ў наступных фрагментах праз ацэначныя звароткі *даражэнькі тата; татуля; самы родны, неўміручы чалавек*. Загалавак верша з семантыкай вечнага жыцця кантрастуе толькі з ядзернай структурай першага фрагмента, а з ядзернымі структурамі іншых фрагментаў знаходзіцца ў сінанімічных адносінах. Назоўнікавая апазіцыя *маці – дачка* верша *Канцэрт* эксплікуе кантрасныя семы ‘жыццё’ (дачка) – ‘смерць’ (маці). Дзякуючы рэфрэну *Дзівоснае мецца-сапрана, / ave, Maria, ave!* вершаваны тэкст набывае дынаміку. З аднаго боку, рэфрэн раскрывае адрозненне паміж двума фрагментамі *Мірнае жыццё, Вайна*, а з другога – супастаўляе тэкставыя сегменты, ствараючы складанае семантычнае цэлае са значэннем вечнага жыцця. У выніку паміж ядзернымі структурамі фрагментаў – *Дзівоснае мецца-сапрана / гучыць аксамітна ў зале; Пайшла ў партызаны на волю, / на ічырую песню-памяць; Маці, не ты спяваеш / аб дарагім, нязбытным / і гарача сэрца кранаеш / голасам аксамітным?* – складваюцца адносіны перасячэння. Паміж ядзернымі структурамі першага і трэцяга фрагментаў узнікае семантычная кагезія праз ужыванне прыслоўя *аксамітна* і прыметніка *аксамітны*, а формы прэзенса незакончанага трывання *гучыць, спяваеш, кранаеш* актуалізуюць цяперашні пастаянны памяці;

5) паралелізму знешняга аб’екта з семай смерці і духоўнага стану з семай любові як працягу жыцця (*Я прачытала, што ў адной краіне...*). Мадальны план я выражае параўнальная канструкцыя *Мая зямля, ты болей дарагая, / чым тая, што не траціла нічога з ацэначным азначэннем дарагая*, супрацьпастаўленая прыналежным канструкцыям, якія анафарычна рэпрэзентуюць множнасць страт: *Твой кожны гмах на попеле замешан, / твой кожны колас выпасен крывёю*. Экспрэсія верша *Радзіма пачынаецца з двароў...* ствараецца анафарай *Радзіма пачынаецца з кантраснымі аб’ектамі двароў, вятроў – вайны; што не набыць, а толькі страціць можна*. Актуалізуецца антытэза *страта – набытак* як супрацьпастаўленне фізічнай смерці і духоўнага ўва-скрашэння;

б) паралелізму кантрасных вобразаў у сумеснасці іх існавання, у выніку чаго назоўны склон з семай смерці сінанімізуецца з месным семантыкі жыцця: *Па ўсёй зямлі – далёка, блізка – стаяць маўкліва абеліскі (Вайна); ва ўтульным садзіку – магілы (Лепель)*.

Інтэгральнасць на ўзроўні кампанента *святло* апазіцыі *святло – цемра* Е. Лось адбываецца праз зліццё лірычнага я з роднай мовай, паэзіяй і Айчынай, прычым найбольшая ступень кантамінацыі дасягаецца ў збліжэнні з паэзіяй. Так, у першым фрагменце верша *У кожным імгненні паэзія ёсць...* назоўны склон паэзіі сінанімізуецца з анафарычна ўзмоцненым месным лакатыву: *У кожным імгненні паэзія ёсць, / У кожным здзяйсненні – яе*

прыгажосць. / *У кожнай істоце – яе хада, / У кожнай бядоце – яе бяда.* Прынцып паралелізму, які «обуславлівае не толькі повтор фонем, слов, строф, фраз, просодических и синтагматических групп, но и грамматический параллелизм» (Рогоцкая, 2007, 20), супастаўляе аб'ектыўны і суб'ектыўны свет, збліжаючы іх семай 'еднасць'. Няпоўная кантамінацыя знешняга і ўнутранага характэрна для я і роднай мовы праз месны склон і акузатыў: *Калі і я ў табе пакіну след, / Хай не на ўсю ступню, хай напалову, – / Твая заслуга, казачнае слова (Роднай мове),* дапоўненыя семантыкай частковасці азначальнай канструкцыі.

Рэляцыйная пара *я – ты* ў адносінах да лірычнага героя і Айчыны аб'ядноўваецца не абагульненым *мы*, а сінтаксічнай анафарай з актуалізацыйнай зліцця: *Усе мае думкі з табою, Айчына, / Усе мае думкі з табою, зямля (Усе мае думкі з табою, Айчына...),* дзе я эксплікуецца прыналежнай канструкцыяй духоўнага свету. Такая ж эксплікацыя назіраецца і ў іншых кантэкстах: *Бачу – сонца маё ўстае (Мая любоў); Мая дарагая, мая залатая, / Крамлёўскія зоры, цяжкія рубіны; Горад мой мілы за вёрстамі дзесьці (Маскве, 31 снежня 1958 года).* Варта адзначыць, што *я і ты* маюць сваю «комбінаторыку оппозитий» (Флейшман, 2006, 38): *я* – на ўзроўні прыналежнасці: *Ах, Беларусь, мая ты доля, / Мая сляза і пацалунак (Ах, Беларусь, мая ты доля...)* з лексічным супрацьпастаўленнем *сляза – пацалунак*; *ты* – на ўзроўні тэмпаральнасці з актуалізацыйнай усечанай апазіцыі *мінулае – цяперашняе*, заснаванай на лексічных супрацьпастаўленнях: *Я цябе ведаю светлай, аконнай, / Ясныя зоры, садовы спакой. / Я ж цябе ведала беднай палоннай – / Самай бяздомнай, няўроднай, сляпой (Усе мае думкі з табою, Айчына...).* Мінулае, рэпрэзентаванае імперфектам, мае пеяратыўную аснову праз словазлучэнне *бедная палонная* і аналітычную прыметнікавую форму *самая бяздомная, няўродная, сляпая*. Сістэма меліяратыўных вобразаў цяперашняга выражае люстэркавую сіметрычнасць: *светлая; аконная; ясныя зоры; садовы спакой.*

Вобраз Айчыны ўключае антытэзу з градуальнай антанімічнай парай *дзяды – малыя*, дзе кампанент *сярэдня* ў значэнні 'сталыя' (*Косы*) эксплікуе няшчасце: *Ні ішасця ў іх, ні людскае сям'і, / Ні паратунку ад таемных слёз, / Ні радасці ад кос, цудоўных кос* праз «негации» (тэрмін Ю.І. Левіна [Левин, 1998, 57]), або негатыўныя канструкцыі, з раскрыццём тэмы немагчымасці, недахопу, адсутнасці. Апазіцыя верша *сярэдня/тыя*, звязаная з цяжкім пасляваенным быццём, нават існаваннем, жанчын сталага ўзросту і загінулымі мужчынамі, сінанімізуе фізічнае жыццё, пазбаўленае духоўнай паўнаты, са смерцю. Для паэтычнага дыскурсу Е. Лось характэрны аксюмаранны вобраз *сярэдняга пакалення*, які сумяшчае ў сабе супрацьпастаўленне *матэрыяльная беднасць – духоўнае багацце*: *А ўсё-ткі раслі, прыгажэлі на дзіва! / Калі не было і хлеба (Пра пакаленне).* Тэматычная лінія *сярэдняга пакалення* перасякаецца з тэматычнай лініяй моладзі, кантрастуючы па семах 'знешняе багацце' – 'ўнутранае багацце', прычым сема 'ўнутранае багацце' эксплікуецца праз

суб'ектыўную мадальнасць лірычнага я: *Ды мне маё даражэйшым здаецца, / З натруджаным добра крыллем*. Адначаснае функцыянаванне антонімаў *шчасце – гора* на ўзроўні агульнамоўнай семантыкі і сінанімічнасці *шчасця* і *гора* на ўзроўні паэтычнай структуры садзейнічае мастацкаму эфекту барацьбы, або эфекту падманутага чакання, пры якім паэзія стварае загадкавасць: *Кажуць, шчаслівае пакаленне / Тое, што зведала гора*.

Апазіцыя *святло – цемра* паэтычнага дыскурсу Е. Лось эксплікуецца на ўзроўні як інтэгральнасці, так і раз'яднанасці чалавечага і прыроднага свету. У адпаведнасці з гэтым можна вылучыць некалькі разнавіднасцей такіх адносін:

1) паралельны дыялагізм з семай *цемры* прыроды і чалавека, рэпрэзентаваны азначэннем і прэдыкацівам: *Пахмурным днём пахмурна на душы, параўнаннямі: Рашэнне будзе, нібы шэры дзень; А сябра, атрымаўшы просты ліст, / Зажурыцца, нібы асенні ліст (Пахмурным днём пахмурна на душы...)*;

2) дыялагічная апазіцыя прыроды і чалавека, калі псіхалагічны стан супрацьпастаўляецца прыроднай семантыцы хараства: *Здаецца, лета, а тры-вожна (Бабіна лета); Будзе дождж, а я жадаю буры (Захад пагасіў свае штандары...)*;

3) няпоўная дыялагічная апазіцыя з інтраспектыўнай асіметрыяй і сіметрычным вобразам прыроды. Вобразна-паэтычны цяперашні актуальны лірычнага я з дэйктычным паказчыкам *тут* мае сему няпэўнага ўнутранага стану: *Я тут расту. / Мне соладка і горка (Дома)*. У цяперашнім актуальным прыроды ўсе мастацкія дэталі верша рэалізуюць сему святла.

Неадназначная дыялектыка развіцця кахання апазіцыі *святло – цемра* рэпрэзентуецца праз адносіны рэляцыйнай пары *я – ты* з эксплікацыйнай *цемры*. Кантэкстуальна сярэднім кампанентам паміж *я* і *ты* выступае пранаміналізаваны парадкавы лічэбнік *другі* ў значэнні 'іншы', асабовы займеннік *ён* і ўказальны займеннік *той*. Іх сінанімізацыя садзейнічае стварэнню вобраза кахання як неад'емнага складніка кампанента *святла*. Цемра і святло рэпрэзентуюць выбар *я* паміж *ты* і *другім*, прычым у пары *я – ты* адсутнічае шчырая ўзаемнасць з боку *я*, што актуалізуецца дзеясловамі закончанага трывання з семантыкай мінулага кахання: *не здагадаўся ты ні (Калі вярнулася дамоў...); я так табой перахварэла; надзея на зары згарэла (Я так табой перахварэла...)*. Пачуцці пары *я – другі (ён, той)* фарміруецца дзеясловамі незакончанага трывання са значэннем працягу адносін: *чыё імя хавала ў сэрцы з даўніх пор (Калі вярнулася дамоў...); Ім дні жыла, яго начамі сніла, / Ён гордым птахам плыў перада мной (Калі б ты ведаў, кінуўся б, нябога...)*. У дыялектыцы кахання *я* зліваецца з *ты* і *другім* пры захаванні адпаведнай аспектуальнай семантыкі. *Мы* на аснове аб'яднання *я* і *ты* паступова «распадаецца» ў перфекце: *мы развіталіся ў цішы (Лістота кружыць, як сняжынкі...)*, *мы* як складнік *я* і *другога* актуалізуецца ў прэ-

зенсе: *Мне голас твой нагадвае другога, / Я не адна з табою – мы ўдваіх (Калі б ты ведаў, кінуўся б, нябога...)*. Узнікае аспектуальна-тэмпаральная апазіцыя *прошлы час закончанага трывання / цяперашні час незакончанага трывання* з вербалізацыяй дыялектыкі кахання.

У апазіцыі *цяпло – холад* Е. Лось інтэграцыя эксплікуецца на чатырох узроўнях:

1) прырода і чалавек, аб'яднанасць якіх актуалізуецца прыналежным займеннікам: *І бярозы мае вясёлыя; метафарамі: Да сцюжы непадрыхтаванай / бывае і душа сама (Нечаканы прыход зімы); У сэрцы маім не абсыпецца травень (Чаромхавы поезд);* параўнаннямі: *Мой час па-рознаму бяжыць: / То з гулам / як вясновы гром, / То ціхенька, нібы ручай, / То скокам-бокам, нібы ліст (Мой час па-рознаму бяжыць...)*. Для лірычнага я Е. Лось сувязь з прыродай адбываецца праз цеплыню анафарачнага *маё* з *парадыгмай мая, мой, супрацьпастаўленага холаду агульнага наша: У ім, нібы праменьчык сонца, / Цвіце маё на ясных гонях (Мы гучна услаўляем наша...)*. У адасабленні ад бязлікага *мы* ў форме прыналежнага *наша* магчыма знайсці гармонію як знешняга, так і ўнутранага быцця – гэта паэтычная філасофія Е. Лось эксплікуецца сэнсавай і граматычнай апазіцыямі. Верш *Мой мір неўміручы...*, пабудаваны на сінтаксічным паралелізме, стварае дыялагізм інтраспектыўнага і знешняга плана праз дзве тэматычныя лініі. У першай прыналежнай канструкцыі рэпрэзентуюць гарманічны ўнутраны стан лірычнага я, што пацвярджае таксама і прамы парадак слоў: *Мой мір неўміручы, / мой свет прасвятлёны, / мой жнівень цвітучы*. Зладжанасць духоўнага свету я зліваецца з наваколлем праз гукавую субструктуру верша – семантызаваныя комплексы *мі, св: 3 мірам – міруся, / У свеце – світаю*. Асабліва неабходна звярнуць увагу на паўторныя гукавыя элементы з устанавленнем пэўнай упарадкаванасці, як у прыведзеным прыкладзе, якая звязвае семантыку знешняга са значэннем гарманічнага ўнутранага стану;

2) чалавечы свет, еднасць якога рэпрэзентуецца ў Е. Лось паэзіяй і сынам. Рух насустрач у пары я (*паэт*) – людзі выражаецца формамі акцыянальнага дзеяслова *ісці* з залежнымі пазітыўнаацэнчымі прыслоўямі: *А людзі добрыя ідуць / Насустрач мне непалахліва; І я іду да іх аддана (Хоць кажучь, што няюць паэты...)*. Рух у пары я (*маці*) – сыноў мае аднабектарны напрамак з рознай эмацыянальна-экспрэсіўнай канатацыяй семантыка-стылістычных сінонімаў *ісці, плесціся* – упэўнена-жаданай, калі я вяртаецца з прыроднага свету, эксплікаванага верхам (неба) і нізам (ралля): *Я да цябе іду, душа святая, / ад неба, акіяна і раллі (Сыноў, сыноў...)*, і негатыўнай у выніку адмоўных кантактаў з людзьмі: *Я часам не іду – плятуся ў зморы / ад розных неспагадлівых людзей*. Пасля вяртання маці два лірычныя суб'екты «зліваюцца» ў *мы* сумеснага дзеяння: *стругаем, месім, бяром (У нашым доме сонечна, сыноў...)*. Нават у адасабленні ад сына, вербалізаванага дзеясловаўным словазлучэннем *вяду да вас*, прысутнічае сема еднасці прыналежнага

займенніка *сваё*: *Настаўніца першага класа, / вяду я да вас сваё ішчасце (Настаўніцы першага класа);*

3) прыродны свет, які сумяшчае цяпло і холад праз: а) вобразы чаромхі і лютага: *Я бачыла чаромху ў лютым (Чаромха ў лютым)*, прычым эксплікацыя холаду ўключае антытэзу *сююжаю прадзьмутым – палагаднелыя марозы*, другі кампанент якой мае сему цяпла. Яна таксама з’яўляецца складнікам вобраза майскага ветру, дапоўненага памяншальна-ласкальнай формай *халадок*: *Чаромха любіць халадок, / ёй даспадобы вецер майскі (Чаромха любіць халадок...);* б) парадыгму супрацьпастаўленняў *восень – зелянеюць таполі, чарот; спякота* з эксплікацыяй поўдня і *за гарамі зімовая сююжа – лета няма; зжатая ніва* (рэпрэзентанты Радзімы), у выніку чаго актуалізуецца інварыянтная апазіцыя гарызантальнай прасторы *тут/там (Якая там восень пад небам паўднёвым!..);*

4) Радзіма і чужына, прычым семантыка роднага краю пранікае ў далёкую поўнач праз аб’яднальны вобраз кветак, што садзейнічае сінанімізацыі кампанентаў *тут, там: Запунсавелі там на ўлонні, / Як дома, мальвы ля акон! (Яснавокія мальвы).*

Нягледзячы на кантамінацыю, калі «восстанавливается единство человека с миром» (Альфонсов, 2001, 64), Е. Лось дапускае альтэрнатыўны варыянт, які праяўляецца ў дэйктыках *тут і там*. Семантыка *там* разгортваецца праз цяпло поўдня і холад поўначы антытэзы *спякота – мароз* з найбольш эксплікаванай парадыгмай холаду: *ільды, завеі, зіма, пінгвіны, дзяды-марозы (Самалёты ляцяць у Мірны...), чэзлы, сіпла, шарэла, стылая (Яснавокія мальвы).* Кантрасны вобраз Радзімы дэйктычнага паказчыку *тут* рэпрэзентуецца семай множнасці паўторных канструкцый *Снегу, снегу – не праехаць, / Снегу, снегу – не прайсці! (Снегу, снегу...)* з узмацненнем значэння холаду і акцыянальнымі дзеясловамі прэзенса цяпла *абуджаюцца, уецца, набіраюць (Сакавік).* Тым не менш, лірычнае я Е. Лось аднолькава камфортна адчувае сябе і ў цяпле, і ў холадзе Бацькаўшчыны, што пацвярджае градацыйнасць кампанентаў *сююжа – дажджы – спёкі* сінтаксічнага паралелізму: *Дай перамерзнуць у сююжах тваіх, / Дай перамокнуць у сотнях дажджоў, / Дай перасмягнуць у тысячы спёк, / Мая дарагая Радзіма! (Дай перамерзнуць у сююжах тваіх...).*

Такім чынам, базавымі ўніверсальнымі катэгорыямі дыскурсу Е. Лось з’яўляюцца сэнсавыя апазіцыі *жыццё – смерць, святло – цемра, цяпло – холад*. Іх разнастайная лексіка-граматычная рэпрэзентацыя адбываецца праз рэляцыйную пару *я – ты* з эксплікацыяй інтымных і грамадзянскіх адносін. Інтэгральнасць паэтыкі Е. Лось праяўляецца на ўзроўні апазіцый *жыццё – смерць, цяпло – холад*, інтэгральнасць і раз’яднанасць чалавечага і прыроднага свету – на ўзроўні апазіцыі *святло – цемра*. Паэзія Е. Лось з эфектамі супастаўлення і супрацьпастаўлення ўяўляе адметную моўную сістэму, у якой словы, набываючы камбінаторныя прырашчэнні сэнсу, ствараюць выразныя індывідуальна-аўтарскія вобразы і становяцца паказчыкамі спецыфікі ідыястылю.

БІБЛІЯГРАФІЯ

- Альфонсов, В.Н. (2001). *Поэзия Бориса Пастернака*. Санкт-Петербург: САГА.
- Кихней, Л.Г. (1997). *Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла*. Москва: Диалог-МГУ.
- Левин, Ю.И. (1998). *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. Москва: Языки русской культуры.
- Макуренкова, С.А. (1994). *Джон Данн: поэтика и риторика*. Москва: Академия.
- Рашковский, Е.Б. (2016). *Философия поэзии, поэзия философии*. Санкт-Петербург: Алтейя.
- Рогоцкая, И.В. (2007). *Проблемы анализа художественного и поэтического текста*. Ярославль: Издательство Ярославского государственного педагогического университета.
- Флейшман, Л. (2006). *От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Фоменко, И.В. (2002). *Три статьи о поэтике: Пушкин. Тютчев. Бродский*. Тверь: Издательство Тверского государственного университета.

- Al.'fonsov, V.N. (2001). *Poeziya Borisa Pasternaka*. St. Petersburg: SAGA.
- Fleishman, L. (2006). *Ot Pushkina k Pasternaku. Izbrannye raboty po poetike i istorii russkoi literatury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Fomenko, I.V. (2002). *Tri stat'i o poetike: Pushkin. Tyutchev. Brodskii*. Tver: Izdatel'stvo Tverskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Kikhnei, L.G. (1997). *Poeziya Anny Akhmatovoi. Tainy remesla*. Moscow: Dialog-MGU.
- Levin, Yu.I. (1998). *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Makurenkova, S.A. (1994). *Dzhon Dann: poetika i ritorika*. Moscow: Akademiya.
- Rashkovskii, E.B. (2016). *Filosofiya poezii, poeziya filosofii*. St. Petersburg: Aleteiya.
- Rogotskaya, I.V. (2007). *Problemy analiza khudozhestvennogo i poeticheskogo teksta*. Yaroslavl: Izdatel'stvo Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.

Светлана Шаховская (Svetlana Shakhovskaya)

 <https://orcid.org/0000-0001-7151-1877>
vetryk@mail.ru

З мікратапанімічнага кантынуума Уздзеншчыны

From the Microtoponymic Continuum of the Uzda Region

Рэзюмэ

У беларускай лінгвістыцы акрэслілася пытанне пра неабходнасць захавання назваў дробных геаграфічных аб'ектаў. Асноўная мэта артыкула – фіксацыя і аналіз мікратапанімаў Камяноўскага сельскага савета як часткі тапанімічнага кантынуума Уздзеншчыны. Аналізу мікратапанімічных адзінак адзначанай тэрыторыі прысвечана адзіная навуковая публікацыя Р. А. Філіповіч, дзе вывучаюцца мікратапанімы в. Куль Уздзенскага раёна.

Матэрыял для даследавання сабраны аўтарам артыкула ад інфарматараў – жыхароў даследаванай тэрыторыі і прааналізаваны ў структурным і семантычным плане.

Вылучаюцца мікратапанімы адонімнага і адапелятыўнага паходжання. Адапонімыя найменні ўтвараюцца шляхам ад'ектывацыі ад назваў вёсак і шляхам прамого перанясення назвы больш буйнога аб'екта на больш дробны. Адантрапонімыя адзінкі ўтвараюцца звычайна ад прозвішча, імя або мянушкі чалавека, на тэрыторыі якога знаходзіцца геаграфічны аб'ект. Мікратапанімы адапелятыўнага паходжання часта матываваныя знешнім выглядам або ўнутранымі характарыстыкамі геаграфічных аб'ектаў; асаблівасцямі прыроднага асяроддзя; аб'ектамі, што ўзвышаюцца над тэрыторыяй; адлюстроўваюць эканамічныя працэсы і захоўваюць памяць пра гістарычныя падзеі, заняткі людзей.

Ключавыя словы: Уздзеншчына, мікратапанімы, паходжанне, структура.

Summary

The question of necessity to preserve the names of small geographical sites has emerged in Belarusian linguistics. The main purpose of the article is to identify and analyse the microtoponyms of the Kamenkovsky Village Council as part of the toponymic continuum of the Uzda region. One scientific publication by R. A. Filippovich is devoted to the analysis of the microtoponymic units of marked territory, where microtoponyms of the village of Kul of Uzda district are studied.

The author of the article collected the material for the study by talking to the residents of the studied area and analysed it in structural and semantic terms.



Received: 24.12.2021. Verified: 04.03.2022. Accepted: 02.09.2022.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

Microtoponyms of onym and appellative origin are distinguished. Toponymic names are formed by adjectivation from the names of villages and by direct transferring of the name of a larger site to a smaller one. Anthroponymic units are usually formed from the full name or nickname of the person on whose territory a specific geographical site is located. Microtoponyms of appellative origin are often motivated by the appearance or internal characteristics of geographical items; features of the natural environment; structures towering over the territory; they also reflect economic processes and keep the memory of historical events, people's occupations, etc.

Keywords: Uzda region, microtoponyms, origin, structure.

Назвы дробных геаграфічных аб'ектаў, хоць яны і вядомы невялікім групам людзей, звычайна – насельнікам абмежаванай тэрыторыі, заўсёды з'яўляліся самым пашыраным ва ўжыванні і самым запатрабаваным тыпам тапонімаў. «Мікратапонімы, – адзначае Я.М. Адамовіч, – важная крыніца вывучэння гісторыі, геаграфіі, этнаграфіі, мовы, археалогіі» (Адамовіч, 1971, 5), а іх колькасць «у сотні разоў перавышае тапанімію» (Адамовіч, 1971, 8). Уся гаспадарчая дзейнасць людзей пэўнай тэрыторыі так ці іначэй звязана з дробнымі геаграфічнымі аб'ектамі, размешчанымі навокал. Таму літаральна кожны пагорак і кожная ямка раней мелі сваё ўласнае імя. Са звужэннем сферы народнай гаспадаркі, заняпадам калгасаў і саўгасаў пачалі страчвацца і мікратапонімы – найменні ўрочышчаў, палёў, дарог, частак лесу, паляў і г. д. Разумеючы неабходнасць захавання беларускай мікратапанімічнай лексікі, шматлікія лінгвісты звярнуліся да фіксацыі і апрацоўкі рэгіянальнай мікратапаніміі.

У рамках навукова-даследчай работы *Мікратапанімічны лінгваландшафт Беларусі* навукоўцы Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі на чале з В.А. Шклярыкам стварылі электронную базу *Бібліяграфія па беларускай мікратапаніміцы*. Яна ўключае пералік прац, датаваных 1959–2020 гг., прысвечаных апісання беларускай мікратапаніміі, за выключэннем публікацый з аналізам тапонімаў архіўных крыніц і помнікаў пісьменства. На снежань 2021 года база ўключае каля 500 бібліяграфічных апісанняў. Аднак, хаця агульная колькасць навуковых прац, прысвечаных вывучэнню назваў дробных геаграфічных аб'ектаў, уражвае, больш дэталёвае знаёмства з базай паказвае, што фіксацыя і вывучэнне мікратапонімаў у розных рэгіёнах Беларусі адбываецца нераўнамерна. Так, апісання мікратапонімаў некаторых рэгіёнаў прысвечаны дзясяткі навуковых артыкулаў (напрыклад, Гродзенскі і Столінскі раёны), а аналізу іншых – адзінкавыя працы. У сувязі з тым, што мікратапанімічная прастора Уздзеншчыны аналізуецца толькі ў адной навуковай працы¹, нязначная колькасць мікратапонімаў адзначанай мясцовасці

¹ Філіповіч, Р.А. (2020). *Вёска Куль: страчаная спадчына*. В: *Першы Рэспубліканскі краязнаўчы форум Беларусі ў рамках Года малой радзімы*, Т. 2 (425–429), Карлюкевіч А.М. (старшыня) і інш. (ред.). Мінск: Чатыры чвэрці.

фіксуецца ў *Мікратапаніміі Беларусі* (Мінск, 1974), лічым неабходным звярнуцца да вывучэння хаця б пэўнай часткі мікратапанімаў дадзенага рэгіёну (мікратапаніміі Камянкоўскага сельскага савета) у сваім артыкуле².

Як і ў астатніх рэгіёнах Беларусі, значная частка назваў дробных геаграфічных аб'ектаў даследаванай тэрыторыі – найменні *адонімнага паходжання*.

Адтапанімныя мікратапанімы часта ўтвараюцца ад назваў вёсак, побач з якімі знаходзіцца геаграфічны аб'ект, шляхам канструявання адкамонімнага ад'ектыва. Акрамя таго, пры называнні дробнага геаграфічнага аб'екта інфарматыры ў склад мікратапаніма ўключаюць апелятыў – родавую назву геаграфічнага аб'екта, пра які ідзе гаворка. Так утворана большасць назваў лясоў і дробных водных аб'ектаў даследаванай тэрыторыі: *Віркоўскі Лес* – лес каля в. Віркова; *Камянскі Лес* – лес каля в. Камяное; *Нізаўскі Лес* – лес каля в. Нізок; *Чашынскі Лес* – лес каля в. Чашын; *Палядскае Балота* – балота каля в. Палядзі; *Слабадскае Вёзера* – возера каля в. Слабада; *Чашынскае Вёзера* – возера каля в. Чашын; *Румоўскае Вёзера* – возера каля в. Румок. Уключэнне апелятыва ў склад мікратапанімаў, відаць, звязана з тым, што адкамонімнае паходжанне часам маюць адразу некалькі найменняў дробных геаграфічных аб'ектаў, што знаходзяцца побач з вёскай. Напрыклад, *Чашынскі Лес*, *Чашынскае Вёзера*, *Чашынская Дарога*. Аднак пры навуковай апрацоўцы і лексікаграфічнай фіксацыі мікратапанімаў такое пашырэнне онімнай адзінкі за кошт родавай назвы геаграфічнага аб'екта падаецца немэтазгодным.

Адзначаюцца і мікратапанімы, утвораныя шляхам прамога перанясення назвы больш буйнога аб'екта (звычайна назвы вёскі) на больш дробны (поле, урочышча): *Жачкава* – урочышча каля в. Жачкава; *Ляскі* – поле побач з хутарам *Ляскі*; *Заямнае* – возера паміж вв. Заямнае і Слабада, *Чамярычнае* – поле каля в. Чамярычнае, *Сітнікі* – балота побач з в. Сітнікі.

Ад назваў больш значнага тапанімічнага аб'екта, побач з якім знаходзяцца, утвораны некаторыя мікратапанімы-арыенціры даследаванай тэрыторыі. У структуру наймення поля *Пад Зоркай*, а таксама – назвы часткі лесу *Пад Камянёе* ўваходзяць камонімы – назвы вёсак *Зорка* і *Камяное*.

Вядомы савецкі анаталаг У.А. Ніканаў, а следам за ім В.М. Емельяновіч называлі тапонімы-арыенціры «эмбрыёнамі назваў», якія толькі знаходзяцца на шляху фармалізацыі (Емельяновіч, 1980, 78). Дадзенае меркаванне пацвярджаецца тым, што некаторыя тапонімы-арыенціры сёння суіснуюць побач з больш познімі па сваім ўтварэнні ад'ектыўнымі найменнямі, якія выкарыстоўваюцца для называння адных і тых жа геаграфічных аб'ектаў. Побач з назвай *Камянскі Лес* для наймення лесу каля в. Камяное

² Назвы дробных геаграфічных аб'ектаў запісаны ад жыхароў вёсак даследаванай тэрыторыі Т.І. Вярбіцкай (1962 г. н.), А.В. Пятрыка (1961 г. н.), У.А. Шахоўскага (1960 г. н.).

выкарыстоўваецца мікратапонім-арыенцір *Пад Камянёе*. Адпаведная сітуацыя назіраецца ва ўжыванні некаторых апаелятыўных назваў: лімноніма *Базаўскі Вадаём* разам з мікратапонімам-арыенцірам *За Базай*, назвы *Маяк* для поля каля в. Чамярычнае побач з мікратапонімам *Пад Маякóm*. Відаць, у хуткім часе тапонімы-ад'ектывы і тапонімы-субстантывы выцясяняць адпаведныя мікратапонімы-арыенціры.

Адантрапонімныя мікратапанімічныя адзінкі ўтвараюцца звычайна ад прозвішча, імя або мянушкі чалавека, на тэрыторыі якога змяшчаецца геаграфічны аб'ект, шляхам далучэння прыналежнага прыметніка да апаелятыва. Так, назва *Малеева Балота* побач з в. Жачкава ўтворана ад прозвішча чалавека, хутар якога знаходзіўся на адпаведнай тэрыторыі. Так жа ўтварыліся мікратапонімы *Цырына Балота* (балота каля в. Суткі) і *Сялётаў Куток* – поле каля в. Ануфрова.

На даследаванай тэрыторыі было адзначана 6 мікратапонімаў-арыенціраў адантрапонімнага паходжання. Усе найменні ўтвораны па класічнай для тапонімаў-арыенціраў мадэлі: *прыназоўнік пад (за) + онім*, дзе онім – прозвішча людзей, побач з жыллём якіх знаходзяцца геаграфічныя аб'екты. Такі тып намінацыі асабліва часта выкарыстоўваецца пры называнні дробных водных аб'ектаў Камянкоўскага сельскага савета. Так, мікратапонімы *Пад Казлёнка*, *Пад Бабіча*, *Пад Бэсмана* з'яўляюцца найменнямі для вадаёмаў, што знаходзяцца побач з хатамі людзей па прозвішчы *Бабіч* і *Казлёнак*, а таксама побач з урочышчам, дзе раней быў хутар чалавека па прозвішчы *Бэсман*. Форма вінавальнага (а не меснага) склону замацавалася ў гэтых назвах, відавочна, таму, што ў маўленні яны заўсёды спалучаюцца з дзеясловам *пайсці (пайшоў лавіць рыбу Пад Бабіча, Пад Казлёнка, Пад Бэсмана)*, ужывання формаў меснага склону (тыпу *налавіў Пад Бабічам, Пад Бэсманам*) намі не зафіксавана. Гэта дае падставу гаварыць пра нязменнасць такога роду назваў.

Як адзначае В.А. Жучкевіч, «ценность топонимических материалов объясняется прежде всего устойчивостью географических названий, которые сохраняются даже в тех случаях, когда явления, его породившие, изменились или перестали существовать...» (Жучкевіч 1961, 3). Для навукоўца найменні страчаных геаграфічных аб'ектаў уяўляюць не меншую цікавасць, чым назвы аб'ектаў існуючых, «если для современной географии они больше ничего не значат, в языке они могли оставить определенный след и повлиять на дальнейшее развитие топонимических моделей и систем» (Суперанская, 1985, 8). Да назваў страчаных геаграфічных аб'ектаў Уздзеншчыны належаць найменні былых хутароў, якія замацаваліся за ўрочышчамі, дзе раней знаходзілася чалавечае жылло.

Большасць мікратапонімаў даследаванай тэрыторыі, якія называюць урочышчы на месцы былых хутароў, утворана з фармантам *-шчына (-оўшчына /-аўшчына /-еўшчына)*: *Бэсманаўшчына* – урочышча на месцы былога хутара побач в. Варацішчы; *Дзынгароўшчына* – урочышча каля в.

Нізок, дзе раней быў хутар і салдацкія зямлянкі; *Лісаўшчына*, *Малееўшчына* – урочышчы каля в. Камяное; *Мураўішчына*, *Наўрৌшчына* – урочышчы каля в. Мрочкі; *Луцэвішчына*, *Рудакоўшчына* – урочышчы каля в. Глінкі; *Мядзвэжчына* – урочышча каля в. Віркова; *Панкратышчына* – урочышча каля в. Смаляры; *Уласаўшчына* – урочышча каля в. Жачкава.

Аналізуючы мікратапанімію Стаўбцоўшчыны, А.М. Прышчэпчык адзначала, што характэрнай рысай назваў са словаўтваральным фармантам *-шчына* з’яўляецца тое, «што ўсе яны ўтвораны ад імя, мянушкі, прозвішча, назвы прафесіі ці занятку чалавека ў той час, калі аб’ект перастаў быць уласнасцю гэтага чалавека» (Прышчэпчык, 1970, 117). Відавочна, прыведзеныя вышэй назвы ўзніклі ад ўласных імёнаў гаспадароў хутароў (*Малееўшчына* – ад прозвішча *Малееў*, *Рудакоўшчына* – ад *Рудакоўскі*, *Луцэвішчына* – ад *Луцэвіч* і г. д.) у часы, калі хаты пачалі сцягваць у адно месца з мэтай утварэння вёсак, і замацаваліся за ўрочышчамі на іх былым месцы.

Мікратапанім *Забугайшчына* (урочышча каля в. Нізок), відаць, служыў найменнем не для месца, дзе непасрэдна быў хутар, а для ўрочышча паблізу хутара чалавека з мянушкай ці прозвішчам *Бугай*. Аналізуючы структуру тапонімаў-арыенціраў Пружаншчыны, В.М. Емельяновіч адзначае, што мікратапонімы з такой структурай толькі ў плане сінхраніі з’яўляюцца прэфіксальна-суфіксальнымі, «а ў плане дыяхраніі выяўляецца іх генетычная сувязь з прыназоўнікавымі канструкцыямі» (Емельяновіч, 1980, 82).

Без названага фарманта ўтвараюцца нешматлікія адантрапонімныя назвы ўрочышчаў на месцы былых хутароў. Побач з назвай *Мядзвэжчына* для наймення адпаведнага ўрочышча ўжываецца назва *Мядзвэдскія*, утвораная ад прозвішча гаспадароў былога хутара без фарманта *-шчына*. Урочышча, дзе раней жылі людзі, побач з в. Смаляры называецца *Купрэ́ха* (ад уласнага імя ўладальніка былога хутара *Купрэя* або, магчыма, ад наймення жонкі па мужу *Купрэ́ха*).

На адантрапанімічнае паходжанне ўказвае суфікс мікратапоніма *Жмо́рава*, які служыць найменнем для балота і часткі лесу каля в. Суткі.

Мікратапонімы *адапелятыўнага* паходжання часта матываваныя знешнім выглядам або ўнутранымі характарыстыкамі геаграфічных аб’ектаў, якія называюць (Жучкевіч, 1961, 19)³.

Так, на тэрыторыі Камянкоўскага сельскага савета зафіксавана некалькі найменняў дробных водных аб’ектаў (невялікіх азёраў, сажалак, балот), што характарызуюць знешні выгляд, памеры, асаблівасці азёрнай катлавіны, тэмпературу і якасць вады: *Вір* – вадаём каля в. Свінка; *Паплóўчык*⁴ – вадаём у в.

³ Класіфікацыя мікратапонімаў *адапелятыўнага* паходжання прыводзіцца згодна тыпам тапонімаў, якія вылучыў В.А. Жучкевіч.

⁴ Сёння на месцы названага воднага аб’екта засталася толькі лагчына, парослая травой, але назва захавалася.

Гарадок; *Студзенка* – лясны вадаём непадалёку ад в. Варацішчы; *Шырокае Балота* – балота каля в. Чамярычнае; *Чыстыя Пруды* – штучна створаны вадаём за в. Войкава (назва сучасная, таму не зусім упісваецца ў мікратапанімічную прастору даследаванай тэрыторыі). Балота *Каланічнае*, што знаходзіцца каля в. Сітнікі, магло атрымаць такую назву ад апелятываў *каланіца* – «калёсная мазь з дзёгцю» (Мацкевіч, 1980, 366) або *кал*, *калі* ўлічваць, што гэтым словам называюць *гразь*, *гной*, *бруд* увогуле (Мацкевіч, 1980, 365).

Знешні выгляд прадвызначыў і ўзнікненне мікратапоніма *Вілы* (частка лесу каля в. Свінка). Найменне *Штань* атрымала з-за свайго падабенства па форме да адпаведнага віду адзення развілка ў лесе каля в. Віркова. *Звяздбій* мясцовыя жыхары называюць частку лесу, расчышчаную людзьмі, паляну ў выглядзе зоркі ў лесе побач з в. Варацішчы, якая была створана ў савецкія часы для патрэб мясцовай школы. Найменне *Цыпель* для тонкай паласы лесу каля в. Мрочкі, падобна, матывавана назвай прыстасавання, якое раней выкарыстоўвалі для збору смалы з дрэваў: «Цыпаль м. 1. Дошчачка з паглыбленнем, латок...» (Мацкевіч, 1985, 371). Найменне *Уёнка* мае невялікі прыток р. Лоша каля в. Рачыца, назва матывавана асаблівацямі формы ракі (і магла быць утворана ад дзеяслова *віцца*).

У залежнасці ад таго, ці засаджана тэрыторыя лесам, некаторыя геаграфічныя аб'екты атрымалі найменні, што ўключаюць супрацьлеглыя характарыстыкі. Мікратапонім *Астравок* замацаваўся за невялікім лесам побач з в. Мрочкі, таму што вакол гэтага лесу знаходзіцца поле; *Ляскі* – назва ўрочышча, дзе раней быў хутар, каля в. Мрочкі. *Лысай Гарой* мясцовыя жыхары называюць расчышчаную ад дрэў частку лесу паміж вв. Румок і Слабада; *Палянкай* – месца без дрэў у лесе побач з в. Нізок. Найменне *Пожар* маюць частка *Камянскога* лесу, а таксама поле каля в. Камяное, якое, відавочна, было створана шляхам спальвання дрэваў на месцы, дзе раней быў лес.

Асобную групу мікратапонімаў складаюць назвы, якія характарызуюць рэльеф мясцовасці (Жучкевич, 1961, 37), дзе знаходзяцца аб'екты. Да гэтай групы належаць уласныя назвы наступных аб'ектаў: *Перашкода* – урочышча каля в. Глінкі; *Красная Гара* – узвышанасць у лесе каля в. Сітнікі; *Каўказскія Горы* – урочышча каля в. Віркова. Трэба адзначыць, што ўсе гэтыя назвы метафарычныя. Найменне балота паміж вв. Ануфрова і Камяное *Язвіны* паходзіць ад апелятыва *язвіна*, які абазначае «глыбокую балаціну сярод сухога месца» (Шклярык, 2017, 78).

Пры класіфікацыі складаных мікратапонімаў трэба ўлічваць такія факт, што кожная частка анамастычнай адзінкі магла быць створана на розных падставах. Так, у назве вырубкі каля в. Нізок *Лосева Сцёнка* апелятыў *Лосева* ўказвае на ўзнікненне назвы ад уласнага імя, а *сценка* абазначае мяжу, дарожку паміж часткамі нейкага цэлага аб'екта (Шклярык, 2017, 132), г. зн. адносіць мікратапонім да групы найменняў матываваных апелятывамі са

значэннем межавых аб'ектаў. Мікратапонімы *Салдацкая Палянка* (паляна ў лесе побач з балотам *Жмóрава* каля в. Суткі) і *Партызáнская Палянка* (месца, дзе ў ваенныя часы хаваліся партызаны, побач з в. Суткі) адносна лексемы *палянка* (незарослае дрэвамi, кустамi месца сярод лесу) належаць да групы мікратапонімаў, якія характарызуюць месца паводле наяўнасці або адсутнасці дрэў /лесу на тэрыторыі, а лексемы *салдацкая, партызанская* патрабуюць аднясення ўказаных адзінак намінацыі да групы онімаў, якія характарызуюць заняткі людзей. У мікратапоніме *Сялётаў Куток* першая частка відавочна адантрапонімнага паходжання, а другая характарызуе геаграфічны аб'ект з боку яго размяшчэння адносна іншых частак паселішча.

Паводле асаблівасцей пасадак атрымалі свае назвы некаторыя лясы ў раёне вв. Варацішча, Навасады (страчаная назва вёскі – Бабалі), Войкава. Лес паміж указанымі вёскамі называецца *Квартáлы*. Кожная з трох пасадак, на якія дзеліцца гэты лес, мае сваю ўласную назву: *Пéршыя Квартáлы, Другія Квартáлы* і *Трэ́ція Квартáлы*.

Частка мікратапонімаў Камянкоўскага сельскага савета характарызуе асаблівасці прыроднага асяроддзя – расліннасць, глебава-грунтавыя ўмовы, жывёльны свет (Жучкевич, 1961, 35).

Па найменні раслін, лясных масіваў дробным геаграфічным аб'ектам даследаванай тэрыторыі дадзены назвы: *Бараві́нка* – поле каля в. Чамярычнае; *Вішнякі* – урочышча за могілкамі каля в. Глінкі; *Дубы́* – урочышча каля в. Адрынішчы, *Найдубава* – кар'ер за в. Роспы, месца, дзе раней быў хутар. Ад апелятыва *каноплі* ўзнікла назва могілак, што знаходзяцца каля в. Глінкі, – *Канapéлькі*.

Глеба-грунтавыя ўмовы сталі падставай для наймення поля каля в. Віркова метафарычным мікратапонімам *Браняві́к* (з-за вялікай колькасці камянёў на ўказаным полі). Месца, дзе раней здабывалі гліну для вытворчасці цэглы, побач з в. Глінкі называецца *Гліні́шчам*.

Часта мікратапонімы паходзяць ад апелятываў, якія называюць аб'екты, што ўзвышаюцца над тэрыторыяй і бачны здалёк:

Свойствами, достаточными для их специального выделения, обладают не все физико-географические объекты, а лишь наиболее крупные, благодаря чему они приметны и широко известны, или объекты причудливой формы, мимо которых невозможно пройти, не обратив на них внимания (Суперанская, 1985, 24).

Так, для наймення поля каля в. Мрочкі выкарыстоўваецца мікратапонім-арыенцір *Пад Ёлкай* – на полі расце высокае старое дрэва, на якое арыентуюцца людзі, калі трэба знайсці ўказаны геаграфічны аб'ект. Поле каля в. Чамярычнае называецца *Пад Маяко́м* – на яго тэрыторыі стаіць аглядавая вышка леснікоў. Сажалку каля базы (месца, дзе захоўваецца сельскагаспадарчая тэхніка саўгаса «Гарадок») называюць мікратапонімам-арыенцірам *За Ба́зай*. Паводле аб'екта, змешчанага на дадзенай тэрыторыі,

атрымала найменне *Леснічоўка* база адпачынку ў Слабадскім лясніцтве; *Курганы* – месца пахавання салдат ваенных часоў каля в. Мрочкі; *Возера* – найменне ўрочышча каля в. Віркова, дзе раней было возера, якое з часам поўнасьцю высахла.

Сустрэкаюцца на даследаванай тэрыторыі адапелятыўныя назвы, якія адлюстроўваюць эканамічныя з’явы і ўяўляюць цікавасць для вызначэння некаторых пытанняў гісторыі народнай гаспадаркі, эканамічнай геаграфіі, гісторыі (Жучкевич, 1961, 39). У дадзенай групе вылучаюцца назвы, што ўказваюць на прадпрыемства, вытворчасць, якая знаходзілася ці знаходзіцца ў дадзеным пасяленні (Жучкевич, 1961, 42). *Фэрмерскі* – поле каля в. Старыя Маргі. Урочышча за в. Глінкі атрымала назву *Аэрадром* па той прычыне, што ў савецкія часы там знаходзілася месца пасадкі мясцовага самалёта, пры дапамозе якога апрацоўвалі ад шкодных насякомых калгасныя палі. *Кіргічнае* – былая назва кар’ера побач з в. Глінкі, дзе здабывалі гліну для невялікага завода па вырабу цэглы, што знаходзіўся там у савецкі час. Са знікненнем завода геаграфічны аб’ект вярнуў сваю былую назву – *Глінішча*.

Мікратапонімам, які ўказвае на занятакі насельніцтва і яго вытворчыя навыкі, з’яўляецца найменне хутара *Смаляры*.

Да нашага часу на даследаванай тэрыторыі захаваліся наступныя адонімныя і адапелятыўныя найменні дарог і іх частак, якія характарызуюць асаблівасці транспартных шляхоў (Жучкевич, 1961, 45): *Мінскі Гасцінец* – былая ваенная дарога, што праходзіць па лесе побач з вв. Глінкі і Мрочкі. Для наймення дадзенага геаграфічнага аб’екта выкарыстоўваецца і варыянтная назва *Мінскі Шлях*. Дарога па лесе побач з в. Суткі называецца *Суткаўскім Гасцінцам*. Гасцінец – «вялікая бойкая дарога, звычайна абсаджаная дрэвамі; шлях, тракт» (Баханькоў, 1978, 39). Новая асфальтаваная дарога побач з в. Войкава называецца *Гравёйка* (у аснове назвы рускае слова *гравий* – дарога пасыпана жвірам). Перакрыжаванне дарог у лесе недалёка ад хутара Ляскі каля в. Мрочкі мае метафарычную назву *Сем Дарог*.

Назіранні за мікратапаніміяй Камянкоўскага сельскага савета даюць падставы сцвярджаць, што са звужэннем гаспадарчага выкарыстання навакольных зямель у значнай ступені перасталі ўжывацца і забыліся назвы большасці дробных геаграфічных аб’ектаў наваколля. Толькі іх своечасовая фіксацыя і навуковы аналіз дазваляць не страціць каштоўны тапанімічны матэрыял, які захаваў у сабе звесткі пра мінулае і сучаснае жыццё насельніцтва Уздзеншчыны.

БІБЛІЯГРАФІЯ

- Адамовіч, Я.А. (1971). *Мікратапанімічныя назвы*. Мінск: Вышэйшая школа.
 Баханькоў, А.Я. (рэд.). (1978). *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя.

- Емельянович, В.М. (1980). *Назвы-арыенціры ў мікратапаніміі Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці*, Беларуская мова, 7, 76–84.
- Жучкевич, В.А. (1961). *Происхождение географических названий (топонимика) Белоруссии*. Минск: Издательство Белгосунiversитета имени В.И. Ленина.
- Мацкевіч, Ю.Ф. (рэд.). (1980). *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Мацкевіч, Ю.Ф. (рэд.). (1986). *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Прышчэпчык, А.М. (1970). *Мікратапонімы Стаўбцоўшчыны з суфіксам -шчына /-оўшчына /-еўшчына*. В: *Пытанні беларускай тапанімікі* (117–122), М.В. Бірыла, В.А. Жучкевіч, П.П. Шуба (рэд.). Мінск: Вышэйшая школа.
- Суперанская, А.В. (1984). *Что такое топонимика?* Москва: Наука.
- Шклярый, В.А. (2017). *Мікратапанімія Усходняга Палесся ў кантэксце развіцця рэгіянальнай лексічнай сістэмы*. Мінск: Беларуская навука.

- Adamovich, Ya.A. (1971). *Mikratapanimichnyya nazvy*. Minsk: Vysheishaya shkola.
- Bakhan'koŭ, A.Ya. (ed.). (1978). *Tlumachal'ny sloŭnik belaruskai movy*. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsyklopedyya.
- Emel'yanovich, V.M. (1980). *Nazvy-aryentsiry ŭ mikratapanimii Pruzhanskaga raena Brestskai voblastsi*, Belaruskaya mova, 7, 76–84.
- Matskevich, Yu.F. (ed.). (1980). *Sloŭnik belaruskikh gavorak paŭnochna-zakhodnyai Belarusi i yae pagranichcha*. Minsk: Navuka i tekhnika.
- Matskevich, Yu.F. (ed.). (1986). *Sloŭnik belaruskikh gavorak paŭnochna-zakhodnyai Belarusi i yae pagranichcha*. Minsk: Navuka i tekhnika.
- Pryshchepchyk, A.M. (1970). *Mikrataponimy Staŭbtsoŭshchyny z sufiksam -shchyna /-oŭshchyna /-eŭshchyna*. V: *Pytanni belaruskai tapanimiki* (117–122), M.V. Biryła, V.A. Zhuchkevich, P.P. Shuba (ed.). Minsk: Vysheishaya shkola.
- Shklyaryk, V.A. (2017). *Mikratapanimiya Uskhodnyaga Paleussy ŭ kantehtse razvitsysya regyanal'nai leksichnai sistemy*. Minsk: Belaruskaya navuka.
- Superanskaya, A.V. (1984). *Chto takoe toponimika?* Moscow: Nauka.
- Zhuchkevich, V.A. (1961). *Proiskhozhdenie geograficheskikh nazvanii (toponimika) Belorussii*. Minsk: Izdatel'stvo Belgосuniversity imeni V.I. Lenina.

Толганай Сагынговна Курманбаева
(Tolganai Sagynovna Kurmanbaeva)

 <https://orcid.org/0000-0002-3750-2624>

Алматинский университет энергетики и связи им. Г. Даукеева
Кафедра языковых знаний
050013, Казахстан, г. Алматы, ул. Байтурсынулы, 126
t.kurmanbaeva@mail.ru

Дамина Дисингалеевна Шайбакова
(Damina Disingaleevna Shaibakova)

 <https://orcid.org/0000-0003-0921-9669>

Казахский национальный педагогический университет им. Абая
Кафедра русского языка и литературы
050010, Алматы, пр. Достык, 13
damina1shaibakova@gmail.com

Научная терминология в технических текстах: лингводидактический аспект

Scientific Terminology in Technical Texts: Linguodidactic Aspect

Резюме

В современной дидактике существует теория компетентностного подхода к обучению и преподаванию учебных дисциплин. Целью данной статьи является рассмотрение вопросов формирования языковой и профессиональной компетенции у студентов при обучении терминологической лексике неродного языка на материале текстов технической специальности.

Провозглашаемый в качестве основного коммуникативный метод не решает проблемы обучения научному стилю неродного языка. Поэтому в преподавании профессионального русского языка должны соединяться несколько подходов: системно-структурный, направленный на усвоение норм языка, лингводидактический, представляющий методические приемы, коммуникативный, предполагающий понимание контекста, ситуации, компетентностный,

связанный с вопросами соединения профессиональных и языковых знаний, и др. Такая многоаспектная работа с терминологией способствует охвату большого числа вопросов, направленных на детальное понимание научного текста и роли терминов в нем. Формальная организация научного текста рассматривается как поверхностный уровень, эксплицирующий глубинный смысловой уровень.

Для реализации задач дидактических, лингвистических, прагматических предлагаются текст и задания, в которых употребляются общенаучные и технические термины, предлагается составление логических схем с целью проверки уровня понимания профессионально ориентированного текста, лексики и грамматических форм. Устная речь формируется посредством пересказа текста, беседы на профессиональные темы. Терминологическая работа строится с опорой на родной язык и с учетом терминологического поля, каковым является текст.

Ключевые слова: научный текст, термин, терминология, терминологическое поле, компетенция.

Summary

In modern didactics, there is a theory of competent approach to teaching and teaching educational disciplines. The purpose of this article is to consider the formation of linguistic and professional competence among students when teaching terminological vocabulary of a non-native language on the material of technical specialty texts.

The communicative method regarded as the main method does not solve the problems of teaching the scientific style of a non-native language. Therefore, several approaches should be combined in teaching the professional Russian language: structural, aimed at assimilating the norms of the language, linguadidactic, representing methodological techniques, communicative, involving an understanding of the context, situation, competent, related to the connection of professional and linguistic knowledge, etc. Such multidimensional work with terminology contributes to the coverage of a large number of issues aimed at a detailed understanding of the scientific text and the role of terms. The formal organization of the scientific text is considered as a surface level that exposes the deep semantic level.

To implement the tasks of didactic, linguistic, pragmatic, text and tasks are presented in which general scientific and technical terms are used. Logical diagrams are proposed to be compiled in order to test the ability to understand professionally-oriented text, vocabulary, and grammatical forms, retell texts by specialty and talk about professional topics. Work with the text is based on the native language and takes into account the terminology field, which is the text.

Keywords: scientific text, terminology, terminological field, competence.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальными для языковой подготовки студентов технических специальностей в Казахстане являются терминологическая грамотность, владение научным стилем русской речи. Научные тексты по техническим специальностям на русском языке студентам-казахам более доступны и понятны, чем на других языках. К сожалению, на казахском языке научные идеи регулярно

и оперативно не транслируются. Не всегда доступна информация на английском языке. Оттого знание русского языка как основного транслятора научно-технической информации приобретает особую важность.

В предлагаемой вашему вниманию статье рассматриваются характеристики научного текста, вопросы организации занятий по русскому языку для усвоения научно-технического текста, понимания лексико-стилистических, грамматических, прагматических особенностей научной терминологии. Тексты по специальности являются базовой учебной единицей профессиональной подготовки специалистов, потому терминологической работе на материале текста придается серьезное значение. Если в речевой ситуации у студентов наблюдаются трудности в понимании и реализации письменной научной коммуникации, то преподаватель выбирает, составляет задания, которые способствуют выявлению смысла информации и особенностей научной терминологии в технических текстах. Употребление специальной лексики обеспечивает ориентированное развитие практических умений работать с текстами научного стиля речи, что служит основой самообразования в профессиональной сфере.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Исследованием процесса обучения студентов особенностям научного стиля речи, научного текста занимались многие ученые. Укажем на некоторые идеи. Т.Л. Владимирова предлагает методические приемы, направленные на развитие навыков письменной речи в научной сфере, освоение значений слов и т.д. (Владимирова, 2010, 8). Е.В. Иваницкая, Е.В. Красильникова полагают, что необходимо уделять внимание «...как устным, так и письменным реализациям научного стиля речи». Они связывают освоение научного стиля речи с научным стилем мышления. При этом соглашаются с тем, что освоение научного стиля предполагает изучение терминологии, в нашем случае электроэнергетики, знакомство с речевыми клише (Иваницкая, 2016, 62; Красильникова, 2017, 193). Шире видит проблематику Н.Н. Мирошкина. При разработке систем упражнений она предлагает учитывать две цели:

[...] обучение пониманию и оценке текстов, из которых состоит научная речь, и обучение правилам и нормам создания научных текстов, способствующих развитию профессиональных навыков (Мирошкина, 2010, 24).

Мы приводим лишь три позиции, но они эксплицируют то, что встречается во многих работах. Вопрос сводится к соотношению письменной и устной речи, пониманию и оценке текста в процессе обучения научному стилю.

Мы признаем важность учета текстовых характеристик при построении как устной, так и письменной речи. Казахстанский лингвист А.Е. Карлинский рассматривает текст в противоположность дискурсу. Он различает их в соответствии с устной и письменной реализацией: в устной реализации имеем дискурс, в письменной – текст. Они оцениваются также по монологичности/диалогичности: опыт устной речи в основном диалогичен, а опыт письменной речи – монологичен. Но и дискурс, и текст имеют много общего, так как у них общие средства конструирования и коммуникативные установки (Карлинский, 2009, 26). Обучению устной и письменной научной речи должно быть уделено равное внимание, т.к. диалогичность, присущая устной речи, – важная черта научной речи.

Многоплановость научного текста рассматривается в соответствующих аспектах. Это информативность, формальная организация, семантическая валентность, коммуникативная релевантность, терминологическая плотность и т.п. При этом каждый текст, являясь уникальным, имеет свой набор характеристик, обладает определенным информационным и коммуникационным потенциалом. Все это и определяет сложность теории текста как научной проблемы.

Согласно И.Р. Гальперину, тексты обладают следующими признаками: завершенность и содержание; соответствие нормам литературного языка и требованиям жанра (литературная обработанность в соответствии с типом документа, т.е. жанра текста); определенная структура, в которую входят как обязательные элементы заголовков и ряд сферхфразовых единиц; система средств связи, включающая разные типы связи; целенаправленность; прагматическая установка (речетворческий процесс), более выпукло она осуществляется в устной форме и т.д. (Гальперин, 2008, 18). Научно-технический текст обладает в целом теми же характеристиками, что отмечает В.Е. Чернявская.

Для характеристики научных текстов, полагают John S. Justeson and Slava M. Katz, нужен алгоритм идентификации технических терминов в текстах (Justeson, Katz, 1995, 9). Авторы описывают лингвистические свойства технических терминов. Представлен интересный опыт контент-анализа терминов с различными грамматическими характеристиками. Авторы опираются на работы (Pustejovsky, Boguraev, 1993, 193; Salton, 1988, 204; Salton, Zhao, Buckley, 1990, 90; McCord, 1990, 118). Контент-анализ приемлем в учебных целях, например, при выполнении заданий самостоятельной работы. Он выявляет частотность терминов и обрисовывает терминологическое поле.

Для целей лингводидактики приходится рассматривать формальную организацию текста в связи с содержанием. Форма и содержание научного текста соотносятся как поверхностный уровень и как глубинный смысловой. В.Е. Чернявская в качестве текстовой единицы формальной организации первичного научного текста видит «композиционно-прагматический сегмент как выраженный на поверхностном уровне частный компонент глубинного смыс-

лового уровня текста» (Чернявская, 2007, 70). Она выделяет: характеристику темы/предмета исследования → историю вопроса → постановку целей и задач исследования → формулировку проблемы → выдвижение гипотезы → доказательство → описание эксперимента → выводы → научный прогноз (Чернявская, 2007, 70). Как мы видим, основанием для выделения разновидностей сегментов текста определена прагматическая роль композиционно организованной единицы. Приведенный ряд необязательно представляется в точности в текстах, однако может служить образцом для анализа развертывания текста. А понимание организации научного текста должно быть у обучающихся.

С точки зрения функциональности следует сформулировать основное назначение научного текста – передачу логической информации, аргументацию, иногда обоснование новизны, резюмирование, обобщение. При этом он имеет все признаки текста как структурно-семантической единицы.

Фактором информативности научного текста является лексика. В любом языке она считается основным строительным материалом текста. Что касается лексики научной речи, ее можно разделить на три основные группы: общеупотребительные и общенаучные слова, специальная терминологическая лексика.

Следует сделать еще одно важное замечание. Обязательной характеристикой научного языка является прием генерализации. В научных текстах много генерализующих абстрактных понятий, которые трудно передать на неродном языке. В этом случае необходима опора на родной язык. Поэтому в учебном процессе лексическая работа, направленная на объяснение абстрактных понятий, наиболее ответственная.

Все обозначенные признаки научного стиля и научного текста представляют определенную трудность в преподавании неродного языка. В работе с научным текстом установки на коммуникативный метод недостаточно. Здесь соединяются несколько подходов: структурно-семантический, лингводидактический, коммуникативно-прагматический, компетентностный. На компетентностном подходе основаны общеевропейские стандарты, разработка которых объясняется необходимостью общего понимания содержания квалификаций и результатов обучения. Универсализация стандартов ведет к тому, чтобы по возможности четко установить в терминах компетенций соответствия в триаде: требования к подготовке – содержание образовательной программы – результаты обучения. Казахстан сейчас в преподавании языков принимает многие из европейских стандартов, достаточно сослаться на *Общеевропейские компетенции владения иностранным языком*.

Необходимость обучения научному стилю речи корректирует образовательные программы, потому что содержание образования отражается, прежде всего, в них. Образовательная программа должна реализоваться в соответствии с Национальной рамкой квалификаций, профессиональными стандартами, дублинскими дескрипторами и европейской рамкой квалификации.

Исходя из компетенций будущего специалиста, которые формируются и изучаются на основе предложений работодателей, определяется содержание образовательной программы специальности, в которой есть место и языковой подготовке. Нужно отметить, что концепция преподавания русского языка в Казахстане претерпела существенные изменения. Дифференцируются программы обучения сложившихся билингвов и программы их подготовки (Шайбакова, 2016, 28). Поэтому учебные группы различаются по типу билингвизма, уровню владения русским языком.

В нашем двуязычном государстве в условиях тесных экономических, производственных контактов с Россией знание русскоязычной терминологии имеет важное значение, в том числе для практической работы по специальности. Независимо от того, какой язык является родным, знание терминологии на русском языке является обязательным для работников сферы электроэнергетики, т.к. он в ней доминирует. В неязыковом вузе при изучении профессионального русского языка одной из важнейших задач выступает реализация таких намерений, как достижение четкого понимания и правильного использования научно-технической терминологии в данной сфере деятельности человека.

Двуязычная профессиональная подготовка предполагает сопоставление терминов на русском и казахском языках. Поэтому мы допускаем упражнения – перевод лексем с одного языка на другой. Важно, чтобы термины электроэнергетики на двух языках адекватно соотносились с обозначаемым понятием. Таким образом, перед преподавателем стоит двойная задача: обучение терминологии на русском языке, для чего применяются наиболее эффективные лингводидактические приемы, и соотнесение русскоязычной терминологии с терминологической системой казахского языка. Реализации этих задач содействуют рефлексия, инсайт, критическое мышление, которые являются важными инструментами языковой подготовки, обеспечивающими ее успешность.

При всех подходах основной дидактической единицей являются тексты по специальности. Текст служит терминологическим полем. Мы понимаем терминологическое поле как синтагматику терминологии, в отличие от терминосистемы, связанной с парадигматикой, а та, в свою очередь, имплицитно связана со словарем. В наших учебных пособиях представлены адаптированные тексты с учетом коэффициента терминологичности. В учебном тексте терминов может быть столько, сколько достаточно для понимания, усвоения их студентами с разным уровнем владения языком. Текст, являясь терминологическим полем, обеспечивает, если это грамотно составленный учебный текст, условия для такого восприятия. Однако одной лексической работы недостаточно. Обучаясь чтению и пониманию специальных текстов, студенты должны иметь системное представление о специфических особенностях научного текста, о видах информации по содержанию, по функцио-

нальному назначению, о грамматическом оформлении. Для этого разрабатываются вопросы и задания, требующие составления логической схемы развертывания текста, ответов на перефразированные вопросы, умения делать выводы, находить аргументы, оценивать значимость данных и др. Работа с текстом имеет несколько этапов.

Предтекстовая лексическая работа направлена на выявление значений лексических единиц. На этом этапе целесообразно составление глоссария. Семантизация лексем может быть проведена толкованием, подбором синонимов (не для терминов), антонимов, а также благодаря переводу на родной язык. Важно отметить, что на практических занятиях по русскому языку отрабатывается терминология в сопоставлении с соответствующими казахскими лексемами. Эта опора на родной язык оправдана, т.к. термин не допускает вольного толкования. Понимание должно быть точным. Кроме того, помимо лексической работы на предтекстовом этапе обращается внимание на контекст слова, его сочетаемость – на синтагматику. Есть и грамматические задания, помогающие правильному по форме употреблению терминов.

Следующий этап работы – притекстовая работа. Целью этого этапа является формирование умений понимать структуру текста. Можно предложить задания – разделить текст на значимые части и озаглавить их, передать содержание каждой части, указать на связи частей.

Третий этап работы – послетекстовый. Это проверка степени усвоения материала. Здесь могут быть собеседование, ответы на вопросы по тексту.

Итак, опора на текст, как на поле термина, и на родной язык, верифицирующая адекватность понимания, – это главные условия успешной терминологической работы. То, как можно использовать приведенные ниже тексты по энергетике на занятиях по русскому языку в техническом вузе, покажем на примере фрагмента одного поурочного плана. Предлагается комплексная работа с текстом.

I. Тема практического занятия по русскому языку: *Общие сведения об электрических машинах.*

Цели и задачи занятия:

- расширить словарный запас студентов на основе изучаемой речевой темы;
- побудить свободно выражать мысли на русском языке в устной и письменной форме, оценить полученную информацию, изложить научный текст;
- научить анализировать способы образования и контекст терминов.

Планируемые результаты обучения. Студенты должны:

- уметь извлекать необходимую научно-техническую информацию из русскоязычных источников;
- уметь представлять информацию из текста на русском языке;
- понимать и правильно употреблять технические термины в тексте.

Тема: Общие сведения об электрических машинах

Задание 1. Прочитайте текст. Представьте логическую схему развертывания текста (составьте тезис, сформулируйте аргументы, сделайте выводы).

Энергия движущихся зарядов, электрических и магнитных полей, т.е. электрическая энергия, за исключением электромагнитных волн высокочастотной части спектра, непосредственно не воспринимается и не используется людьми в практической деятельности. Однако она легко преобразуется в другие виды энергии – механическую и тепловую, а также может быть получена из них обратным преобразованием. Кроме того, электрическую энергию можно без существенных потерь передавать на значительные расстояния. Эти свойства предопределили ее использование в качестве промежуточной формы в процессе передачи на расстояние механической и тепловой энергии. Электрические машины являются в этом процессе главным звеном, так как с их помощью осуществляется двустороннее преобразование механической и электрической энергии, а также преобразование параметров электрической энергии.

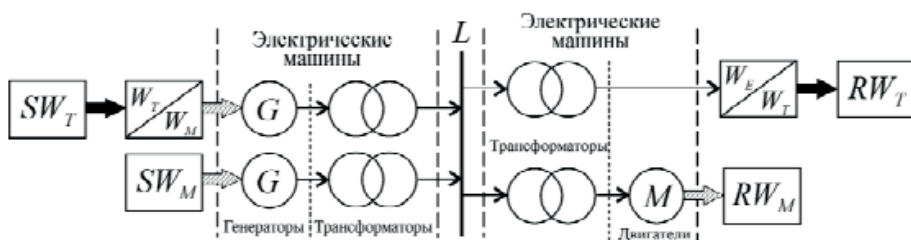


Рис. В.1

На рис. В.1 показана структурная схема передачи тепловой и механической энергии (W_T и W_M) от источников (SW_T и MS_W) к приемникам (RW_T и RW_M) посредством промежуточного преобразования в электрическую энергию. В промышленных масштабах электрическую энергию получают преобразованием механической энергии с помощью генератора (G). Источниками механической энергии, используемыми для приведения в движение генераторов, обычно являются потоки воды, пара, газов или воздуха. Если источником энергии является теплота, выделяющаяся при химических или ядерных реакциях, то она предварительно преобразуется в механическую энергию (W_T/W_M) газовыми или паровыми турбинами. Для минимизации потерь электрической энергии в линиях передачи (L) напряжение на выходе генератора повышается трансформатором, а при отборе из линии понижается до уровня, обеспечивающего эффективное и безопасное преобразование в механическую или тепловую форму.

Обычно в понятие *электрические машины* включаются индукционные электромеханические преобразователи (генераторы и двигатели), а также статические преобразователи электрической энергии – трансформаторы. Это связано с тем, что физические процессы в трансформаторах имеют много общего с процессами в электромеханических преобразователях, и при анализе трансформаторов можно использовать в качестве удобной модели.

Электрические машины используются практически во всех областях техники. Их мощности находятся в пределах от долей ватта до десятков и сотен мегаватт. Знание принципов работы, конструкций и характеристик электрических машин является необходимым условием их оптимального выбора и эффективного применения в решении широкого круга технических задач (А.А. Усольцев).

Задания к тексту.

Предтекстовая работа

Задание 1. Составьте мини-словарь слов, которые вам не были знакомы до сегодняшнего занятия. Объясните значения этих слов. Образуйте предложения с этими словами.

Задание 2. Найдите в тексте термины и терминосочетания, обозначающие машины, агрегаты. Укажите способы их образования.

Задание 3. Подберите к данным глаголам синонимы. Переведите их на казахский язык.

Преобразовать, включать, использовать, осуществлять, передавать, повышать, показывать.

Задание 4. Выпишите из текста по пять абстрактных и конкретных существительных, называющих процессы, результаты преобразования энергии. Объясните различия этих разрядов имен.

Задание 5. Составьте словосочетания со словами. Употребите нужные предлоги.

передавать... (расстояния)	на, по, из
преобразовать ... (энергию)	на, в, по
выделять... (реакциях)	для, при, в
понижать ... (уровня)	для, в, до
использовать... (приведения)	для, от, у
находиться... (пределах)	от, в, по

Притекстовая работа

Задание 6. Разделите текст на значимые части. Озаглавьте их.

Задание 7. Подберите согласованные определения к словам из текста: *турбины, машины, преобразователи, генераторы, трансформаторы, двигатели, модели, приемники; энергия, волны, схема.*

Образец: *спектр (какой?) высокочастотный.*

Задание 8. Выпишите из текста предложения, построенные по моделям: *что получено из чего, что передается на что, что является чем, что повышается чем, во что включается что.*

Задание 9. Произведите лексический анализ текста, выделяя в отдельные группы: общеупотребительные слова, общенаучные и узкоспециальные термины.

Послетекстовая работа

Задание 10. Расскажите, какие функции выполняют электрические машины. Выпишите ключевые слова, подходящие для описания этих функций.

Задание 11. Составьте ментальную карту по теме *Электрические машины.*

Таким образом, постепенно от одного задания к другому студенты реализуют свои коммуникативные способности на занятиях по профессиональному русскому языку. Они анализируют структурные компоненты научного текста, выявляя содержание информации и определяя основные лексико-стилистические, грамматические особенности терминологических понятий. Обучающиеся понимают текст (контекст) как терминологическое поле, позволяющее в сочетаемости семантизировать термин. В ряде случаев помогает перевод на родной язык. Перевод слов и терминологических сочетаний на казахский язык оправдан тем, что есть термины, которые 1) заимствуются из русского языка, 2) калькируются, 3) транслитерируются. Знание всей этой терминологии и понимание ее образования необходимы в профессиональной деятельности. Опора на родной язык облегчает такое усвоение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научное общение характеризуется чертами, которые должны быть понятны специалистам. В системе профессиональной подготовки (профилирующие дисциплины) они не являются предметом изучения. Однако на занятиях по языковым дисциплинам вопросам научной коммуникации должно быть уделено достаточное внимание. Предметом изучения становятся научный текст, дискурс, принципы их организации, терминологическая лексика и др. Научно-технический текст представляется как единица информации, как терминологическое поле синтагматики термина, которое помогает понять как содержание термина, так и контекст его употребления. Опорой для выявления смысла является лексика. В научно-техническом тексте это терминологическая лексика. Для студентов-казахов освоение терминов на русском языке является необходимостью, т.к. пока еще языком сферы электроэнергетики (в нашем случае) в Казахстане является по преимуществу русский.

Не теоретизирование, а только практическая работа с научно-техническим текстом на неродном языке может быть эффективна. Система практических заданий может указать на важные принципы организации научного текста. На занятиях же должна быть и устная работа, целью которой является обучение профессиональной коммуникации, диалогической речи. На трех этапах – предтекстовом, притекстовом и послетекстовом – проводится работа по изучению организации научно-технического текста, лексическая и грамматическая работа, составление ментальных карт, что позволяет проявить степень понимания материала, пересказ текста, беседа. Используются не только лексические задания, но и рассматриваются синтагматика терминов, контекстные связи, композиция текста, маркеры научного стиля, грамматические характеристики языковых единиц и др.

Приведенные в статье фрагменты плана занятия демонстрируют возможности работы с терминами на основе текста. Определенное внимание уделяется и сопоставлению с родным языком. При этом степень трудности и содержание заданий рассчитаны на уровень языковой подготовки студентов технического вуза, для которых русский язык не является родным (Нурмаханов, 2004, 27). Предлагаемые тексты по специальности и задания к ним рассчитаны на ознакомление студентов с избранной профессией, введение их в сферы профессиональной коммуникации, на формирование уровня языковой лингвостилистической компетенции, необходимой для общения в ситуациях, связанных с профессией. С каждым последующим текстом, как правило, они связаны тематически, достигается значительное расширение словарного запаса студентов. Это поможет в будущем применить теоретические и практические знания в своей профессии, т.е. репрезентировать содержание научно-технического текста и интерпретировать тексты разных жанров. Многоаспектное изучение научной терминологии в техническом вузе является необходимым условием овладения метаязыком специальности (Mazurkevich, 2014, 29), особенно это важно при изучении неродного языка. Здесь затронуты лишь некоторые методологические вопросы проведения занятий в высшей школе. Круг проблем, относящихся к профессиональному русскому языку, значительно шире и разнообразнее и привлекает исследовательский интерес в виду теоретической и практической актуальности этой тематики.

Дисциплина *Профессиональный русский язык* направлена на формирование лингвопрофессиональной компетенции обучающихся, интегрирующей общекультурные, интеллектуальные, социальные и профессиональные качества специалиста. Бакалавр должен свободно владеть метаязыком специальности, терминологией профессиональной сферы, понимать значение терминов, уметь анализировать и производить научно-технические тексты на втором (в нашем случае русском) языке. Преподаватели-словесники изыскивают наиболее эффективные методы и приемы

профессионально-ориентированной языковой подготовки студентов технического вуза. Практическая направленность учебного процесса требует от педагога-русиста методически и предметно грамотной работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вежбински, Я. (2017). *Динамические процессы в лексическом корпусе современного русского языка*, Наука. Мысль: электронный периодический журнал, 4, 67–74.
- Владимирова, Т.Л. (2010). *Язык и стиль научного текста*. Учебное пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета.
- Гальперин, И.Р. (2008). *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: УРСС.
- Иваницкая, Е.В. (2016). *Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникативной среды. Особенности современной научной статьи*, Язык и текст, 3 (2), 62–75.
- Карлинский, А.Е. (2009). *Методология и парадигмы современной лингвистики*. Алматы: КазУМОиМЯ.
- Красильникова, Е.В. (2017). *Обучение научному стилю речи в практике преподавания русского языка как иностранного*, Вестник КГУ, 1, 193–195.
- Мирошкина, Н.Н. (2010). *Формирование лингвостилистической компетенции студентов при изучении научного стиля*, https://pglu.ru/upload/iblock/ae3/uch_2010_viii_00020.pdf, доступ: 3.05.2019.
- Нурмаханова, М.К. (2014). *Русский язык для бакалавриата всех специальностей*. Учебное пособие. Алматы: АУЭС.
- Писарева, С.А. (2005). *Качество современного диссертационного исследования по педагогике: методология оценки*. Автореф. дис.... докт. пед. наук. Санкт-Петербург.
- Усольцев А.А. (2013). *Электрические машины*. Учебное пособие. Санкт-Петербург: СПб-НИУ ИТМО.
- Чернявская, В.Е. (2007). *Интерпретация научного текста*. Москва: УРСС.
- Шайбакова, Д.Д. (2016). *Модели организации билингвального образования*, Педагогика и психология. КазНПУ им. Абая, 2, 28–35.

- Chernyavskaya, V.E. (2007). *Interpretatsiya nauchnogo teksta*. Moscow: URSS.
- Gal'perin, I.R. (2008). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. Moscow: URSS.
- Ivanitskaya, E.V. (2016). *Transformatsiya nauchnogo stilya v usloviyakh menyayushcheysya kommunikatsionnoi sredy. Osobennosti sovremennoi nauchnoi stat'i*, Yazyk i tekst, 3 (2), 62–75.
- Karlinskii, A.E. (2009). *Metodologiya i paradigmy sovremennoi lingvistiki*. Almaty: KazUMOiMYa.
- Krasil'nikova, E.V. (2017). *Obuchenie nauchnomu stilu rechi v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo*, Vestnik KGU, 1, 193–195.
- Miroshkina, N.N. (2010). *Formirovanie lingvostilisticheskoi kompetentsii studentov pri izuchenii nauchnogo stilya*, https://pglu.ru/upload/iblock/ae3/uch_2010_viii_00020.pdf, accessed: 3.05.2019.
- Nurmakhanova, M.K. (2014). *Russkii yazyk dlya bakalavriata vseh spetsial'nostei*. Uchebnoe posobie. Almaty: AUES.

- Pisareva, S.A. (2005). *Kachestvo sovremennogo dissertatsionnogo issledovaniya po pedagogike: metodologiya otsenki*. Avtoref. dis....dokt. ped. nauk. St. Petersburg.
- Shaibakova, D.D. (2016). *Modeli organizatsii bilingval'nogo obrazovaniya*, Pedagogika i psikhologiya. KazNPU im. Abaya, 2, 28–35.
- Usol'tsev A.A. (2013). *Elektricheskie mashiny*. Uchebnoe posobie. St. Petersburg: SPbNIU ITMO.
- Vezhbinski, Ya. (2017). *Dinamicheskie protsessy v leksicheskom korpuse sovremennogo russkogo yazyka*, Nauka. Mysl': elektronnyi periodicheskii zhurnal, 4, 67–74.
- Vladimirova, T.L. (2010). *Yazyk i stil' nauchnogo teksta*. Uchebnoe posobie. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta.

- Andrews, T., Prys, Gr. (2016). *Terminology Standardization in Education and the Construction of Resources: The Welsh Experience*, <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1116863.pdf>, accessed: 3.05.2019.
- Cabre, M.T. (1998). *Terminology: Theory, Methods and Applications*. Philadelphia PA: John Benjamins Publishing Company.
- Justeson, J.S., Katz, S.M. (1995). *Technical terminology: some linguistic properties and an algorithm for identification in text*, Natural Language Engineering, 1, 9–27, <https://doi.org/10.1017/S1351324900000048>.
- Mazurkevich-Sulkovska, J. (2014). *Skomplikowane terminy w bułgarskiej, rosyjskiej i polskiej terminologii technicznej* (29–39). Łódź: Pictor.
- McCord, Michael C. (1990). *Slot grammar: a system for simpler construction of practical natural language grammars*. In: *Natural Language and Logic: International Scientific Symposium*. Lecture Notes in Computer Science (118–45), R. Studer (ed.), Berlin: Springer Verlag, https://doi.org/10.1007/3-540-53082-7_20.
- Pustejovsky, J, Boguraev, B. (1993). *Lexical knowledge representation and natural language processing*, Artificial Intelligence, 63, 193–223, [https://doi.org/10.1016/0004-3702\(93\)90017-6](https://doi.org/10.1016/0004-3702(93)90017-6).
- Salton, G. (1988). *Syntactic approaches to automatic book indexing*. Proceedings of the 26th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. State University of New York at Buffalo, 204–210, <https://aclanthology.org/P88-1025.pdf>, accessed: 3.05.2019, <https://doi.org/10.3115/982023.982048>.
- Salton, G., Zhao, Zh., Buckley, Ch. (1990). *A simple syntactic approach for the generation of indexing phrases*. Technical Report. Department of Computer Science, Cornell University.

Оксана Васильева (Oksana Vasil'eva)

 <https://orcid.org/0000-0002-4363-2636>
vasiliewa.oxsan2014@yandex.ru

Креатив или примитив? Анализ текстов публичных выступлений в жанре стендап с точки зрения теории языковой игры

Creative or Primitive? Analysis of the Texts of Public Speeches of the Stand-up Genre from the Point of View of the Theory of Language Game

Резюме

Статья посвящена изучению особенностей реализации языковой игры в современных медийных продуктах. Объектом исследования послужили тексты жанра стендап-комедии. Выступления в жанре стендап понимаются как сольное юмористическое выступление перед живой аудиторией. В репертуар стендап-комиков входят авторские монологи, короткие шутки, импровизации с залом.

Цель настоящей статьи заключается в определении речевых приемов в публичных выступлениях и анализе их с точки зрения теории языковой игры. Рассматриваются понятия языковой игры, комичного выступления, вербальной креативности.

Основным методом исследования является описательный, в рамках которого применены приемы наблюдения, обобщения, классификации данных.

В статье проанализированы языковые примеры комедийных текстов с точки зрения реализации языковой игры на различных уровнях языка: фонетическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом. В ходе анализа авторских монологов резидентов стендап-шоу определена структура, в соответствии с которой строится шутка; выявлены приемы языковой игры, которые преимущественно применяют стендап-комики. Наблюдения позволили выделить и отрицательные черты (ненормативная лексика, слова-паразиты, бессодержательные фразы), затрудняющие восприятие языковой игры.

В статье делается вывод о роли публичных выступлений жанра стендап-комедии в воспитании эстетической категории, реализуемой в остроумной и легкой речи. Перспективой исследования является анализ выступлений женской стендап-комедии и выявление влияния гендерной принадлежности на язык комедийных текстов.

Ключевые слова: языковая игра, лингвистический креатив, стендап-комедия, структура, сетап, панчлайн, лексика, комичное, лексические единицы, прецедентные феномены, словообразовательные конструкции.

Summary

This article studies the features of language game implementation in the modern media products. The object of the study is stand-up comedy texts. Stand-up performance is a solo, humorous performance in front of an audience. The repertoire of stand-up comedians includes author's monologues, short jokes, and improvisation with the audience. These performances are based on a language game element implemented in a certain structure.

The purpose of this article is to identify stand-up genre speech techniques in public performances and analyse them from the language game theory viewpoint. The language game, comical, and verbal creativity concepts are considered in the article.

The main methods of research are descriptive, observation, generalization, data classification methods.

The linguistic examples of comedy texts are analysed from the language game implementation viewpoint at various language levels: phonetic, word-formation, lexical, syntactic. The public performances analysis makes it possible to determine the structure according to which jokes are developed; the techniques of language game which are widely used by stand-up comedians. This analysis allows some negative features to be determined (profanity, parasitic words, meaningless phrases), which can worsen the language game understanding.

The article draws attention to the role of stand-up comedy genre public performances in the learning of comic aesthetic category realized in witty and fluent speech. The perspective of the study is to analyse the performances of female stand-up comedy and identify the influence of gender on the language of comedy texts.

Keywords: language game, linguistic creativity, stand-up comedy, structure, setup, punchline, vocabulary, comical, lexical units, precedent phenomena, word-formation constructions.

В современном мире большое значение для образования и воспитания молодого поколения имеют средства массовой информации. Н.В. Баско отмечает, что СМИ «не только максимально быстро отражают смену социально-политических ориентиров и культурных ценностей..., но и являются главным проводником новых слов и фразеологизмов» (Баско, 2018, 22). В подтверждение своих слов ученый приводит высказывание известного российского исследователя Ю.А. Бельчикова, который называет тенденцию возрастающего влияния СМИ на язык *медиадизацией* русского языка (Баско, 2018, 22).

В данной статье мы обращаем внимание на то, каким образом формируется эстетическая категория комичности под влиянием современных медийных продуктов, авторы которых утверждают, что предлагаемые ими модели являются образцом юмористических и остроумных выступлений. Цель настоящей статьи заключается в определении речевых приемов в публичных выступлениях и анализе их с точки зрения теории языковой игры. Объектом изучения являются тексты комедийных актеров жанра стендап на российском телевидении. Стадию исследования можно определить как начальную, эмпирическая база находится в стадии формирования. Для данной статьи

материалом для исследования послужили тексты публичных выступлений 18 комиков, практически все состоялись в 2021 году.

Понятие *языковая игра* является одним из составляющих теории игр. В лингвистике предметом изучения языковая игра становится сравнительно недавно. Термин *языковая игра*, введенный Л. Витгенштейном в 1953 г., был заимствован филологией, и в частности, стилистикой. В последние 15 лет под языковой игрой преимущественно понимается

определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект (*Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, 2003).

В данной статье мы применяем определение языковой игры И.В. Цикушевой: «языковая игра – осознанное и целенаправленное манипулирование экспрессивными ресурсами речи, обусловленное установкой на реализацию комического эффекта» (Цикушева, 2019, 170). Исследователь подчеркивает, что сущность языковой игры состоит в генерировании дополнительных окказиональных смыслов, «аппелирующих к языковой выразительности и порождающих комический эффект» (Цикушева, 2019, 170). Комическое восприятие понимается как «эстетическая форма критики, заразительно-острая, творчески активная ее форма» (Эстетика, 1089, 154). И.В. Цикушева отмечает, что наличие элементов языковой игры в речевом сообщении может свидетельствовать либо о креативном аспекте речетворчества конкретного автора, либо о связи с типологическими признаками определенного стилистического жанра (Цикушева, 2019, 170).

В данной статье речь пойдет о популярном жанре развлекательных программ *стендап*. Выступления в этом жанре понимаются как сольное юмористическое выступление перед живой аудиторией. Часто для стендапа организуются специальные комедийные клубы. Выступающего называют *стендап-комиком*, *комиком*, *стендапером*. В России стендап-комедия начала развиваться с середины 2000 гг. Интерес к данному жанру формировался на основе распространения записей и переводов выступлений западных комиков. Одним из популярнейших комедийных шоу на российском телевидении является шоу *Stand up*, запущенное в 2013 году на канале ТНТ.

В репертуар стендап-комиков входят авторские монологи, короткие шутки, импровизации с залом. В основе этих выступлений лежат элементы языковой игры, реализуемой в определенной структуре. Грег Дин, автор пособия *Пошаговое руководство по созданию комедийного шоу*, разработал структуру шутки, которая активно используется российскими комиками. В шутке выделяют две части: *setup* – первая часть шутки, которая готовит к смеху,

и *панчлайн* – вторая часть, которая смешит зрителя и слушателя. *Сетап* и *панчлайн* непосредственно связаны с ожиданием и удивлением (Г. Дин). Таким образом, элементы языковой игры накладываются на определенную структуру, что и составляет основу комедийного текста. Особенно явно эта структура просматривается в выступлениях молодых комиков. Отсутствие опыта общения с аудиторией лишает выступления легкости и будто обнажает структуру предлагаемой шутки. Шутка выглядит примерно следующим образом:

1. Сетап – *Вы видели современных школьников? У них кадыки, огромные бицепсы, ноги...*;

2. Панчлайн – *Пацаны еще страшнее...*

1. Сетап – *Слышь, ты! Отошел от машины!*

2. Панчлайн – *Сама заправлю! (Атлас).*

1. Сетап – *У меня друг сел кататься на качели, хотел сделать «солнышко», потом сорвался...*

2. Панчлайн – *и стал алкашом (Чеботков).*

Приведенные примеры показывают, что шутка основана на несоответствии финала шутки (панчлайна) ее завязке (сетапу).

Структура шутки дополняется языковой игрой, которая реализуется на следующих уровнях текста.

1. Фонетическом уровне языка:

– созвучие (наличие двух или более созвучных слов (Швецов, Вегенер, 2009): *Недавно один земляк делал свадьбу дочери, на которую он пригласил Леди Гагу. Это был единственный в мире случай, когда за одним столом сидели Леди Гага и дядя Мага (Расул); Друг сделал татуировку. Я спрашиваю: «Где? В тату-салоне? Он: «Нее, тута не было. Тама, подальше!» (Дедищев. Выпуск от 10.10.2021);*

– апокопа (выпадение нескольких звуков в конце слова) (Рыжков, 2009): *Есть профессии, которые могут быть только женскими. Например, гадалка! Нет такого, чтоб мужик сказал: «Я гадал!» (Дедищев. Выпуск 2.03.2021).*

2. Словообразовательном уровне языка:

– создание окказиональных слов различных частей речи (Санников, 1999; Земская, 2007, 2009; Ильясова, Амири, 2013): *Я записывался в лингвистический центр в Курске. Меня спросили: «А вы всколькером?» (Дедищев. Выпуск 31.10.2021);*

– эхо-прием (рифмовка слов, при которой одно слово является искаженным «двойником» другого) (Санников, 1999; Земская, 2007, 2009; Ильясова, Амири, 2013; Рыжков, 2009): *Хочу обсудить вот эти ущербные уменьшительно-ласкательные обращения друг к другу, вот эти пусечки-х...сечки* (Дедищев. Выпуск от 2.03.2021). Отметим, что выступления стендап-комиков часто переполнены ненормативной лексикой, которая вплетена в текст и неразрывно связана с реализацией комического;

– игры с уменьшительными производными (Земская, 2007): *У нас два пылесоса. Для чего мы взяли второй? Размножаться? ... Скоро появятся маленькие пылесосята* (Сабуров. Выпуск 8.12.2021).

3. Лексическом уровне языка:

– использование омонимов (Санников, 1999; Швецов, Вегенер, 2009; Ильясова, Амири 2013): *Я три станции по фиолетовой ветке проехал, мне теперь все стирать надо: и одежду, и поездку из памяти* (Чебатков. Выпуск от 1.10.2021). Используются также омонимичные словосочетания. В монологе ведется рассуждение о новых технологиях, в частности, о профессиональной системе «умный дом» (система домашних устройств, способных выполнять действия и решать определенные повседневные задачи без участия человека). В качестве оппозиции приводится утверждение: *В России «умный дом», это тот, который на шлагбаум «скинулся»* (П. Дедищев. Выпуск 10.10.2021). Комик Н. Сабуров, рассказывая об укладе жизни в родительской семье, противопоставляет два выражения с омонимичными компонентами: *Не «умный дом», а «умный дед»!* (Сабуров. Выпуск от 24.12.2021).

– применение гиперболы (Санников, 1999): *Видели эти пары? Огромная баба, мужик раз в четыреста меньше...* (Дедищев. Выпуск от 10.12.2021);

– применение олицетворения: *У нас было правило: если в доме работал телек, то люстра не имела права даже мигнуть!* (Сабуров. Выпуск от 24.12.2021);

– применение необычных сравнительных конструкций (Санников, 1999): *Я ненавижу, когда человек начинает пить чай и с помощью ложки выжимает чайный пакетик. Выжимает пакетик, как будто душит ко-тят!* (Сабуров. Выпуск от 27.12.2021). *Когда появляется новый сын, старший переходит к тебе. Схема один в один как с айфонами* (Шамгунов. Выпуск от 31.01.2021). В данном примере автор сравнивает ситуации, которые не являются сопоставимыми. *Оставил открытую страницу в ВК – написал заявление на развод* (Шамгунов. Выпуск от 31.01.2021);

– обыгрывание прецедентных феноменов (Швецов, Вегенер, 2009; Ильясова, Амири, 2013): *Англичане! Бросайте пить! У вас и так премьер-министра зовут Борис! А когда лидера страны зовут Борис, пора бросать*

пить! Это вам любой русский скажет! (Чеботков. Выпуск от 1.10.2021). В данном примере применяется прецедентное имя. Очевидно, что автор подразумевает имя первого русского президента Бориса Ельцина. На это указывает ассоциативная связь имени с понятием *лидер*, а также словосочетание, подтверждающее прецедентность (*любой русский скажет*); Этот же автор в другом монологе применяет ссылку на прецедентный феномен современности: *Я раздражаюсь от людей, которые говорят: «Мне скучно!» ... 2020 год из-за вас!* Развивая свою мысль, в этом же монологе Е. Чеботков ссылается на прецедентный текст советского мультипликационного фильма 1971 года: *Я один раз в жизни говорил: «Мне скучно!». Я был у деда на даче. Говорю: «Дед, что-то мне скучно!». Дед: «Бери лопату!». И мне было больно, жарко, грустно ..., но не скучно! Хотя, **учитывая мой цвет волос** (рыжий), **дедушка сильно рисковал, давая мне в руки лопату** (Чеботков. Выпуск от 19.11.2021). О жене: *карманная Л. Гузеева. Раздает советы направо и налево* (Шамгунов. Выпуск от 31.01.2021).*

4. Синтаксический уровень языка:

– повтор (Санников, 1999): *Я раздражаюсь от людей, которые говорят: «Скучно! Мне скучно! Мне скучно!!! Мне что-то скучно!!! Скучно тут! Скучно...»* (Чеботков. Выпуск от 19.11.2021). *Я ненавижу, когда человек начинает пить чай и с помощью ложки **выжсимает** чайный пакетик. **Выжсимает пакетик**, как будто душит котят! Просто **выжсимает пакетик!*** (Сабуров. Выпуск от 27.12.2021); *Наркотики – это плохо! Это ужасно! Ужасно! Ужасно!* (Шамгунов. Выпуск от 31.01.2021).

Проведя анализ выступлений стендап-комиков, отметим, что языковая игра на лексическом уровне является самой содержательной. О. Викторова справедливо отмечает, что лексическая игра, «представляя два смысловых плана, ... требует от реципиента большего умственного напряжения, по сравнению с языковой игрой на других языковых уровнях (Викторова, 2016, 44). На лексическом ярусе языковая игра возможна не только на ступени слов или словосочетаний, но и на уровне предложений.

Одной из особенностей публичных выступлений жанра *стендап* является использование грубо-просторечных выражений (*бытовуха, извращуха, баба, мужик*) жаргонизмов (*наезжать, предъявлять* ‘предъявлять претензии’; *вертеть* ‘игнорировать’; *зашкварно* ‘неприемлемо’; *раздулись* ‘очнись, опомнись’). Многие комики (С. Старовойтов, П. Дедищев, А. Щербаков, А. Шамгунов, А. Винокур, Н. Дубровский и др.) используют в публичных выступлениях ненормативную лексику. В некоторых выступлениях непристойные выражения достигают 15 единиц (С. Старовойтов, П. Дедищев). Стоит отметить, что по мере приобретения опыта публичных выступлений, П. Дедищев сократил применение обсценной лексики до 2–3

слов в одном выступлении. Некоторые комики почти не используют в своих выступлениях ненормативную лексику (Е. Чеботков, Н. Дубровский, Е. Кукаса, Д. Романов, Т. Каргинов).

Во многих случаях выступления комиков наполнены словами-паразитами: *ну, понимаете, слушайте, отвечаю и др.*, что, безусловно, снижает уровень восприятия языковой игры и приближает монолог к обычному бытовому высказыванию. Отсутствие опыта публичных выступлений и каких-либо стилевых ограничений в речи комика приводит иногда к абсурдным фразам: *...Я в целом, ну... Это все о'кей, но есть вещи, которые вне зоны моего понимания, наглухо...ну...* (Винокур. Выпуск № 154). Продуцируется объемное, но совершенно бессодержательное высказывание, что на сленге комиков называется *провисом*. Практически каждая фраза А. Винокура, начинающего стендап-комика, заканчивается междометием *ну*: *Я ненавижу экскурсии, ну...; я ничего не запоминаю, ну...; я смотрю в навигатор, ну...* (Винокур. Выпуск № 154). За 30 секунд выступления междометие *ну* употребляется 7 раз. Другим частотным словом-паразитом является вопросительная конструкция *Понимаете?*, которая употребляется многими выступающими комиками (П. Дедищев, С. Дедко и др.). Комик Расул употребляет в своем выступлении *О свадьбах* данную конструкцию до 3 раз в одном предложении. Существует и общепринятая вопросительная конструкция, которая служит связующим звеном между шутками: *Слушайте, вы замечали, что...?* Данная конструкция, судя по всему, воспринимается выступающими как универсальная и используется практически всеми (В. Комиссаренко, А. Винокур, И. Усович и др.). Следует отметить, что частое употребление фразы как в разных выступлениях юмористов, так и в выступлении отдельных комиков (А. Винокур употребляет данную фразу до 12 раз в одном выступлении) снижает ее семантический потенциал и приближает к фразам-паразитам. Безусловно, использование обценной лексики, большого количества слов-паразитов затрудняет восприятие языковой игры.

Итак, что мы наблюдаем в речевом строе публичных выступлений креатив или примитив? Приведенные нами примеры показывают, что в выступлениях комиков присутствует языковая игра на фонетическом, лексическом, словообразовательном, синтаксическом уровнях. Артисты стендап-комедии применяют прецедентные феномены, необычные сравнения, необычные словообразовательные конструкции. Являются ли эти особенности креативными? Т.А. Гридина отмечает, что в качестве основных критериев креативности выделяются беглость (способность порождать большое количество идей), гибкость (способность порождать разнообразные идеи), оригинальность (способность порождать нестандартные идеи). Подчеркивается, что самым показательным справедливо признается оригинальность – способность к самостоятельному продуцированию творческой «идеи», не имеющей аналога и обладающей новизной (неординарностью) (Гридина, 2013, 7).

Анализ выступлений молодых комиков жанра стендап показывает, что в выступлениях реализуется критерий беглости и гибкости, то есть стендап-комики делают ставки на «открытость» любых тем: обсуждаются сюжеты от личных взаимоотношений до сексуальной ориентации и финансового состояния. Именно фактор личностно ориентированного выступления считается показателем новизны в юмористическом жанре: *Обобщенность – это смерть искусству* (Г. Дин). Для артистов не существует запретных тем. Основным мотивом является провокация: прямолинейно-грубое обсуждение глубоко личных событий и жизненных ситуаций. Формат научной статьи не позволяет приводить в пример слова, которые зачастую используют комики. Откровенность высказываний некоторых авторов настолько шокирует зрителей, что комики вынуждены объяснять свою манеру выступления: *Не надо на меня так смотреть, как будто я в церковном хоре выступаю! Стендап-комедия – это грязный жанр! Грязный реализм!* (Старовойтов. Выпуск 30.03.2021). Площадки стендап-клубов используют даже для каминг-аутов: *Да, я лесбиянка! Такие мы в жизни. Вот такая она суровая реальность* (Говорун. *Открытый микрофон*. 17.01.2018). Однако является ли эта особенность проявлением оригинальности, как критерия креативности? Ставка делается на реализацию структуры шутки в грубо-просторечных выражениях часто с применением обсценной лексики. Мы приходим к выводу, что явление стендап-комедии в существующем виде – явление довольно опасное, так как подобное представление о юморе создает циничное отношение к жизни, снижает ценность общелитературного языка у молодых людей, которые только формируют свою картину мира. Об этой проблеме говорят сами комики:

Я обожаю русский язык. Радею за наш лексикон. Но он неумолимо быстро беднеет. Когда не хватает слов, мы прибегаем к «словесным смайликам». Не хватает слов для описания действия: тыры-пыры; длительное действие: тыры-пыры-растопыры (Дедищев. Выпуск от 10.10.2021).

То есть проблема ценности литературного языка явно ощущается в обществе, но не связывается с тем языковым материалом, который наполняет средства массовой информации.

Стоит отметить, что не так давно (2020 г.) на телеэкранах появилось новое комедийное шоу – *Женский стендап*, которое отличает качественно иное отношение к языку, выражению языковой игры в выступлениях. Женщины избегают откровенной грубости, уделяют больше внимания манере преподнесения юмористических монологов. Изучение женской манеры подачи иронии, юмора, моделирования лингвистического креатива и языковой игры является перспективой нашего следующего исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баско, Н.В. (2018). *Креативность в медийной номинации: средства и способы реализации*, Уральский филологический вестник. Урал. гос. пед. ун-т. Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива», 2 (27), 21–29.
- Викторова, О.А. (2016). *Особенности поликодовых демотивационных постеров с включением языковой игры*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тверь.
- Гридина, Т.А. (2013). *К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи*, Лингвистика креатива-1 (5–59), Т.А. Гридина (ред.). Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т».
- Дин, Г. *Пошаговое руководство по созданию комедийного шоу*, <https://readli.net>, доступ: 9.03.2020.
- Земская, Е.А. (2007). *Игровое словообразование*. В: *Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина (186–193)*, Е.А. Земская, М.Л. Каленчук (отв. ред). Москва: Языки славянской культуры.
- Земская, Е.А. (2009). *Словообразование как деятельность*. Москва: Книжный дом «Либроком».
- Ильасова, С.В., Амири, Л.П. (2013). *Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы*. Москва: «Флинта», «Наука».
- Рыжков, М.С. (2009). *Людемы интернет-дискурса*. Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачева. Серия «Лингвистика», 6, 338–345.
- Санников, В.З. (1999). *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва: Языки русской культуры.
- Санников, В.З. (2008). *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. Москва: Языки славянских культур.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. (2003). Москва: «Флинта», «Наука».
- Цикушева, И.В. (2009). *Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования*. Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 90, <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-igry-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya>, доступ: 22.12.2019.
- Stand Up. Официальная страница на сайте ТНТ, <https://standup.tnt-online.ru/s03e12>, доступ: 31.01.2022.

- Basko, N.V. (2018). *Kreativnost' v mediinoi nominatsii: sredstva i sposoby realizatsii*, Ural'skii filologicheskii vestnik. Ural. gos. ped. un-t. Seriya «Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa», 2 (27), 21–29.
- Din, G. *Poshagovoe rukovodstvo po sozdaniyu komediinogo shou*, <https://readli.net>, accessed: 9.03.2020.
- Gridina, T.A. (2013). *K istokam verbal'noi kreativnosti: tvorcheskije evristiki detskoj rechi*, Lingvistika kreativa-1 (5–59), T.A. Gridina (red.). Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t».
- Il'yasova, S.V., Amiri, L.P. (2013). *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy*. Moscow: «Flinta», «Nauka».
- Ryzhkov, M.S. (2009). *Lyudemy internet-diskursa*. Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobacheva. Seriya «Lingvistika», 6, 338–345.

- Sannikov, V.Z. (1999). *Russkii yazyk v zerkale yazykovoi igry*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Sannikov, V.Z. (2008). *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Stand Up. Ofitsial'naya stranitsa na saite TNT, <https://standup.tnt-online.ru/s03e12>, accessed: 31.01.2022.
- Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*. (2003). Moscow: «Flinta», «Nauka».
- Tsikushcheva, I.V. (2009). *Fenomen yazykovoi igry kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena, 90, <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-igry-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya>, accessed: 22.12.2019.
- Viktorova, O.A. (2016). *Osobennosti polikodovykh demotivatsionnykh posterov s vklyucheniem yazykovoi igry*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Tver.
- Zemskaya, E.A. (2007). *Igrovoe slovoobrazovanie*. B: *Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L.P. Krysin* (186–193), E.A. Zemskaya, M.L. Kalenchuk (otv. red). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Zemskaya, E.A. (2009). *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'*. Moscow: Knizhnyi dom «Librokom».

Aleksandra Zięba

 <https://orcid.org/0000-0001-6897-5777>

Szkoła Doktorska Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach
40-007, Katowice, ul. Bankowa 14
aleksandra.zieba@us.edu.pl

Sprawozdanie z konferencji naukowej *SLAVICA IUVENUM*

Report from the Scientific Conference *SLAVICA IUVENUM*

Streszczenie

Niniejszy tekst jest poświęcony XXII edycji konferencji *SLAVICA IUVENUM*, zorganizowanej przez Katedrę Sławistyki Wydziału Filozoficznego Uniwersytetu Ostrawskiego w 2021 roku. Cykliczna sesja naukowa zgromadziła młodych lingwistów, literaturoznawców i przekładoznawców, którzy prowadzą działalność naukową w obszarze języków słowiańskich. Celem spotkania była wymiana doświadczeń naukowych, zaprezentowanie wyników dotychczasowych badań, a także wskazanie perspektyw dalszego rozwoju analiz.

W sprawozdaniu przedstawia się krótki opis podejmowanego zagadnienia każdego z prelegentów z uwzględnieniem najważniejszych wątków artykułu. W tym roku referaty były wygłoszone w obszarze czterech dyscyplin naukowych: językoznawstwa, literaturoznawstwa, kulturoznawstwa i przekładoznawstwa. Podejmowane zagadnienia były poświęcone m.in. analizie morfologiczno-leksykalnej, problemowi etnolingwistyki i etnologii, wątkom z pogranicza literatury i sztuki filmowej czy tłumaczeniom tekstów z zakresu przestrzeni wirtualnej. Przedstawione referaty były okazją do zapoznania się z najbardziej aktualnymi kierunkami badań w obszarze języków słowiańskich, metodami tłumaczenia utworów z różnych dziedzin oraz językowym obrazem świata w utworach literackich.

Panel dyskusyjny konferencji umożliwił zarówno bardziej szczegółowe omówienie wybranych wątków zagadnienia, jak i nawiązanie kontaktów studentów i doktorantów z różnych ośrodków naukowych. Tegoroczne spotkanie zaowocowało międzynarodową publikacją, w skład której wchodziły zaprezentowane przez prelegentów artykuły fachowe z trzech działów tematycznych.

Słowa kluczowe: język rosyjski, język czeski, język polski, konferencja naukowa, językoznawstwo, przekładoznawstwo, literaturoznawstwo.

Summary

The text is devoted to the 22nd edition of the Slavica Iuvenum conference, organized by the Department of Slavic Studies of the Faculty of Philosophy of the University of Ostrava in 2021. This scientific colloquium is a unique platform for young linguists, literary and translation scholars, whose scientific activity is conducted in the field of Slavic languages.

The report presents the subject of each speech and gives a brief description of every issue taken into consideration, in addition to the most important threads of the analysis. This year papers were presented in Polish, Russian, Czech, Slovak and Serbian languages in the area of four scientific disciplines: linguistics, literary studies, cultural studies and translation studies. Discussed issues include morphological and lexical analysis, the problem of ethnolinguistics and ethnology, topics on the borderline of literature and film art or translating virtual reality texts. The presented papers gave an opportunity to get acquainted with the most recent research trends in Slavic languages, methods of translating various works and the linguistic image of the world created in literature.

The conference panel allowed for a more detailed discussion of selected topics, as well as for establishing contacts between students from many research centres. This year's meeting resulted in the international publication of articles representing three subject areas.

Keywords: Russian language, Czech language, Polish language, academic conference, linguistics, translation studies, literary studies.

W dniach 30 i 31 marca 2021 roku odbyła się XXII edycja konferencji *Slavica Iuvenum* organizowanej przez Katedrę Sławistyki Wydziału Filozoficznego Uniwersytetu Ostrawskiego. Ze względu na pandemię koronawirusa międzynarodowe spotkanie młodych sławistów odbyło się w formie zdalnej. Konferencja umożliwiła studentom oraz doktorantom kierunków sławistycznych wymianę doświadczeń z zakresu lingwistyki, translatoryki i literaturoznawstwa. To coroczne wydarzenie naukowe zgromadziło pięćdziesięciu pięciu prelegentów, którzy reprezentowali piętnaście ośrodków naukowych z Czech i zagranicy. Gości powitali organizatorzy konferencji mgr Lukáš Plešník i dr Simona Mizerová.

Dwudniowe obrady obejmowały szerokie spektrum tematyczne. Obrady otworzył wystąpienie Jany Demelovej *Termíny označujúce súrodencov rodičov a ich partnerov v západoslovanských a južnoslovanských jazykoch*, w którym autorka omówiła pochodzenie częściowo przedindoeuropejskich lub praslawiańskich terminów, a także opisała aktualną sytuację każdego języka. Autorka zwróciła również uwagę na zmiany w wymienionych językach.

Drugi referat na posiedzeniu plenarnym zatytułowany *Jazykový obraz zeme-trasenia v príspevkoch chorvátskych politikov na Facebooku* wygłosiła Dominika Kubišová, która przedstawiła analizę postów chorwackich polityków w serwisie społecznościowym Facebook. Autorka podjęła się próby znalezienia odpowiedzi na pytanie, w jaki sposób język postów wpłynął na nastroje społeczne w związku z trzęsieniami ziemi w tamtym regionie.

Justyna Szajnowska-Borkowska w referacie *Analiza dyskursu medialnego – zagadnienia teoretyczne* zaprezentowała analizę zmian, jakie zaszły na przestrzeni dwóch ostatnich dekad w językowym i dyskursywnym obrazie świata medialnego. Jednym z zagadnień było zmniejszenie dystansu społecznego i jego wpływu na wiedzę odbiorcy, a także na możliwości manipulacyjne nadawcy.

Ewa Kozik w wystąpieniu *Język polskich mediów alternatywnych jako sposób tworzenia postprawdy* podzieliła się refleksją na temat dyskursywnego obrazu świata portali alternatywnych i tworzenia za ich pomocą nowego rodzaju wiedzy. Analizie zostały poddane głównie teksty dotyczące medycyny i zdrowia.

Aleksandra Wojnarowska w referacie pt. *Status słowotwórczych elementów klasycznych w wybranych ujęciach językoznawców słowiańskich* przedstawiła różnorodność poglądów lingwistycznych na internacjonalne części słowotwórcze o pochodzeniu klasycznym, wyekscerpowane w badaniach nad bułgarską i słowacką terminologią okulistyczną.

Z kolei Daria Ogon w referacie *Gatunki mowy charakterystyczne dla języka turystyki* opisała leksykę i składnię języka turystyki, a także wyszczególniła typowe dla dyskursu turystyki gatunki mowy. W wystąpieniu została m.in. przedstawiona analiza ofert turystycznych, broszur, umów, przewodników i informatorów turystycznych.

W referacie Darii Galcowej pt. *Синонимические соответствия в тематической группе «Названия пищи» (на примере воронежских говоров)* zanalizowane zostały ciągi synonimiczne dotyczące nazw potraw w dialektach woroneskich. Omówiona została etymologia leksemów i ich aspekt słowotwórczy, a także zwrócono uwagę na dryfy semantyczne charakterystyczne dla danej grupy tematycznej.

Aleksandra Zięba w referacie *Использование программы Treq в польско-русском переводе* podzieliła się refleksją teoretyczną nad wykorzystaniem programu Treq w polsko-rosyjskiej leksykografii przekładowej oraz nad metodologią osiągnięcia ekwiwalencji analizowanych jednostek leksykalnych.

Zagadnienia z dziedziny fleksji poruszyła Monika Stienchłakowa w referacie *К проблематике словоизменительной системы имени существительного в русском, польском и словацком языках*, ukazując podobieństwa i różnice deklinacji rzeczownika w trzech językach słowiańskich.

Anna Kozłowa, Sofija Kołguszkina i Daria Pietropawłowa wygłosiły referat *Погодные явления в природе в русской языковой картине мира*, w którym scharakteryzowały przykłady zjawisk pogodowych w rosyjskich przysłowiach i zagadkach. Przedstawiona analiza dotyczyła głównie językowego obrazu świata Rosjan.

Problematykę językowego obrazu świata podjęły także Tatiana Wojewodina i Anastazja Rusinowa w referacie pt. *Формирование представлений о народной этике в языковой картине мира младших школьников*. Przedstawiły one analizę procesu kształtowania językowego obrazu świata dziecka w wieku szkolnym przy użyciu paremii, odzwierciedlających kulturę oraz normy moralno-etyczne narodu rosyjskiego.

Tematykę trudności leksykalnych w literaturze dziecięcej opisały Marta Fomenko i Anastazja Awdonkina w referacie *Лексические сложности русского языка в обучении детей-инофонов*. Prelegentki ukazały sposób organizacji pracy z nowym słownictwem, prezentującym cechy kulturowe Rosji. Referat zamknął pierwszą część konferencji.

Problematykę lingwistyczną wielokrotnie podejmowano również w drugiej części spotkania młodych slawistów. Dominika Vincejová w referacie pt. *Slovenské a poľské lingvistické termíny morfolologickej roviny z aspektu vybraných typov lexikálnej motivácie* scharakteryzowała słowackie i polskie terminy językowe jako jednostki motywowane terminologicznie w zakresie wybranych typów motywacji leksykalnej. W analizie podkreślono różnice i podobieństwa międzyjęzykowe, a badania oparto na poszczególnych typach motywacji J. Furdíka.

Michalina Surma w referacie *Rola wyrazów „tu”, „tutaj” oraz „też” jako elementów definicji w publikacjach serii „Wielkopolskie Słowniki Regionalne”* zanalizowała wartość funkcjonalną zaimków *tu*, *tutaj* oraz spójnika *też* w oparciu o materiał wyekscerpowany z sześciu słowników w ramach serii *Wielkopolskie Słowniki Regionalne*.

Badania nad semantyką słownictwa związanego z umieraniem, śmiercią i ceremoniami pogrzebowymi przedstawił Miloš Pantić w wystąpieniu pt. *Lexikum týkající se umírání, smrti a pohřebních obřadů v Srbském slovníku (Српску рјечник: истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима 1852) od Vuka Stefanovića Karadžića*. Zaprezentował on słownik serbski jako świadectwo ważnego aspektu tradycyjnej kultury serbskiej, w tym zagadnień etnolingwistycznych.

Angelika Bogoczowa w referacie *Медицинский социолект* omówiła specyfikę socjolektu medycznego i cele jego użycia w środowisku lekarskim.

Bogusław Bogusz w wystąpieniu *Metafora i jej oddziaływanie w wypowiedziach uczestników programu telewizyjnego „Europa da się lubić”* przeprowadził analizę wybranych stereotypów językowych. Jako materiał badawczy posłużyły mu wybrane odcinki programu telewizyjnego pt. *Europa da się lubić*.

W szerszym kontekście kulturowym zagadnienia językowe poruszyła Natalia Barinowa w referacie *Рябина и калина в культуре древних славян*. Prelegentka dokonała analizy etnolingwistycznej leksemów *рябина* i *калина*, stosując metodę porównawczo-analityczną. Uwaga autorki skupiła się na folklorze i rytuałach starożytnych Słowian.

Jekaterina Alsajewa swoje wystąpienie pt. *Номинации месяцев года в славянских языках* poświęciła historii powstawania nazw miesięcy kalendarzowych zgodnie z folklorem starożytnych Słowian. Przeanalizowane zostały specyficzne leksemy nominacji miesięcy i wskazane ich wzajemne powiązania przy użyciu porównawczej metody historycznej.

Liczną grupę referatów stanowiły analizy, dotyczące symboliki ptaków w różnych obszarach językowych u kulturowych. Jekaterina Czajkowskaja wygłosiła referat pt. *Образ соловья в фольклоре, его связь с человеком*, w którym

poddała analizie obraz i symbolikę słowika w folklorze, a także wpływ tego obrazu na sposoby tworzenia nazw własnych.

Ksenia Aleksandrowa w referacie *Слово «ворона» в языке и культуре народов* scharakteryzowała różnicę między słowami *ворон* i *ворона*, ukazując etymologię wymienionych leksemów i ich powiązania językowe.

Cechy charakterystyczne ptaków i ich interpretacja w różnych słownikach były tematem wystąpienia Diany Sabczuk pt. *Птицы в славянских языках и культурах. Скворец*. Prelegentka zaprezentowała wykorzystanie wizerunku szpaka w heraldyce, przysłowiach i powiedzeniach.

Kolejny referat o podobnej tematyce pt. *Обзор символа кукушки в синхронии и диахронии* przedstawiła Jelena Iszczenko. Omówiono szerokie znaczenie kukłki oraz wykorzystano synchroniczny materiał językowy w celu wyjaśnienia miejsca obrazu ptaka we współczesnym rosyjskim językowym obrazie świata.

W kolejnej części obrad zaprezentowano referaty podejmujące problemy przekładu. Dawid Adamczyk w referacie *Образ Росjanina в польской литературе podróży i jej rosyjsких переводах* poddał refleksji obraz Rosjan w polskiej literaturze podróży. W części teoretycznej zostały przedstawione główne stereotypy dotyczące Rosjan, a także omówiono specyfikę sposobów kreowania obrazu Rosji i Rosjan w twórczości Ryszarda Kapuścińskiego, Jacka Hugo-Badera oraz Mariusza Wilka.

Szymon Bryzek przedstawił referat pt. *О влиянии warstwy музыкальной utworу на толмачение и его рецепcję (на материале песенок Влoдимирза Wыsockiego в переводах Macieja Maleńczuka)*, ukazując w jaki sposób modyfikacje warstwy muzycznej powstałe w wyniku procesu translacji wpływają na recepcję całości translatu. Jako materiał wykorzystane zostały tłumaczenia piosenek Władimira Wysockiego, zamieszczone na płycie *Wysocki Maleńczuka* autorstwa Macieja Maleńczuka.

Łukasz Gęborek w referacie *О переводе описов иллюстраций в цикле „Bruderszaft ze Śmiercią” Бориса Акунина* podjął próbę typologii opisów ilustracji, które pojawiają się w powieściach-filmach cyklu „Bruderszaft ze Śmiercią” rosyjskiego pisarza Borisa Akunina. Badanie zostało przeprowadzone w aspekcie przekładoznawczym na materiale dwóch języków – rosyjskiego (tekst oryginału) i polskiego (tekst przekładu).

Kolejny referat z dziedziny przekładu pt. *Warsztat tłumacza sądowego в translacji chorwacko-polsких terminów правных* wygłosił Piotr Czajkowski. Autor poświęcił uwagę roli tłumacza przysięgłego i przekładu, ze szczególnym uwzględnieniem specyfiki tłumaczenia terminologii prawniczej, a badania oparte zostały na osobistych kompetencjach, doświadczeniu translatorskim i wiedzy interdyscyplinarnej prelegenta.

Jana Pikulová w referacie *Vybrané problémy česko-polské terminologie sportu* poruszyła oddzielne zagadnienia z zakresu etymologii i semantyki terminologii sportowej, które mogą mieć wpływ na dokładność tłumaczenia.

Ustalenie poprawnego ekwiwalentu między tymi językami wydaje się być problematyczne ze względu na brak profesjonalnego czesko-polskiego słownika o tematyce sportowej.

Wystąpienie Marii Gajworonskiej pt. *Переводческие трансформации в русскоязычных субтитрах к чешским фильмам* dotyczyło transformacji przekładowych. Autorka przedstawiła sposoby rozwiązywania trudności, jakie pojawiają się w przypadku tłumaczeń napisów filmowych, a także opisała, jakich elementów oryginału nie można przekazać w napisach.

Ostatnie wystąpienie z zakresu translatoryki pt. *К вопросу о переводе названий квестов в компьютерных играх (на примере игры «Dragon Age: Inquisition»)* wygłosiła Karolina Zielińska. Poruszyła ona kwestię tłumaczenia polskich i rosyjskich nazw questów w grach komputerowych, a materiał do analizy zaczerpnęła z komputerowej gry RPG „*Dragon Age: Inkwizycja*”.

W ostatniej sekcji konferencji wygłoszone zostały referaty z dziedziny literaturoznawstwa. Mária Stanková wystąpiła z referatem *Recenzia v 21. storočí*, w którym uwaga była skoncentrowana na podstawowych cechach i funkcjach recenzji jako narzędzia krytyki literackiej w kontekście komunikacji w środkach masowego przekazu. Badania dotyczyły recenzji w mediach tradycyjnych i internetowych.

Z kolei Jolanta Greń w wystąpieniu pt. *Komunizm jako religia. Odzwierciedlenie myśli Mikołaja Bierdiajewa w utworze Swietłany Aleksijewicz „Czasy secondhand. Koniec czerwonego człowieka”* przedstawiła sylwetkę Mikołaja Bierdiajewa i koncepcję jego myśli filozoficznej w pracy *Źródła i sens rosyjskiego komunizmu*. Przytoczone zostały przykłady trafności rozważań pisarza oraz poruszono zagadnienia dotyczące trwałości idei komunistycznych we współczesnym świecie, o których traktuje powieść białoruskiej pisarki S. Aleksijewicz w utworze *Czasy secondhand*.

Klaudia Jeznach w referacie *Piękno słowa. O problemach estetycznych w twórczości C.K. Norwida* omówiła relację między pięknem a doskonałością w myśli C.K. Norwida. Autorka podkreśliła, że Prawda, Dobro i Piękno pozostały trzema najważniejszymi filarami, a potrzeba samodefiniowania siebie i podążanie w kierunku Boga stały się nowym modelem krytycznej rzeczywistości.

Gabriela Onušková wygłosiła referat pt. *Status historického románu v diele Čarodejnica z Florencie od Salmana Rushdieho*, w którym wyjaśniła dlaczego *Czarodziejka z Florencji* Salmana Rushdiego jest powieścią historyczną, a nie historią romantyczną.

Opis krytycznych sytuacji życiowych w literaturze dla dzieci i młodzieży przedstawiła Gabriela Eibenová w referacie *Hraničné životné situácie a ich stváranie v próze pre deti a mládež*. Opierając się na interpretacji prozy amerykańskiej i francuskiej, autorka zaprezentowała, jakie ważne wątki i motywy mogą występować w literaturze dla dzieci i młodzieży, a także jak świat ludzi i zwierząt przecinają się w takich opowieściach.

Kolejny referat z dziedziny przekładu pt. *Maryli Wolskiej tłumaczenie „Rokoko” Juliusa Zeyera. Na marginesie przemian projektu artystycznego pisarki* wygłosiła Dominika Pękalska. Autorka przedstawiła analizę porównawczą *Rokoko* i podobnego fabularnie *Była raz Królowna...* Wolskiej, a następnie wyjaśniła, dlaczego tekst Zeyera okazał się interesujący dla pisarki.

Anna Brzezińska-Winkiel i Anna Gańko w referacie *Miastokształty – poezja konkretna w przestrzeni miejskiej Wrocławia na przykładzie realizacji utworów Stanisława Dróżdża* przedstawiły próbę analizy funkcjonowania wybranych utworów Dróżdża w przestrzeni miejskiej. Konkretność poezji ukonkretnia się w materialności miejsca, a praktykowanie przestrzeni miejskiej staje się jednocześnie interpretacją tekstu.

Karolína Velšová w referacie *Zákony neměnné: Teorie společenské smlouvy v díle Denise Ivanoviče Fonvizina* skupiła się na traktacie filozoficznym Dienisa Iwanowicza Fonwizina pt. *Рассуждение о непремennых государственных законах*. Autorka omówiła teorię umowy społecznej promowaną przez Fonwizina, a uwaga została zwrócona nie tylko na wymagane prawa i obowiązki obywateli, ale także na rolę władcy.

Isabela Vaverková w referacie pt. *Zobrazení Nikolaje Nikolajeviče Ryžkova v básni Vladimíra Grigorjeviče Žukovského Kot otšeľnik (Kom – отшельник)* przedstawiła osobowość N. Ryžkova i jego twórczość w Pradze i Karłowych Warach na tle napięć politycznych w okresie przed I wojną światową.

Z kolei Ľudmila Horká w wystąpieniu *Telo ako nástroj vyjadrenia emócií v diele M. Figuli* wykorzystała jako materiał badawczy zbiór *Pokušenie*, w którym Margita Figula zajmuje się napiętymi sytuacjami psychicznymi, ukrytymi namiętnościami, pragnieniami i uczuciami z perspektywy kobiet. Autorka referatu opisała sposoby przedstawiania uczuć oraz rolę ciała jako narzędzia wyrażania emocji z naciskiem na emocjonalne metafory.

Ostatnia część konferencji stanowiła kontynuację wystąpień z dziedziny literaturoznawstwa. Gabriela Homolová w referacie *Špecifická seriálových adaptácií románu* skoncentrowała się na specyfice serialowych adaptacji i najistotniejszych różnicach z punktu widzenia kompozycji, a za materiał badawczy posłużyła powieść L.N. Tołstoja *Anna Karenina*.

Barbora Petrová w wystąpieniu pt. *Vznik a vývoj komiksu na pozadí literatury a filmu* przedstawiła pochodzenie i rozwój komiksów w społeczeństwie, a podane cechy i definicje zademonstrowane zostały na konkretnych przykładach.

Zagadnienie powiązań intertekstualnych w literaturze omówiła Anna Brzezińska-Winkiel w referacie *Film „Otesánek” Jana Švankmajera jako intertekst*. Autorka zaproponowała różne sposoby odczytywania filmu *Otesánek* wskazując liczne odwołania reżysera do mitów, archetypów, psychoanalizy Zygmunta Freuda oraz funkcji przedmiotów i obiektów znalezionych w kontekście poezji czeskiego surrealizmu.

Zuzana Dupalová w referacie *Odkaz Musorgského Borise Godunova v dramatu Smuta Arsenije A. Goleniščeva-Kutuzova* opisała wpływ opery *Boris Godunov*

Modesta Musorgskiego na dramat jego przyjaciela Arsenija Arkad'jevicha Gole-niščeva-Kutuzowa pt. *Smut*. Podkreślony został także związek między głównymi bohaterami obu dramatów.

Galina Prokudina w wystąpieniu *Koncept „válka” v českých precedenčních textech* przeanalizowała pojęcie *wojny* w czeskich tekstach precedensowych. Szczegółowo opisano paradygmatyczne i syntagmatyczne powiązania koncepcji funkcjonowania kadru *wojna* w analizowanych pracach, a następnie porównano je ze sobą.

Agnieszka Kunda w referacie *„Pismo jest jak obraz” – zapiski Marii Więckowskiej. Interpretacja wybranych fragmentów z elementami psychografologicznej analizy pisma* ukazała, że metody odczytywania zapisu graficznego pisma znajdują zastosowanie w odkodowywaniu płaszczyzn wizualnych, a przede wszystkim pozwalają na poszerzenie zakresu interpretacji cech typograficznych. Autorka posłużyła się rękopisami Marii Więckowskiej jako przykładami do odczytania cech pisma, wzbogacając swoją analizę o interpretację tekstów literackich.

Anna Szewczykowska swoje wystąpienie pt. *Wielkość literatury antycznej w ujęciu Tadeusza Zielińskiego* poświęciła literaturze antycznej z punktu widzenia Tadeusza Zielińskiego, a antyk uznała za swoisty wzorzec, bez którego znajomości nie sposób swobodnie poruszać się w obrębie szeroko pojętej kultury.

Sposoby konstruowania figur matki i dziecka w poezji Ireny Wyczółkowskiej i przedstawienie ich w kontekście tematów wywoływanych przez poetkę przedstawiła Kamila Byrtek w referacie *Figury matki i dziecka w poezji Ireny Wyczółkowskiej*. Autorka scharakteryzowała kierunek odkrywania humanistycznego wymiaru poezji Ireny Wyczółkowskiej, a także relację między wierszem współczesnym a doświadczeniem egzystencji.

Konferencje zakończyło wystąpienie Anny Gorochowcewej, Tatiany Titowej oraz Ilony Iwanowej pt. *Воспитательные сюжеты в русских и чешских бытовых сказках*. Autorki referatu zanalizowały normy moralne i etyczne, które znajdują odzwierciedlenie w rosyjskich i czeskich opowieściach codziennych, a także scharakteryzowały kulturę narodów na podstawie badanego materiału.

Międzynarodowe spotkanie młodych slawistów było okazją do przedstawienia doświadczeń badawczych, a coroczna różnorodność tematyczna pozwoliła na aktywną wymianę poglądów. Mimo zdalnego charakteru konferencji, tegoroczną edycję *SLAVICA IUVENUM* można uznać za udane przedsięwzięcie, stwarzające możliwości rozwoju naukowego dla studentów i doktorantów kierunków filologicznych.

Zoja Kuca

 <https://orcid.org/0000-0003-2194-9250>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny, Instytut Rusycystyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

zoja.kuca@uni.lodz.pl

**«Эффективно и интересно»
– на примере учебного пособия по русскому языку
*Просто класс***

**“Effective and Interesting”
An Example of the Russian Language Textbook
*Просто класс***

Резюме

Учебно-методическое пособие *Просто класс* предназначено для обучения русскому языку как иностранному на уровне A1–A2. Адресатами языкового материала могут быть студенты и ученики, начинающие постигать азы русского языка, участники языковых курсов, а также участники занятий университета третьего возраста.

Авторы пособия Justyna Deczewska и Krzysztof Świrko предложили совершенно новую, ранее не используемую структуру пособия, разделив материал на два семестра и на 40 отдельно озаглавленных уроков. Каждый урок состоит из нескольких языковых тем, содержащих лексические, грамматические и коммуникативные задания. Названия всех уроков отмечены культурными коннотациями и смыслами, некоторые из них также обозначены устойчивыми русскими выражениями, что, несомненно, обогащает языковой материал и вызывает к нему интерес учащихся. Темы уроков, а также лексический и грамматический материал соответствуют заявленному уровню. Структура каждого раздела продиктована языковыми целями и представленным материалом. Каждый урок по-своему неповторим. Таким образом Авторы пособия пытаются избежать рутинизации учебного процесса. Преимуществом данного учебного пособия являются авторские дополнительные материалы, подготовленные в онлайн-версии (презентации, записи, упражнения, контрольные работы, конспекты уроков).

Целью учебно-методического пособия является формирование лексических, грамматических и коммуникативных навыков. Пособие содержит текстовые и послетекстовые

материалы, грамматические и лексические упражнения, а также задания коммуникативного типа. Несомненно, учебно-методическое пособие *Просто класс* станет как школьным, так и академическим подспорьем.

Ключевые слова: учебное пособие, языковой материал, урок, грамматические и лексические задания.

Summary

The textbook *Просто класс* is intended to teach Russian as a foreign language at levels A1–A2. The language material can be used by students and learners starting to learn the basics of the Russian language, participants of language courses, as well as participants of classes at Third Age Universities.

The authors, Justyna Deczewska and Krzysztof Świrko, proposed a completely new structure of the manual, dividing the material into two semesters and 40 separate lessons. Each lesson consists of several language topics dedicated to lexical, grammatical, and communicative tasks. The titles of all lessons are marked with cultural connotations and meanings, some of them are also marked with common Russian expressions, which undoubtedly enriches the language material and rekindles students' interest. The topics of the lessons, as well as the lexical and grammatical material, correspond to the declared level. The structure of each section is motivated by the linguistic objectives and the material presented. Each lesson is unique in its own way. In this way, the authors of the textbook try to avoid a routine teaching process. The advantage of this textbook is the authors' additional materials prepared in online version (presentations, recordings, additional exercises, quizzes, lesson outlines).

The aim of the textbook is to develop lexical, grammatical, and communicative skills. The textbook contains textual and post-textual materials, grammar and lexical tasks, and communicative-type exercises. There is no doubt that the textbook *Просто класс* will be a help for both school and academic purposes.

Keywords: textbook, language material, lesson, grammar and vocabulary tasks.

В последние десятилетия мы наблюдаем большой прогресс в области глоттодидактики. Опыт учителей, методистов, издателей позволяет создавать интересные учебные материалы, в которых нет места рутинизации учебного процесса.

Учебное пособие *Просто класс* можно отнести к группе учебников русского языка нового типа как иностранного на уровне A1–A2 – *Беседа, Start ru, Из первых уст* и др. Авторы нового учебного материала Justyna Deczewska и Krzysztof Świrko предложили совершенно новую, ранее не используемую структуру пособия, разделив материал на два семестра и на 40 отдельно озаглавленных уроков. Сорок уроков разделены на шесть объемных разделов (по 3 в каждом семестре), каждый из которых состоит из 3–7 тематических единиц. После каждого раздела авторами предложен подытоживающий или же проверочный материал «Повторение – мать учения!». Такая структура учебного материала облегчает учителю организацию и планирование занятий (уроков).

Авторы пособия подчеркивают, что адресатами языкового материала могут быть студенты, начинающие постигать азы русского языка и участники языковых курсов. Думается все-таки, что учебное пособие *Просто класс* может стать незаменимым подспорьем для учителей средней школы, а также вызвать интерес среди учеников. Отметим, что как по уровню грамматического и лексического материала, так и по содержанию предложенных для чтения и аудирования текстов, языковой материал замечательно подходит для слушателей разных возрастных категорий, начиная с учеников старших классов средней школы и заканчивая участниками занятий университета третьего возраста. Благодаря многочисленным упражнениям повторительного и закрепляющего характера с учебником можно работать не только в аудитории, но и за ее пределами. Темы, выбранные для рассмотрения, а также лексический и грамматический состав соответствуют заявленному уровню. Языковой материал нацелен прежде всего на польскую аудиторию, о чем свидетельствует не только русско-польский словарь на полях, но также задания переводного типа, присутствующие в каждом разделе (с. 25, 31, 39, 42, 43, 53, 56, 68 и т. д.).

Каждый урок состоит из нескольких параграфов, которые раскрывают отдельные аспекты названной в заглавии темы. Назовем только некоторые: «Понедельник – трудный день», «В гостях хорошо, а дома лучше», «День рождения только раз в году», «Три, четыре, пять, вышел зайчик погулять», «Мы едем, едем, едем в далекие края...», «Язык до Киева доведет». Названия уроков отмечены культурными коннотациями и смыслами, что, несомненно, обогащает языковой материал и вызывает к нему интерес. Некоторые уроки обозначены устойчивыми русскими выражениями, подсказывающими тему, которой посвящен языковой материал. Например, в уроке «Приятного аппетита!» авторы сосредоточили свое внимание на введении лексики, связанной с питанием, а также на склонении, затем практическом использовании глагола *есть*. В свою очередь, урок 17 «У природы нет плохой погоды» посвящен временам года, описанию природных явлений, а также действиям, выполняемым в определенное время года. В этом уроке учащиеся знакомятся со склонением существительных среднего рода типа *море*, а также учатся спрягать возвратные глаголы *заниматься*, *кататься*, *увлекаться* и т. д.

Преимуществом данного учебного пособия является дополнительный материал, подготовленный в онлайн-версии. Этот материал включает в себя конспекты к каждому уроку, что, несомненно, облегчает работу с книгой, далее – готовые самостоятельные и контрольные работы, презентации с дополнительным языковым и речевым материалом, а также аудиозаписи. Это одна из первых причин, по которой рассматриваемый учебник, безусловно, относится к числу оригинальных и заслуживающих внимания учебно-методических пособий.

Учебно-методическое пособие *Просто класс* направлено на обучение русскому языку как иностранному на уровне А1–А2. Темы, представленные в отдельных уроках, действительно соответствуют заявленному уровню. Лексический состав предлагаемого в пособии материала также не выходит за пределы уровня А2. Авторы языкового материала, несомненно, нацелены на формирование у учащихся навыков русской речи, соответствующей современному письменному и устному дискурсу. В случае первых трех разделов (материал первого семестра) уклон не делается на задания, развивающие устную речь. Скорее всего, авторами преследуется другая цель – научить пользователей пособия базовой лексике по заданным темам, а также базовым навыкам грамматики и пониманию речи на слух. Однако во втором семестре Авторы пособия смелее предлагают учащимся материал, развивающий разные дискурсивно-продуктивные языковые навыки (беседа в парах, обмен мнениями, пересказ текста, вопросы открытого характера).

В пособии наблюдается совмещение разных методических приемов. Учащемуся предлагается работа и с аудиоматериалами, и с письменным текстом, и целый ряд заданий по грамматике. Думается, что языковой материал данного пособия нацелен, в основном, на польскую аудиторию, поскольку содержит большое количество заданий сопоставительного и переводного типа. Именно эти задания замечательно демонстрируют сформировавшиеся у учащихся речевые компетенции на уровне лексики, грамматики и синтаксиса.

Смелым шагом авторов было введение изучения алфавита на четырех уроках. Надо, однако, отметить, что по замыслу авторов на каждый из этих уроков отведено 90 минут. Хочется надеяться, что пользователям пособия удастся за столь короткое время усвоить написание и произношение совершенно новых для них знаков и звуков. Наверное, добиться этой цели преподавателю помогут тщательно разработанные конспекты уроков, которые в значительной степени облегчают работу с учебником. Начиная с пятого урока, авторы, вводя новый материал, не оставляют без внимания произношение и написание русских букв, закрепляя таким образом материал из первых четырех уроков в более сложных языковых заданиях грамматического и коммуникативного типа.

Несомненно, преимуществом данного учебника является информация, которая находится в конце каждого раздела, она касается материала, который учащиеся должны усвоить после пройденных нескольких уроков. К примеру, после первого раздела нужно знать лексику по семи пройденным темам: название членов семьи, профессии и место работы. Кроме этого, учащиеся должны уметь образовать отчество от мужских имен и множественное число от существительных единственного числа мужского и женского рода. Учащиеся должны уметь также использовать конструкции: *Как тебя зовут? Как зовут твоего брата? Кто ты по профессии? У тебя есть (нет)...*?

Очень удачной представляется кольцевидная структура каждого раздела: в начале лаконично представлена информация на польском языке о том, чему учащиеся научатся в этой части, в конце каждого параграфа уже на русском языке, авторы подытоживают, что нужно знать и уметь после пройденного языкового материала. Аналогично построены два следующих раздела.

Отметим, что авторы, скорее всего, целенаправленно не распределяют грамматический материал в равных долях с лексическим, в некоторых уроках вводят больше лексики, а в некоторых отдают предпочтение грамматике. Это свидетельствует о том, что целью учебного материала является формирование как лексических, так и грамматических навыков. Учитывая то, что русский язык относится к языкам синтетического типа, с богатой системой грамматических значений, овладение ими просто необходимо для правильного использования языка в разных ситуациях. Так, например, в третьем разделе выбор пал на грамматику, поскольку здесь вводится склонение существительных женского и мужского рода, а также выбранных слов среднего рода. Кроме этого, авторы вводят спряжение глаголов *есть* и *пить*, а также возвратные глаголы. Графическое выделение сложных грамматических форм облегчает усвоение материала, тем более что авторы предлагают ряд упражнений по закреплению новых грамматических форм. В третьем разделе лексический материал посвящен трем темам: продукты и блюда, мебель и помещения, а также погода.

Структура каждого отдельного урока продиктована языковыми целями и представленным материалом. Благодаря этому каждый урок является по-своему неповторимым, что позволяет избежать рутинизации учебного процесса. Хотя уроки внешне мало похожи друг на друга, в плане содержания наблюдаются очевидные параллели: они содержат текстовые и после-текстовые материалы, грамматические и лексические задания, а также задания коммуникативного типа. Немаловажно, что во всех текстах обозначены ударения. Кроме этого, на полях возле текстов монологической и диалогической формы размещен русско-польский словарь, облегчающий понимание нового языкового материала. Стоит подчеркнуть, что авторы задали себе труд и составили словари к каждому уроку (лексика, появляющаяся в текстах и упражнениях), которые размещены в аккаунте *Просто класса* в FB.

В последнее время в обучении иностранному языку можно наблюдать активное использование графики, в данном случае «облака слов». С помощью данного ресурса решается много языковых задач. Языковой материал подается красочно, лаконично, компактно, структурированно, что способствует более быстрому усвоению материала. Облако слов развивает критическое, ассоциативное и логическое мышление. Добавим, что облако слов предлагается учащимся как для индивидуальной работы, так и коллективной. Оно может быть также опорой для проектного задания. Такой графический прием имеет целый ряд преимуществ: он привлекает внимание

учащихся разными цветами и шрифтами, предлагает множество ответов на поставленные в задании вопросы, закрепляет правильную грамматическую форму приведенных в графике лексических единиц, наконец, активизирует учащихся к участию в беседе (с. 49, 53, 86, 88, 122, 120 и др.). В наше время наглядность материала важна как никогда раньше, поскольку современная молодежь в большей степени ориентирована на визуализацию информации.

Использование «облака слов» в учебном пособии *Просто класс* наблюдается практически в каждом разделе. Его цель сводится не просто к прочтению слов или выражений. Главной целью является применение лексического или грамматического материала в конкретных заданиях. К примеру, в задании 1.9. (с. 88) *Что надо / можно / нельзя делать?* учащиеся должны ответить на предложенные вопросы: (*Когда у вас болит горло, вам нельзя...; Когда у вас грипп, вам надо...; Когда у вас болит голова, вам нельзя...; и т. д.*), используя материал из «облака слов»: *вызвать скорую помощь, играть в футбол, ходить на вечеринку, надевать шапку, пить чай с лимоном, принимать таблетки, делать компресс, встречаться с друзьями, кататься на велосипеде* и многие др. Приведем еще один показательный пример, задание 8.1. (с. 122). В облаке слов представлены десятки лексических единиц по теме «Путешествия» – *автобус, самолет, путевка, отпуск, командировка, турбаза, автостоп, купаться в море, посещать города, загорать на пляже, ходить по горам* и т.д., которые нужно распределить по группам: *ехать (куда?), делать (что?), ночевать (где?), путешествовать (на чем?/как?) и поехать (с кем?)*. Некоторые облака слов Авторы умело используют в нескольких заданиях. Примером может послужить материал со стр. 49. Имена прилагательные *приятный, румяное, широкая, красивое, голубые, веселая* и др. нужно использовать в трех заданиях. 13.2. – *Допишите прилагательные из песни;* 13.3. – *К данным словам подберите определения;* 13.4. – *Прослушайте комплименты. Впишите пропущенные слова.*

Раньше было отмечено, что авторы пособия, скорее всего, не ставили перед собой коммуникативной задачи использовать текстовые формы, правила и модели в устной речи. Это абсолютно не означает, что языковой материал не направлен на формирование навыков устной речи. Авторы осторожно подошли к устным заданиям, выполняемым как в спонтанном режиме, так и после предварительной подготовки.

Тексты для чтения соответствуют заявленному уровню учебного пособия. Тексты для аудирования озвучены носителями русского языка, с хорошим интонированием и в темпе, соответствующем указанному уровню владения русским языком. Тексты интересны по своему содержанию. Некоторые из них предложены просто для отработки чтения (с. 76, 85), другие для усвоения грамматических форм (с. 73). Например, в текст *У меня столько планов* (с. 98) введена новая лексика по теме «Планы и намерения». После прочтения текста учащиеся отвечают на вопросы по его со-

держанию, затем следует закрепление форм глаголов совершенного и не-совершенного вида и устное задание.

В основном, тексты для чтения и понимания на слух направлены на отработку грамматических форм, объяснения новой лексики и синтаксических конструкций. В редких случаях предлагаются задания коммуникативного подхода, в которых нужно комментировать, анализировать, или же на основе прочитанного или прослушанного создавать вторичные тексты. В преобладающем большинстве в послетекстовых заданиях предлагается отработка и использование новых лексических единиц и грамматических структур.

Тот, кто работает с учебным пособием *Просто класс* по достоинству оценит заботу авторов об удобном и комфорте выполнении заданий. Это касается не только методически продуманного материала, но также приятной для глаза и зрительного восприятия графической стороны учебного пособия. В книге отсутствуют рамки и таблицы с грамматическими подсказками, вместо них авторы предложили множество других не менее интересных подсказок и инструкций, необходимых в трудных местах. К примеру, при образовании множественного числа существительных всех родов графически выделено окончание – большая буква и цвет без каких-либо дополнительных объяснений и правил (с. 69, 109, 120, 126, 133). По схожему принципу вводятся грамматические правила. Глаголы первого и второго спряжения (с. 35, 40) представлены в виде парадигмы глагола с выделением окончаний, далее следует ряд заданий, которые необходимо выполнить по указанной модели. Думается, что все-таки в сложных грамматических примерах стоит, в виде образца вводить все формы по всем лицам и числам (с. 61, 101).

Языковой материал в учебном пособии *Просто класс*, несомненно, основан на богатом педагогическом опыте и глottomетодических знаниях авторов. Привлекательная графическая форма пособия, широкий спектр заданий, формирующих все языковые навыки и умения, вызывают интерес как учителей и преподавателей, так учеников и студентов.

Наталья Кислова (Natal'ya Kislova)

 <https://orcid.org/0000-0002-6227-5654>
kislova_nn@sgspu.ru

Ольга Шалифова (Ol'ga Shalifova)

 <https://orcid.org/0000-0002-0691-6023>
shalifova@pgsga.ru

Алена Ключина (Alena Klyushina)

 <https://orcid.org/0000-0003-2465-348X>
klyushina@pgsga.ru

**Международная летняя школа по русскому языку
как иностранному в Самарском Государственном
Социально-Педагогическом Университете
(23.06.2021 – 4.08.2021)**

**Russian Language Course at International Summer School of Samara State
University of Social Sciences and Education (23.06.2021 – 4.08.2021)**

Резюме

Настоящая статья посвящена описанию работы Международной летней школы по русскому языку как иностранному, которая была организована в онлайн формате на факультете иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ). Обучение велось в рамках соглашения о сотрудничестве СГСПУ с Филиппино-Российской бизнес ассамблеей. Процесс обучения строился на основе коммуникативного подхода с учетом личностных и культурных особенностей обучающихся, что позволило сформировать и усовершенствовать умения и навыки для успешного речевого общения на русском языке и межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, коммуникативный подход, аутентичные материалы, межкультурное взаимодействие, факультет иностранных языков, Самарский государственный социально-педагогический университет.

Summary

The article accounts the work of the International Summer School in Russian as a foreign language, which was organized in an online format at the Department of Foreign Languages of Samara State University of Social Sciences and Education (SSUSSE). The training was conducted within the framework of the cooperation agreement between SSUSSE and Philippine-Russian Business Assembly. The learning process was based on the communicative approach with emphasis on the students' personal and cultural characteristics, which allowed new skills and abilities to be developed and improved for successful speech communication in Russian and intercultural interaction.

Keywords: Russian as a foreign language, communicative approach, authentic materials, intercultural interaction, Department of Foreign Languages, Samara State University of Social Sciences and Education.

С 23 июня по 4 августа 2021 г. на факультете иностранных языков ФГБОУ ВО *Самарский государственный социально-педагогический университет* (СГСПУ) по инициативе проректора по учебно-методической работе и качеству образования СГСПУ к.ф.н. доцента Натальи Николаевны Кисловой была организована Международная летняя школа по русскому языку как иностранному. Работа велась в рамках соглашения о сотрудничестве СГСПУ с Филиппино-Российской бизнес ассамблеей.

Декан факультета иностранных языков СГСПУ, к.ф.н. доцент Ольга Николаевна Шалифова и заместитель декана по учебной работе факультета иностранных языков СГСПУ, к.ф.н. доцент Алена Михайловна Ключина подготовили рабочую программу и календарно-тематическое планирование занятий с учетом специфики методических основ преподавания русского языка как иностранного гражданам республики Филиппины, начинающим его изучение с *нулевого* уровня. Учебные занятия вели квалифицированные преподаватели кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации СГСПУ: к.ф.н. доцент Татьяна Валерьевна Косолапова, старший преподаватель Антонина Игоревна Шамшина и ассистент Денис Владимирович Гадалин.

Процесс обучения строился на основе коммуникативного подхода, приоритет отдавался формированию навыков чтения и говорения. Основной задачей образовательного процесса было максимальное включение учащихся в процесс живого речевого общения. В соответствии с главным требованием коммуникативного подхода при обучении русскому языку как иностранному на всех занятиях применялись аутентичные материалы, что позволило обеспечить выход обучающихся в реальный межкультурный контекст общения. На занятиях учащиеся научились правильно произносить русские слова, познакомились с грамматическими конструкциями и приобрели опыт их употребления в устной и письменной речи, общались с носителями русского

языка; научились рассказывать на русском языке о себе, своей семье и близких; о своей стране и ее традициях, обычаях; описывать свою учебу, работу, отдых и круг своих интересов. Они также познакомились с традициями, обычаями и праздниками России, узнали некоторые особенности русской культуры и быта. Неотъемлемой частью изучения русского языка стало прослушивание и изучение русских песен, просмотр российских мультфильмов, созданных по мотивам русских народных сказок, знакомство с традиционной русской кухней. Большой интерес у участников вызвали виртуальные путешествия по наиболее значимым местам России.

На завершающем занятии учащиеся отметили, что обучение было не только интенсивным, но и интересным, так как оно было организовано с учетом их личностных и культурных особенностей. Выпускники Международной летней школы по русскому языку как иностранному поделились положительными впечатлениями о курсе, высоко оценили работу организаторов и преподавателей школы и выразили надежду на продолжение обучения (см.: *Летняя школа по русскому языку как иностранному на факультете иностранных языков*, URL). По окончании обучения в подтверждение пройденного курса все участники летней школы получили сертификаты.

Таким образом, СГСПУ и Филиппино-Российская бизнес ассамблея успешно реализовали совместный проект: Международную летнюю школу по русскому языку как иностранному. Преподавателям факультета иностранных языков СГСПУ удалось привить учащимся интерес к России, ее истории, традициям и культуре; дать необходимые знания, сформировать и усовершенствовать умения и навыки для успешного речевого общения на русском языке и межкультурного взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЯ

Летняя школа по русскому языку как иностранному на факультете иностранных языков, <https://www.pgsga.ru/infocenter/news/27614.html>, доступ: 15.11.2021.

Letnyaya shkola po russkomu yazyku kak inostrannomu na fakul'tete inostrannykh yazykov, <https://www.pgsga.ru/infocenter/news/27614.html>, accessed: 15.11.2021.